

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и информации
Российской Федерации
Свидетельство
о регистрации
№ 0110347
от 27 октября 1993 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РЕДАККОЛЛЕГИЯ

Ю. И. ИГРИЦКИЙ
кандидат исторических наук,
член-корреспондент МАИ,
главный редактор

Л. Н. ВЕРЧЕНОВ
кандидат философских наук

В. И. ГЕРАСИМОВ
кандидат филологических
наук, член-корреспондент
МАИ, зам. главного редактора

Л. П. ДЕЛЮСИН
доктор исторических
наук, профессор

Е. Б. КАЛОЕВА
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

А. Д. НЕКИПЕЛОВ
доктор экономических
наук, академик РАН

Б. С. ОРЛОВ
доктор исторических
наук, профессор

Т. Г. ПАРХАЛИНА
кандидат исторических наук

Ю. С. ПИВОВАРОВ
доктор политических наук,
академик РАН

Л. В. СКВОРЦОВ
доктор философских наук,
профессор, академик МАИ

Б. А. ХЕЙФЕЦ
доктор экономических наук

Л. Н. ШАНШИЕВА
кандидат философских наук

В. М. ШЕВЫРИН
кандидат исторических наук,
зам. главного редактора

Ответственный секретарь
А. А. ХАЛАТОВ

Редактор-консультант
И. Л. БЕЛЕНЬКИЙ

Художник обложки
Г. И. КОЗУБОВ
Макет
Н. В. СМИРНОВА

© ИНИОН РАН

РОССИЯ
и современный
МИР

RUSSIA AND
THE CONTEMPORARY
WORLD

3(52)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

**Россия как держава статус-кво
в текущей мировой политике**
Russia as a Status-Quo Power in Current World Politics

«Новая» Восточная Европа
«New» Eastern Europe

Власть и народ в современной России
The Regime and the People in Russia Today

**Как спасти российскую экономику
и добиться ее конкурентности**
*How to Save the Russian Economy and Make
it Competitive*

**Россия, Украина и ЕС: Поле
взаимодействия**
Russia, Ukraine and the EU: Modes of Interaction

МОСКВА
2006

**РОССИЯ И МИР
В НОВОМ ВЕКЕ**

**RUSSIA AND THE WORLD
IN THE NEW CENTURY**

В. Л. Иноземцев
*A Status-Quo Power. Россия
в мировой политике XXI века* **5**

V. L. Inozemtsev
*A Status-Quo Power. Russia
in the 21st Century World Politics*

А. И. Миллер
*«Новая» Восточная Европа:
Политика и геополитика* **23**

A. I. Miller
*«New» Eastern Europe:
Politics and Geopolitics*

Л. С. Лыкошина
*Лех – брат Ярослава, Ярослав –
брат Леха и их партия «Право
и справедливость»* **43**

L. S. Lykoshina
*Lech, Jaroslaw's Brother, Jaroslaw,
Lech's Brother, and Their Party
«Law and Justice»*

С. Л. Волкова
*Экономические отношения Турции
с регионами России (Северный
Кавказ, Поволжье, Урал)* **54**

S. L. Volkova
*Turkey's Economic Relations with
Russian Regions (North Caucasus,
Volga Area, Urals)*

**РОССИЯ ВЧЕРА,
СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

**RUSSIA YESTERDAY,
TODAY, TOMORROW**

И. И. Глебова
*Новая русская власть и общество
массового потребления* **64**

I. I. Glebova
*The New Russian Authority and
the Society of Mass Consumption*

А. Ю. Шевяков
*Реформирование общественного
сектора: Эффекты
взаимодействия экономических
и социальных факторов* **85**

A. Yu. Shevyakov
*Reforming the Social Sector:
The Effects of Interaction
of Economic and
Social Factors*

**ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ**

Р. И. Нигматулин
О ценах, платежеспособности
и доходах, или как спасти
российскую экономику **98**

Е. В. Попова
О методологии формирования
экономической стратегии России
(Как решить задачу
удвоения ВВП?) **104**

С. С. Сулакшин
Государственная политика
промышленного развития России **110**

М. И. Гельвановский
Национальная стратегия
конкурентоспособности как основа
промышленной политики России **118**

О. Г. Голиченко
Российская экономика: Проблемы
перехода на инновационный
путь развития **129**

Л. Б. Вардомский
Инновационная
политика в РФ **141**

ПРОБЛЕМЫ СНГ

Л. С. Косикова
Евровосток как поле
взаимодействия России и
Евросоюза **152**

А. В. Шурубович
Развитие интеграционного
взаимодействия в рамках ЕврАзЭС **174**

**CHALLENGES OF ECONOMIC
GROWTH**

R. I. Nigmatullin
On Prices, Solvency and
Income or: How to Save
the Russian Economy

E. V. Popova
On Methodology
of Formation
of Russia's Economic
Strategy

S. S. Sulakshin
The State's Policy of Russia's
Industrial Development

M. I. Gelvanovsky
The National Strategy
of Competitiveness as a Base
of Russia's Industrial Policy

O. G. Golichenko
The Russian Economy:
Problems of Transition
to Innovative Development

L. B. Vardomsky
Innovative Politics
in the Russian Federation

PROBLEMS OF THE CIS

L. S. Kosikova
The Euro-East as a Field
of Interaction of Russia
and the EU

A. V. Shurubovich
The Growth of Integrative
Interaction within the EvrAzES

- А. И. Кудряченко
Варианты и измерения
стратегического сотрудничества
Украины с Россией 192
- A. I. Kudriachenko
Variants and Variables
of the Ukraine's Strategic
Collaboration with Russia

**НАУЧНАЯ И
КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ**

**SCHOLARLY
AND CULTURAL LIFE**

- В. С. Ем
Времен связующая нить
(О серии книг «Классика
российской цивилистики») 204
- V. S. Yem
Times Connecting Chain
(on book series «Classics
of Russian Civilistics»)

- П. М. Шульгин
Удивительная Крапивна:
Сегодня – село,
завтра – музейный центр 215
- P. M. Shulgin
The Wonderful Krapivna:
Village Today,
Museum Tomorrow

- Е. А. Лащенко
«Русский мир» в Армении 225
- E. A. Lashchenova
«The Russian World» in Armenia

- В. Мазур
Толстовское общество Ганновера 232
- V. Mazur
The Tolstoy Society in Hannover

ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

SURVEYS, DIGESTS

- Бек У., Лау К.
Вторая модернность как предмет
изучения: Теоретические
и эмпирические исследования
«мета-изменения» современного
общества 235
- Beck U., Lau C.
Second Modernity as a Research
Agenda: Theoretical and
Empirical Explorations
in the «Meta-Change»
of Modern Society

- Артс В., Халман Л.
Национальная идентичность
в Европе сегодня: Что
чувствуют и думают люди 239
- Arts W., Halman L.
National Identity
in Europe Today: What
People Feel and Like

- Берноу Т., Уорд К.
Простодушный за границей,
или Карманный путеводитель
по психологии туризма 242
- Berno T., Ward C.
Innocence Abroad: Pocket Guide
to Psychological Research
on Tourism

РОССИЯ И МИР

В НОВОМ ВЕКЕ

В.Л.Иноземцев

A STATUS-QUO POWER. РОССИЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ XXI ВЕКА

Иноземцев Владислав Леонидович – доктор экономических наук, директор Центра исследований постиндустриального общества, профессор Высшей школы экономики.

*Чтобы что-нибудь сделать,
нужно делать хоть что-нибудь.*

Б. Спок, детский врач

Сегодня не приходится сомневаться, что XXI век, когда бы он ни начался – 25 декабря 1991 г., с уходом в прошлое Советского Союза; 24 марта 1999 г., с началом военной операции НАТО против Югославии или же с 11 сентября 2001 г., с терактами в Нью-Йорке – не станет той эпохой демократического мира, какой он совсем недавно, в конце 80-х годов, виделся политикам и экспертам. Скорее всего, военные конфликты по-прежнему будут раздирать мировую периферию. Весьма вероятно усиление борьбы за геополитическое доминирование и доступ к источникам стратегически важного сырья. И реальная политика, и политическая демагогия будут концентрироваться вокруг проблем «безопасности», лишая тем самым население планеты возможности более или менее спокойно и уверенно прожить отпущенный судьбою срок. По-видимому, расширится масштаб противоречий между индустриально развитыми и развивающимися странами.

Но все это – поверхностные явления, в которых находят отражение глубокие, «тектонические» сдвиги, происходящие в глобальной политике на рубеже XX и XXI столетий. Анализ этих перемен, осмысление их направленности и активное участие в формировании новой мировой архитектуры, которая незаметно кристаллизуется в условиях наступившей неопределенности, могут и должны стать достойным ответом великой державы на вызовы времени. А именно великой державой на протяжении последних трех столетий считала себя (и была ею на деле) наша Родина – сначала Российская империя, затем Советский Союз, а ныне Российская Федерация.

Существующий миропорядок и вызовы времени

Последние полвека – с конца 50-х годов – ознаменовались постепенным, но непреодолимым распадом международной системы, сформировавшейся в результате Второй мировой войны. Размывание основ этой системы шло по разным направлениям; в этой статье мы ограничимся лишь тремя из них.

Во-первых, уже через десять лет после учреждения Организации Объединенных Наций до неузнаваемости изменились основные принципы ее функционирования. Если в 1945 г. в ООН вошла 51 страна-основатель, то в 1955 г. в ее рядах состояли уже 74 государства, а в конце 1970 г. – 137. Далеко не все эти государства были в полном смысле слова национальными, подобно странам-основателям, но все они сходились в том, что «мировой порядок» должен был обеспечиваться системой мер, позволяющих им заявлять свои претензии к бывшим метрополиям. С того момента, как в январе 1965 г. в Совет Безопасности вошли шесть новых членов, избираемых на непостоянной основе, страны мировой периферии установили, по сути, полный контроль над основными институтами ООН.

Принятая с подачи СССР 14 декабря 1960 г. Резолюция Генеральной Ассамблеи №1514, которая провозглашала, что «недостаточная политическая, экономическая, социальная или образовательная подготовленность (постколониальных стран и их народов) никогда не должна использоваться в качестве предлога для затягивания предоставления им независимого статуса», была дополнена резолюцией №2908 «О применении Декларации о предоставлении независимости странам и народам, находившимся под колониальным владычеством» от 2 ноября 1972 г., подтвердившей «легитимность использования народами колоний, равно как и народами, находящимися под иностранным владычеством, *любых имеющихся в их распоряжении методов* борьбы за самоопределение и независимость (курсив мой. – В.И.)». В 1974 г. Генеральная Ассамблея ООН одобрила так называемую Хартию экономических прав и обязанностей государств, которая, как ехидно подчеркивали западные комментаторы, определила «все права развивающихся стран и все обязанности развитых»¹. К этому времени относится и знаменитое (причем единственное в истории организации) решение о введении режима экономических санкций – в отношении Южной Родезии, правительство которой противилось приходу к власти черного большинства под руководством Р. Мугабе (считающегося ныне одним из наиболее активно попирающих права человека африканских правителей). Существовав-

1. Gregg R. *The Politics of International Economic Cooperation and Development* // Finkelstein, Lawrence (ed.) *Politics in the United Nations System*. – Durham (NC), L.; N.Y. – 1988. P. 141.

шее у пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН право вето лишь сужало возможности принятия решений, способствующих улучшению глобальной управляемости, ради чего Организация Объединенных Наций и была создана.

По завершении «холодной войны» стало ясно, что ООН не способна функционировать даже в отсутствие неразрешимых противоречий между ключевыми членами Совета Безопасности. В 1994 г., несмотря на заявление Международного комитета Красного Креста и на решимость Генерального секретаря, ни Совет Безопасности, ни Генеральная Ассамблея «не смогли» квалифицировать гибель более 800 тыс. человек в Руанде как акт геноцида²; в 1995 г. миротворческий контингент Организации Объединенных Наций, расквартированный в Боснии, не воспрепятствовал убийству 8 тыс. человек в Сребренице, а в 1996–1999 гг. ООН не приняла никаких обязательных к исполнению резолюций в связи с конфликтом в Заире, унесшим жизни более чем 2 млн. человек и ставшим наиболее кровопролитным военным столкновением со времен Второй мировой войны³. В последние годы агрессия США против Ирака, совершенная без санкции ООН, стала зримым свидетельством того, что легитимизация тех или иных действий на международной арене, которая прежде всегда исходила от Организации Объединенных Наций, более не пользуется спросом. Причина проста: в ситуации, когда на 5 постоянных членов Совета Безопасности приходится 47% мирового валового продукта, а на 100 беднейших членов организации – лишь 1,48%⁴; когда в 28 из этих ста стран наивысшие показатели ВВП на душу населения фиксировались в 70-е и 80-е годы, а с тех пор они не развиваются, или, как говорят менее политкорректные авторы, децивилизуются⁵, мечта об «универсальной системе права, основанной на демократических решениях, принимаемых большинством и утверждающей идеи самоопределения, теряет всякую привлекательность»⁶.

В сложившихся условиях сохранение ООН теряет смысл. Утверждая, что «в Организации Объединенных Наций вопросы открыто дискутируются, и ООН остается площадкой для урегулирования международных проблем, а не обслуживает внешнеполитические интересы одного государства», и как раз это не только придает ей большую универсальность, а делает ее совершенно необходи-

2. Подробнее см.: Melvern L. *Conspiracy to Murder: The Rwandan Genocide*. – L., N. Y., 2004. – P. 218–228.

3. Byers M. *War Law. International Law and Armed Conflict*. – L., 2005. – P. 23, 39.

4. Рассчитано по: *Human Development Report 2004*, Oxford, New York: Oxford Univ. Press, 2004. – Ttable 5, p. 152–153, 155; table 13, p. 184–187.

5. См.: Harris L. *Civilization and Its Enemies. Next Stage of History*. N. Y., 2004. – P. 70.

6. Bobbitt Ph. *The Shield of Achilles. War, Peace, and the Course of History*. – L., 2002. – P. 474.

мой для выработки приемлемых решений на международной арене сегодняшнего дня»⁷, президент В. Путин обходит вниманием тот примечательный факт, что никакие «приемлемые решения», которые впоследствии претворялись бы в жизнь, в стенах небоскреба на Ист-Ривер давно уже не принимаются. При этом, как отмечает большинство политиков, сколько-нибудь реальной альтернативы ООН, которая всех бы устраивала, нет и в обозримой перспективе не предвидится.

Во-вторых, радикальному пересмотру подвергается доктрина суверенитета, которая служила краеугольным камнем всей системы международных отношений на протяжении последних столетий. Основания для такого пересмотра многообразны: с одной стороны, суверенные государства нередко располагают в настоящее время меньшими возможностями, чем крупные международные корпорации, и несамостоятельны в принятии многих экономических решений; с другой стороны, все большую роль берут на себя международные интеграционные образования, и прежде всего – Европейский союз. В научный и политический оборот вошло понятие «пост-Вестфальское государство», в котором фиксируется происходящий ныне «переход от сосредоточения власти в руках суверенного государства, как это повелось с Вестфальского мирного договора 1648 г.,... к более “размытой” ситуации, когда у национальных государств остается меньше полномочий, а число субъектов суверенитета умножается»⁸. И хотя рано еще говорить о становлении новой концепции суверенитета, теоретические поиски в этом направлении идут весьма активно.

Еще в начале 90-х годов известный американский экономист японского происхождения К. Омаэ выдвинул концепцию так называемых «государств-регионов»⁹. Согласно его воззрениям, регионализация способна «преодолеть пост-феодалные, централизаторские тенденции эпохи модернити»¹⁰, которые становятся в современных условиях препятствием на пути экономического прогресса. Отмечая, что в наши дни все и всяческие границы теряют свое значение, С. Хантингтон обосновал возможность завершения эпохи «твердого, как бильярдный шар, государства и начала формирования сложного, комплексного, многоуровневого мироустройства, напоминающего существовавшее в Средние века»¹¹. На-

7. Цитируется по: Стенографический отчет о встрече [Президента РФ] с руководителями ведущих информационных агентств стран «Группы восьми» [2 июня 2006 г.] на сайте: http://www.kremlin.ru/appears/2006/06/02/1836_type63377type63381_106430.shtml.

8. Black J. *War and the New Disorder in the 21st Century*. – N. Y., L., 2004. – P. 49.

9. См.: Ohmae K. *The Borderless World. Power and Strategy in the Global Marketplace*. – N. Y., 1991.

10. Ohmae K. *The End of the Nation-State. The Rise of Regional Economies*. – N. Y., 1995. – P. 142.

11. Huntington, Samuel. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – N. Y., 1996. – P. 35.

конец, с максимальной четкостью сформулировал эту мысль А. Этциони: «Эта новая структура, – заявил он, – вполне может оказаться похожей на *до-Вестфальский* мир, в котором ни один субъект власти не имел монопольного контроля ни в одной сфере, и где ничья власть не была абсолютной»¹². Не следует утверждать, что принципы традиционно понимаемого суверенитета уступят место новым политическим формам в ближайшие годы; в то же время нельзя не замечать, что в Европе они устаревают стремительно.

Как известно, Европейский союз возник из Европейского объединения угля и стали, т.е. из преимущественно экономического альянса, учрежденного в 1957 г. Европейское Экономическое Сообщество довольно быстро переросло первоначально поставленные перед ним задачи и сделало возможным достижение ряда политических целей. Создание Европейского союза и подписание Маастрихтского договора 7 февраля 1992 г. ознаменовали «переход от обусловленной хозяйственной целесообразностью конфедерации к намного более цельной федерации стран»¹³, – переход, который, начавшись 50 лет назад, будет продолжаться и уже не имеет альтернативы¹⁴. Разумеется, Европа образца 2006 г. – это не национальное государство в собственном смысле слова и вряд ли им станет в обозримой перспективе («Европа» как политическое образование учреждена в 1957 г. в Мессине; «Европа» как нация еще только должна возникнуть, и никакой договор или указ не создадут ее *ex ante* – в лучшем случае она появится лишь *ex post*»¹⁵); однако вопрос не в этом.

На протяжении последних полутора десятилетий Европа не только превратилась в единый субъект глобальной экономики, во многих отношениях равный Соединенным Штатам, а в некоторых и превосходящий их¹⁶, – гораздо важнее, что она предложила миру интеграционную и социальную модель, которая стала мощным конкурентом пресловутой «американской мечты»¹⁷. Европейский союз сегодня – это фактически единая экономика (со своей валютой – евро); единое квазигосударство, защищающее интересы своих граждан и своих компаний; еди-

12. Этциони А. *От империи к сообществу* [пер. с англ. под ред. и со вступительной статьей В.Иноземцева]. – М., 2004. – С. 271.

13. Burgess M. *Federalism and European Union: Building of Europe, 1950–2000*. – L., 2000. – P. 263.

14. См.: Wallace W. *Regional Integration: The West European Experience*. – Wash., 1994. – P. XXIV.

15. Schmitter Ph. *How to Democratize the European Union... and Why Bother*. – Lanham (Maryland), Boulder (Colorado), N. Y., 2000. – P. 11.

16. Подробнее см.: Иноземцев В., Кузнецова Е. *Возвращение Европы. Штрихи к портрету Старого Света в новом столетии*. М., 2002. – P. 11–41.

17. См., напр.: Rifkin J. *The European Dream. How Europe's Vision of the Future Is Quietly Eclipsing the American Dream*. N. Y., 2004.

ное правовое пространство с общим центром принятия решений; наконец, мощный промоутер ценностей демократии и правового государства. Условием вступления в ЕС является отчуждение части суверенных прав государства-кандидата; результатом – распространение на него принятых в объединенной Европе норм и принципов. В конечном счете «государства, отказывающиеся от исключительных прерогатив принятия решений по проблемам политического участия, предоставления гражданства, а также определения масштабов и характера своих международных обязательств, решаются на радикальный шаг на пути пересмотра представления о национальном государстве как единственной легитимной форме политической общности»¹⁸.

Начало было положено принятием в ЕЭС Греции (в 1981 г.) и Испании с Португалией (в 1986 г.) – через 7, 10 и 11 лет после того, как эти страны встали на путь демократического развития. Практически немедленно после распада «советского блока» было заявлено о возможности вступления в ЕС большинства восточноевропейских государств (8 из которых были приняты в Союз в 2004 г.). На очереди стоят Румыния и Болгария, а также Хорватия. В этом контексте особенно впечатляет пример Турции, которая в течение вот уже 30 с лишним лет укрепляет и развивает демократические институты, чтобы соответствовать критериям, которые власти ЕС предъявляют к кандидатам на вступление. В 2003 г. в Грузии и в 2004 г. на Украине демократические движения победили на выборах не только благодаря популярности своих лидеров, но и заявляя себя в качестве политических сил, способных привести свои страны в объединенную Европу.

Некоторые эксперты не устают повторять, что военный потенциал Европейского союза слишком слаб для современных условий и что ЕС не проводит согласованной внешней политики. Тем не менее в кругу глобальных игроков именно Европейский союз обладает самой, пожалуй, мощной «мягкой силой»¹⁹, имеющей определяющее значение в современном мире. Причем его влияние растет, не встречая сопротивления фактически повсюду; как отмечает М. Мандельбаум, «сегодня Европейский союз служит позитивным примером для всего мира и потому ценен одним только фактом своего существования»²⁰.

Говоря об успехе Европейского союза и о растущих сомнениях в самооценности традиционно понимаемого суверенитета, нельзя не вспомнить распад Со-

18. Linklater, A. *The Transformation of Political Community. Ethical Foundations of the Post-Westphalian Era*, – Columbus (South Carolina), 1998. – P. 177.

19. См.: Nye J. S., Jr. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. – N. Y., 2004. – P. 76–77.

20. Mandelbaum M. *The Case for Goliath: How America Acts as the World's Government in the Twenty-First Century*. – N. Y., 2005. – P. 215–216.

ветского союза и бесплодные попытки России «интегрировать» вокруг себя страны СНГ, а также многочисленные заявления относительно необходимости защищать отечественный суверенитет. Трудно отделаться от впечатления, что и здесь российский политический класс не желает видеть происходящих в мире перемен.

В-третьих, традиционные представления о международной политике нуждаются в переосмыслении в связи с расширением круга государств, которые в последние годы стали называть несостоявшимися или недееспособными. Большая их часть – это страны Африки и Азии, освободившиеся от колониального господства в 60-е годы; иногда к ним относят и некоторые государства Ближнего Востока. Так или иначе, эти недееспособные государства, называемые также иногда «неуправляемыми хаотичными сообществами»²¹, прямо или косвенно противопоставляются хорошо организованным обществам (*well-ordered peoples*)²².

Проблемы, порождаемые этими государствами, качественно отличаются от тех, что приходилось решать геополитикам прошлого. Хотя, как правило, они направляют на военные цели непропорционально большую часть бюджетных расходов (так, африканские государства тратят на «оборону» 5–14% ВВП, а многие страны Ближнего Востока – до 8–11% ВВП²³), от них, разумеется, не исходит военной угрозы развитым странам. Однако немалую опасность это представляет для непосредственных их соседей, а нередко и для населения самих этих стран. Начиная с 1960 г. в локальных конфликтах, регулярно вспыхивавших на планете, погибли почти в два раза больше людей, чем в годы Первой мировой войны (достаточно вспомнить гражданскую войну в Заире и геноцид в Кампучии, унесшие по 2 млн. жизней, а также этнический конфликт в Руанде, войну между Эфиопией и Эритреей и гражданскую войну в Судане, где погибли более чем по 1 млн. человек), причем все эти жертвы почти на 85% пришлись на гражданское население.

Однако «несостоявшиеся» государства все же порождают очевидные проблемы и для цивилизованного мира. Прежде всего, неспособность этих государств к устойчивому развитию порождает волны массовой миграции; на их территории свирепствуют голод и опасные эпидемии; насилие то и дело вылезает за пределы этих стран, не говоря уже о систематических нарушении-

21. См.: *de Rivero O. The Myth of Development. The Non-Viable Economies of the 21st Century*, L.; N.Y., 2001. – P. 147.

22. См.: *Chomsky N. Failed States. The Abuse of Power and the Assault on Democracy*. – N. Y., 2006. – P. 39 и след.

23. Отсюда и до конца параграфа статистические данные приводятся по: *Иноземцев В. «Не-развивающийся мир: Диагноз и возможные рецепты лечения (статья первая)» в: Азия и Африка сегодня, 2005. – № 10. – С. 2–9.*

ях прав человека в их границах, и т.д. Примерно в 30 странах (из почти 200 существующих на сегодняшний день) не обеспечивается хотя бы стабильность катастрофически низкого уровня жизни населения. Несмотря на помощь, поступающую из развитых стран (и составлявшую на протяжении последних пяти лет от 50 до 76 млрд. долл. ежегодно²⁴), быстро растут их внешние обязательства (так, если в 1965 г. общий объем внешнего долга новых независимых государств не превышал 26 млрд. долл., то к 1974 г. он достиг 135 млрд. долл., к 1981 г. – 751 млрд., а к концу 90-х – 2,6 трлн. долл.; сейчас в 43 странах внешний долг в 2,5 и более раз превышает ежегодные поступления от экспорта).

И именно наиболее бедные страны стали в последние годы «эпицентром» поразившего мир демографического взрыва! Еще в 70-е годы среднее количество детей, в течение жизни рожденных одной женщиной, составляло в Латинской Америке 2,6, в начинавших в тот период свое ускоренное развитие странах Юго-Восточной Азии – 3,1, а в Африке – беспрецедентные 6,6, и пока эти показатели остаются на прежнем уровне. Если в период 1980–1985 гг. среди 20 стран, население которых росло наиболее быстрыми темпами, было лишь восемь африканских, то к 2010 г., по прогнозам ООН, в этом списке их будет уже 17, а к 2025 г. население наименее развитых стран Африки увеличится более чем втрое, до 1,58 млрд. человек. Причем этот рост численности населения происходит не вследствие увеличения продолжительности жизни, а вопреки ее сокращению. Сегодня в списке 25 стран с самым низким показателем продолжительности жизни – 24 африканских и Афганистан; в то же время 25 стран с самым молодым населением представлены 23 африканскими и двумя наиболее отсталыми странами Ближнего Востока – Йеменом и Палестинской автономией. Сегодня средний возраст здесь не превышает 18 лет, в то время как в большинстве развитых стран он составляет 34–40 лет.

В последнее время к «обычным» болезням, сокращающим срок человеческой жизни (малярии, тропической лихорадке и т. д.) добавился СПИД, также поразивший в основном беднейшие страны Африки, Латинской Америки и Азии: в 24 африканских государствах и на Гаити носителями ВИЧ являются 5 и более процентов населения. Обостряется и экологический кризис: за последние 40 лет в мире вырублено около 4 млн. км² лесов, и более 85% этих площадей приходится на беднейшие страны мира. Как следствие, свыше 2/3 всех обрабатываемых в Центральной Африке земель стали непригодными для сельского хозяйства, а в 19 странах (среди которых Заир, Судан, Никарагуа,

24. См.: Sachs J. D. *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. – N. Y., 2005. – P. 298.

Кения, Гаити, Камбоджа, Эфиопия, Афганистан и другие) сегодня производится меньше продовольствия на душу населения, чем 30 лет назад!

Проблемы, с которыми цивилизованному миру вскоре придется столкнуться, проистекают в частности из того, что, признавая суверенитет «неразвивающихся» государств, политики тем самым соглашаются с недемократическим характером их властей; мирятся с вопиющими нарушениями прав человека (прежде всего в отношении представителей этнических меньшинств); сотрудничают с политическими режимами, отличающимися всепроникающей коррупцией и местничеством. Это ведет к размыванию стандартов и принципов, принятых в мире второй половины XX в. Кроме того, наличие государств, которые представляют собой «практически пустую скорлупу со своей столицей, формально учрежденным правительством и некими рамочными институтами, но с ничтожной степенью легитимности контроля со стороны властей за экономикой в частности и жизнью граждан в целом»²⁵, создает почву для «торговли суверенитетом», вплоть до «устойчивой “узурпации” национальных и региональных правительств организованной преступностью и установления ею квазисуверенного контроля над территориями, совпадающими или не совпадающими с официально признаваемыми границами»²⁶. Эти проблемы обостряются угрозами терроризма. Учитывая, что террористическая деятельность обеспечивает ее организаторам и участникам немалые доходы (по некоторым оценкам, масштабы так называемой «экономики террора» достигают 1,5 трлн. долл., или 5% мирового валового продукта²⁷), можно не сомневаться, что неконтролируемые территории станут (если уже не стали) источником дополнительных угроз международной безопасности.

Все эти изменения самой природы угроз глобальному мировому порядку требуют решительных и согласованных действий если не пресловутого «мирового сообщества» (слухи о появлении которого были, по-видимому, сильно преувеличены), то таких мировых держав, как постоянные члены Совета Безопасности, участники саммитов G-8 или три устоявшихся центра экономической мощи мира – США, Европейский союз и Япония. Эти действия жизненно необходимы и поэтому рано или поздно будут инициированы. Отношение к ним России определит место и роль нашей страны в мире XXI в.

25. Naim M. *Illicit. How Smugglers, Traffickers, and Copycats are Hijacking the Global Economy*, N.Y.; L., 2005. – P. 27, 218.

26. *Ibid.* P. 218.

27. См.: Napoleoni, L. *Terror, Inc.: Tracing the Money Behind Global Terrorism*. – L., 2004. – P. 267–268; подробнее см.: Иноземцев В. «Очень своевременный противник» // *Россия в глобальной политике* – Т. 3, № 3, май-июнь 2005. – С. 41–44.

Характер российской внешней политики

Российская внешняя политика последних лет в общем и целом определяется опытом 90-х годов. В последнее десятилетие XX в. Россия вошла как страна, потерпевшая поражение в «холодной войне», потерявшая свою империю и переживавшая глубокий экономический кризис. Через подобные «кризисные точки» в своей истории проходили многие государства, и перед ними всегда открывались две перспективы. В такой ситуации можно было либо отказаться от идеи исключительности, по-ученически принять рецепты, предлагаемые более развитыми странами, интегрироваться в существовавшие на международной арене структуры и стать своего рода «нормальной» страной²⁸, либо мобилизовать силы нации и разработать новую национальную программу, направленную на восстановление сверхдержавности и «отвоевывание» утраченной роли в глобальном сообществе.

Но обе эти перспективы оказались не для России. «Нормальность» страны подверглась большим испытаниям в 1996 и 2000 гг., когда правящая элита не допустила действительно свободных конкурентных выборов, нарушив традиционную для посткоммунистических стран схему смены власти: «правые – левые – умеренные центристские демократы». С тех пор мы наблюдаем нескончаемое перемещение одних и тех же политиков по «властной горизонтали», постоянные изменения условий выборов, ограничение деятельности политических партий и общественных организаций. Параллельно с деформациями политического режима формировалась уродливая экономика – неэффективная и сомнительная с точки зрения правового характера. Углублялось социальное неравенство, утрачивался человеческий капитал. И даже некоторый подъем последних лет, обусловленный скачком мировых цен на сырье, происходит не вследствие усилий российских политиков и предпринимателей, а в значительной мере вопреки таковым. По итогам 2005 г. показатели добычи в нефтегазовом секторе лишь достигли уровня РСФСР накануне распада Советского Союза (469 млн. т нефти и 637 млрд. м³ газа в 2005 г. против 462 млн. т нефти и 643 млрд. м³ газа в 1991 г.), в то время как, например в Азербайджане добыча нефти за постсоветский период выросла с 8 до 16 млн. т, а в Казахстане – с 27 до 59 млн. т; производство газа в Казахстане увеличилось с 8 до 20 млрд. м³, а в Узбекиста-

28. Этот широко распространенный ныне термин был запущен в оборот А. Шлейфером и Д. Трейзманом (см.: Shleifer A. and Treisman D. «A Normal Country» // *Foreign Affairs*. N.Y. – vol. 83, no. 2. – March/April 2004/ – P. 20–38 [рус. перевод: Шлейфер А. и Трейзман Д. «Россия как нормальная страна» // *Россия в глобальной политике*. – Т. 2, № 3, май-июнь 2004] и Shleifer A. *A Normal Country. Russia After Communism*. – Cambridge (Massachusetts), London, 2005.

не – с 42 до 60 млрд. При этом очевидно, что уже через 10–15 лет Россия не сможет оставаться глобальным экспортером энергоносителей: с одной стороны, износ основных фондов в нефтяной и газовой промышленности уже превысил 50%, а коэффициент извлечения ресурсов из недр упал с 52% в советские времена до самого низкого в мире (!) показателя в 34% по итогам 2004 г.; с другой стороны, экономика страны сама требует все большего количества энергоресурсов (достаточно сказать, что на экспорт направляется сейчас около трети добываемых нефти и газа, внутреннее же потребление газа составило в 2005 г. 430 млрд. м³, что превышает суммарные показатели Японии, Великобритании, Германии, Франции и Италии – стран, ВВП которых больше российского почти в 13 раз²⁹!)

Таким образом, на протяжении последних 15 лет *Россия не наметила новых амбициозных целей, не оправилась от утраты доминирования на постсоветском пространстве, не осуществила серьезной структурной перестройки экономики и, по сути, не определила своих внешнеполитических союзников.*

Однако на протяжении тех же 15 лет в мире произошли события, значимость которых трудно переоценить. Сугубо экономическое Европейское экономическое сообщество превратилось с подписанием Маастрихтского договора 7 февраля 1992 г. в Европейский союз – качественно новое и по форме, и по содержанию политическое образование. Всего пять лет спустя было принято решение о введении единой общеевропейской валюты, которая сменила денежные единицы стран-участниц в безналичной форме с 1 января 1999, а в наличной – с 1 января 2002 г. Параллельно шла подготовка к расширению ЕС, состоявшемуся 1 мая 2004 г., когда в его состав вошли практически все бывшие восточноевропейские сателлиты СССР.

В США были преодолены многие негативные экономические тенденции 80-х годов, и к концу 90-х страна заметно укрепила свое положение глобального технологического и военного лидера. Впервые после Второй мировой войны Америка участвовала в военных действиях в Европе; оккупация Афганистана и особенно Ирака в 2001–2003 гг. создала совершенно новую ситуацию в мире, заставив аналитиков по обе стороны океана говорить об «американской империи».

В Юго-Восточной Азии также произошли качественные перемены, связанные в первую очередь со стремительным экономическим развитием Китая. Если еще в 1996 г. экспорт из КНР был немного меньше бельгийского (!), то к 2005 г. Китай стал третьим экспортером в мире, четвертой по размеру ВВП (исчисленному с учетом покупательной способности валют) экономикой на планете и

29. Подробнее см.: Иноземцев В. «Слабости “сверхдержавности”» // Коммерсант. – М., 2006, 19 мая, с. 8, а также: Иноземцев В. «Сверхдержавка» // Большая политика. – М., 2006, № 6. – С. 40–47.

сместил США с первой позиции в списке стран – получателей иностранных инвестиций. Китаю удалось приучить весь мир к своему дешевому импорту (сегодня на КНР приходится 56% глобального экспорта игрушек, 37 – компьютерного оборудования, 31 – женской одежды, 23% – телекоммуникационных товаров и так далее) и «подсадить США на иглу» постоянных денежных вливаний через покупку их долговых обязательств. Хотя Китай и не стал пока экономическим центром мира, не следует недооценивать его роль в глобальной экономике.

В отличие от всех этих регионов, на постсоветских просторах не происходило ничего существенного. Место России в новой системе координат оказалось столь неясным, что к 2000 г. все политологические институты, специализировавшиеся на изучении Советского Союза, были переименованы в разного рода центры «славяноведения» или, в лучшем случае, «российских и евразийских исследований». В Европейском союзе к бывшим советским республикам, включая Украину и Закавказье, стал широко применяться тот же термин «ближнее зарубежье», который использовали и московские эксперты, и политики. К концу 2004 г. Россия окончательно растеряла те рычаги влияния, которые ранее делали ее неоспоримым лидером СНГ, продемонстрировала катастрофическую неспособность к конструктивному политическому диалогу со своим главным экономическим партнером – ЕС; умудрилась не нажать никакого «политического капитала» от горячей поддержки американцев в их «войне против террора»; нашла странное утешение в союзе с Китаем. Только с Узбекистаном и Белоруссией, считающимися на Западе странами-изгоями, современная Россия имеет более тесные политические отношения, чем в середине 90-х годов.

Почему мы пришли к такому бесславному результату? Официальная пропаганда все активнее внедряет в сознание рядовых граждан идею, будто нынешнее положение вещей – это результат заговора западных стран, стремящихся «переиграть» Россию, оставить ее в полном одиночестве, а затем разговаривать с нею с позиций силы. Возможно, такая точка зрения имела бы под собой какие-то основания, если бы сама Россия «играла» на протяжении всех этих лет в геополитические игры. Но даже формально Российская Федерация придерживалась в эти годы принципа «мультилатерализма» и делала ставку на межгосударственные институты, в первую очередь – ООН; соответственно, она не позволяла себе усомниться ни в их перспективах, ни в способности «несостоявшихся» государств к полноценной внешнеполитической активности. Как следствие, Россия не могла быть не только инициатором, но даже сторонником переосмысления роли ООН и места «недееспособных» стран в современном мире, – а это, как мы видели, два наиболее важных вопроса международной политики. Кроме того, в эти годы Россия не имела, к сожалению, четкой стратегической цели во внешней политике, как не имела и не имеет национальной идеи, понятной большинству ее граждан.

В таких условиях наивно было бы даже надеяться на появление серьезных инициатив, которых и не последовало. Таким образом, я утверждаю: *неудачи России во внешней политике* – как в 90-е годы, так и в начале XXI в. – обусловлены почти исключительно *неспособностью отечественной политической элиты видеть и адекватно оценивать стремительные (и необратимые) изменения, происходящие на международной арене*. Вопреки названию одного московского журнала, можно без преувеличения сказать, что все эти годы Россия – в основном по ее собственной воле – *оставалась «вне глобальной политики»*.

Стремление использовать «сложившуюся практику» в качестве инструмента, позволяющего отстаивать свои интересы, крайне ошибочно. Сам Советский Союз, одна из главных держав биполярного мира, *был «сложившейся практикой»* на протяжении 40 послевоенных лет, но это не спасло его от кризиса и краха. Россия долго надеялась на то, что архитектура ялтинско-потсдамского мира способна защитить ее роль и место в мировой политике. Однако ООН, на которую так уповали в Москве, не воспрепятствовала ни агрессии НАТО в Югославии, ни вторжению США в Ирак. На протяжении большей части 90-х годов в Москве наивно полагали, что Европейский союз – всего лишь сомнительное постмодернистское образование; СССР признал его в качестве субъекта международного права только незадолго до собственной кончины; Соглашение о партнерстве и сотрудничестве с ЕС, подписанное в 1994 г., Россия удосужилась ратифицировать только в 1997. Сегодня «стратегические планы» России связаны с ее энергетическими ресурсами и трубопроводами, соединяющими ее с Европой (а в перспективе – с Китаем). Но это также выглядит анахронизмом в эпоху, когда не только нефть, но и природный газ перевозятся в основном морским транспортом для обеспечения большей гибкости поставок. В общем, *прошлое России доминирует над ее будущим*.

Между тем нет ничего более недалеконovidного, чем оставаться в стороне от формирования новой системы международных институтов, когда этот процесс идет полным ходом. В XIX и XX столетиях наша страна неоднократно участвовала в выработке новых принципов международных отношений, но иногда и оказывалась отлученной от этого геополитического творчества. Два самых ярких примера такого участия являли собой Венский конгресс 1815 г. и совещания в Думбартон-Оксе, которые привели к созданию ООН в 1944–1945 гг. Наглядным примером исключенности стала Версальская мирная конференция 1918 г. Результаты весьма примечательны: после Венского конгресса и учреждения ООН Россия и Советский Союз каждый раз на протяжении почти полувека оставались одним из важных геополитических центров тогдашнего мира; после Версаля Советская Россия оказалась изгоем в глобальной политике и солидаризовалась с другим изгоем – Германией. Итог тех 20 лет известен, и следовало бы опасаться его воспроизведения в современных условиях – особенно имея в роли Германии 30-х годов XX в. Китай первой четверти XXI столетия.

В эпоху глобальных перемен лучший способ растратить свое влияние в мире и свой политический капитал – это оставаться *a status-quo power*, страной, держащейся за прежние институты и традиции. И именно по этому пути пошла, на мой взгляд, современная Россия. Например, наше участие в деятельности той же ООН явно диссонирует с нашими же позициями в самой Организации Объединенных Наций. В 2006 г. чистая сумма взносов России в казну ООН определена в размере 18,8 млн. долл., что составляет всего 2,7% от совокупных взносов пяти постоянных членов Совета Безопасности и в 18 раз (!) меньше взноса Японии, не имеющей права вето³⁰. Наивно думать, что другие мощные государства прекратят свои попытки реформировать ООН – в том числе и за счет снижения той роли, которую пока еще играет в ней Россия. Ведь ни для кого не секрет, что суммы, ежегодно перечисляемые российскими властями в бюджет ООН, в 712 раз (!) уступают объему средств, которые они живо изыскали в прошлом году для покупки контрольного пакета акций «Сибнефти» у странного офшора, якобы принадлежащего Р. Абрамовичу.

Необходимы решительные и неординарные действия, способные обеспечить России достойное место в мировой политике и впредь не упускать инициативу, которая к настоящему времени оказалась утеряна – в основном потому, что российская внешняя политика является ныне «реактивной» (в том смысле, что это политика реакции на те или иные события, а не политика их провоцирования и управления ходом их развития).

Возможные действия

Какие же меры могли бы, на мой взгляд, служить вовлечению России в конструктивный диалог по большинству актуальных международных проблем?

Во-первых, России необходимо четко определиться с внешнеполитическими целями и задачами. Только в таком случае возможен выбор стратегических партнеров и отказ от пресловутой политики «многовекторности»³¹. Это не зна-

30. Рассчитано по: «Начисление взносов государствам-членам в регулярный бюджет ООН в 2006 году» на сайте: <http://www.un.org/russian/question/contrib.htm> (5 июня 2006 г.).

31. Сегодня, как известно, доминирует позиция, согласно которой «противопоставление различных направлений внешней политики России является искусственным и надуманным. Многовекторность – одна из ключевых ее характеристик, которая закреплена в Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом РФ в июне 2000 г. Следование этому принципу означает только одно: каждый вектор для нас самоценен, а какие бы то ни было их взаимоисключающие или компенсационные схемы неприемлемы» (Лавров С. «Подъем Азии и восточный вектор внешней политики России» // *Россия в глобальной политике*. – Т. 4, № 2, март-апрель 2006. – С. 130).

чит, что Россия должна выбрать только одного союзника и выстраивать тесные отношения только с ним. Тем не менее следует ясно понимать, отношения с каким государством (или группой государств) целесообразно считать ограничивающим фактором во внешнеполитических действиях. Такой подход отнюдь не предполагает отказа от продуктивного и взаимовыгодного сотрудничества с любыми партнерами; речь идет только о том, что *достижение сиюминутных целей не должно ставить под угрозу реализацию более перспективных внешнеполитических замыслов, затруднять развитие отношений с теми государствами, которым в этих замыслах отводится приоритетная роль.* (Например, как бы ни важны были для Америки ее отношения с Китаем и как бы ни велика была финансовая зависимость США от КНР, американцы никогда не пожертвуют атлантическими отношениями во имя «стратегического союза» с КНР.) Неочевидно, какая страна (или группа стран) должны оказаться ведущим внешнеполитическим партнером России: определение этого приоритета – задача политической элиты и экспертного сообщества, которые, однако, должны учитывать разнообразные факторы, определяющие важность и значимость каждого направления во внешней политике.

Во-вторых, планируя те или иные внешнеполитические инициативы, нужно отдавать себе отчет в том, что в мире происходит относительное снижение роли военной мощи и повышение значения «мягкой силы»³². Этот процесс начался не сегодня и не вчера. Так, если накануне Первой мировой войны общая численность британских войск, расквартированных за пределами Великобритании, не превышала 120 тыс. человек³³, а подданных Британской империи насчитывалось 540 млн., то во второй половине XX столетия попытки силового контроля над теми или иными странами, которые принято относить к мировой периферии, ни разу не принесли серьезных успехов. В самом деле: в 1966–1969 гг. почти 430 тыс. американских солдат не смогли обеспечить победу Южного Вьетнама над Северным, несмотря на то, что потери противника достигли 800 тыс. человек, а жертвы среди гражданского населения – 3 млн. В 1980–1989 гг. около 120 тыс. советских военных не добились победы в Афганистане, оставив стране 400 тыс. убитых. В 2004 г. контингент США в Ираке достигал 260 тыс. человек при численности населения этой страны в 26 млн., но к моменту начала работы «демократически избранного» правительства страны потери США составили 2385 убитых, а затраты на «установление демократии» в Ираке достигли 275 млрд. долл.³⁴

32. См. на эту тему: Nye J. S., Jr. *Soft Power*. Op. cit.

33. См.: Ferguson N. *Empire. How Britain Made the Modern World*. – L., 2003. – P. 167–168.

34. Данные: <http://www.antiwar.com/casualties> и <http://www.costofwar.com/wrappedindex.html> (23 апреля 2006 г.).

Вместе с тем вероятность возникновения военного конфликта между США, странами Западной Европы, Россией и Японией сегодня практически равна нулю – как по причине отсутствия неразрешимых противоречий в их отношениях, так и в силу гигантской военной мощи сторон и наличия во главе каждой из них ответственного правительства. В этой ситуации Россия могла бы выступить с инициативой заключения всеобъемлющего договора о неприменении силы между США, ЕС, Российской Федерацией, Японией, КНР, Индией и Бразилией, который впоследствии мог бы стать основой столь же широкого договора о коллективной безопасности. Безотносительно к тому, насколько успешным оказался бы подобный проект, он высветил бы новый подход России к проблемам международной безопасности и подчеркнул бы новое видение ею существующих в мире угроз и инструментов борьбы с ними.

В-третьих, как уже говорилось ранее, в современном мире снижается значение традиционно понимаемого суверенитета. Государства не свободны в своих действиях даже в той мере, в какой они были свободны всего полвека тому назад. Более того, основная угроза глобальной стабильности исходит сегодня от государств, которые как бы задержались в эпохе модернити и по-прежнему надеются сохранить «иммунитет от болезней XXI века», не считаясь с интересами других членов мирового сообщества. Наиболее последовательно такой позиции придерживаются Соединенные Штаты Америки, о которых в последнее время стали говорить как о «современной» (modern) стране, в отличие от стран Европы, называемых «постсовременными» (postmodern)³⁵. Однако и Китай, и Россия также не прочь использовать во внешней политике методы, подобные американским; неприменение их на практике обусловлено недостатком скорее возможностей, чем желаний.

Рано или поздно (скорее всего, толчком к этому окажется провал усилий США по «демократизации» Ближнего Востока) неизбежным станет инициирование переговоров между ведущими державами относительно пределов свободы использования их суверенитетов; то, что уже начали европейцы, в определенном виде будет воспринято (и востребовано) большинством развитых стран. Опыт, приобретенный в последние десятилетия европейцами, в том или ином виде будет, по всей вероятности, востребован большинством развитых стран. России необходимо активно участвовать в этом процессе. Хотя любая инициатива имеет здесь не слишком большой шанс на реализацию (будем реалистами!), ее невозможно переоценить с точки зрения укрепления своих позиций на мировой арене. (Достаточно вспомнить, какой резонанс в мире имели советс-

35. Подробнее см.: Cooper R. *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*. – N. Y., 2003. – P. 21–23, 29–33, 40–50.

кие инициативы, направленные на ограничение и сокращение стратегических вооружений в 80-е годы.) Инициативы по добровольному «ограничению стратегических суверенитетов» несомненно послужили бы выгодному позиционированию России в глобальном политическом пространстве и вряд ли нанесли бы какой-нибудь вред нашим национальным интересам, а тем более – поставили под угрозу нашу безопасность.

В-четвертых, современный мир ждет понятных инициатив, направленных на реформирование системы «глобального управления». Одним из первых шагов в этом направлении мог бы стать отказ от автоматического признания «самоопределившихся» сообществ в качестве независимых государств и, соответственно, равноправных членов международного сообщества. Равные права – как в человеческом обществе, так и в сообществе наций – должны сопровождаться равными обязанностями, которые по сей день никем не кодифицированы удовлетворительным образом. Крайне необходима выработка критериев, на основании которых те или иные государства можно было бы отнести (воспользуемся здесь формулировкой Дж. Роулза) к разряду «порядочных стран»³⁶, как необходимо и определение набора таких действий, за которые те или иные государства неминуемо должны нести ответственность или же исключаться из международного сообщества. Россия в меньшей мере, чем многие другие страны, свыклась с тем набором «политкорректных» подходов, которых придерживаются страны Запада, и ничто не мешает нам попытаться инициировать дискуссию на этом направлении. Вполне вероятно, что интерес к конструктивному обсуждению таких вопросов проявили бы как страны Европы, явно опасаящиеся нарастания хаоса в международных отношениях, так и (возможно) Соединенные Штаты Америки. Конечно, наивно рассчитывать, что такая дискуссия уже в обозримом будущем приведет к пересмотру устоявшихся принципов геополитики. Тем не менее любое действие, предпринятое для того чтобы придать определенный динамизм дебатам о глобальном управлении, заведомо более выигрышно, чем бездействие, ставшее отличительной особенностью российской дипломатии.

Разумеется, приведенный выше список инициатив, которые могла бы принять Россия во внешнеполитической сфере, ни в коем случае не может претендовать на исчерпывающий характер, поскольку и спектр проблем, с которыми сталкивается международное сообщество, гораздо шире, чем вопросы, затронутые в этой статье, главная задача которой – способствовать пробуждению политического класса России от «летаргического сна» 90-х годов и осмысленным, энергичным действиям страны на международной арене.

36. См.: Rawls J. *The Law of Peoples, Cambridge (Massachusetts)*. – L., 2001. – P. 59–60.

* * *

В последние годы от отечественных политиков все чаще приходится слышать, что никто не защитит российских интересов, кроме самой России и что одним из важнейших факторов нашей конкурентоспособности является интеллектуальный потенциал нации. В контексте подобных (правильных!) заявлений приходится лишь удивляться, почему в научном, политическом, дипломатическом сообществах России не выдвигаются и не используются новые концепции развития международных отношений, способные хорошо послужить интересам страны. По-видимому, в значительной мере это обусловлено тем, что в политическом истеблишменте, несмотря на всю риторику властей предрекающих, до сих пор не сформировалось представление о России, способной играть самостоятельную и конструктивную роль в глобальной политике. Лучшим средством «защиты» национальных интересов страны российский политический класс по-прежнему считает не наступление, а глухую оборону. Велика ли вероятность того, что Россия попытается изменить такое положение дел в ближайшие годы? Не стоит предаваться излишнему оптимизму – но ведь, как известно, надежда умирает последней...

А. И. Миллер

«НОВАЯ» ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Миллер Алексей Ильич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН.

В последнее время события в отношениях России с ее западными соседями развиваются весьма интенсивно и драматично. Эта статья представляет собой попытку проанализировать политику России в этом регионе в течение последних лет, показать ее взаимосвязь с другими направлениями внешнеполитической активности России и угадать среднесрочные тенденции развития международных отношений в Восточной Европе, насколько это возможно в ситуации, когда каждый день приносит новые, порой весьма неожиданные, политические повороты.

Новая Восточная Европа как объект игры с нулевой суммой

В 2001 г. я написал статью под названием «Восточная Европа: вообразить заново»¹. Основные тезисы ее были следующие. Прежняя Восточная Европа, охватывавшая страны Варшавского договора, перестала существовать. Большинство этих стран уже вступило в НАТО и считает главным приоритетом внешней политики вступление в ЕС, причем имеет все основания рассчитывать на решение этой задачи в обозримом будущем. Новая Восточная Европа, если использовать этот термин для обозначения тех стран, которые не принадлежат западным структурам и не имеют ясной перспективы вступления в них, охватывает теперь лишь Белоруссию, Украину и Молдавию. Эти страны становятся объектом игры с нулевой суммой между Россией и США². ЕС политику в

1. *Впервые опубликованная по-немецки (Osteuropa neu denken. Russland, seine westlichen Nachbarn und die Grenzen Europas // Transit, 21, 2001. – S. 76–90), в России она вышла в 2001 г. в журнале «Неприкосновенный запас», № 4 (18). – С. 82–87.*

2. *Это соображение верно и по отношению к некоторым другим бывшим республикам СССР, но они остаются за рамками этой работы.*

отношении них не определил. Продолжение такого противостояния, суть которого определяется формулой «чем ближе к нам, тем дальше от них», вредно и для стран Восточной Европы, и для России. Для восточноевропейских стран это вредно потому, что, во-первых, тот из крупных внешних игроков, который считает себя в данный момент проигрывающей стороной, начинает работать на подрыв стабильности; во-вторых, потому что сами они заинтересованы в сотрудничестве с обеими сторонами – и Россией, и Западом. Для России такая политика плоха тем, что в длительной перспективе ведет к неизбежному поражению, поскольку всякий, кто поставлен перед необходимостью делать стратегический выбор между Западом и Россией, выберет Запад и будет прав. Соревнование с Западом в цивилизационной привлекательности Россия проиграла всерьез и надолго, и поэтому все мечты о возвращении прежней или построенной новой, хоть бы и «либеральной» империи, ни к чему хорошему не ведут.

Тогда я считал, что совсем необязательно следовать правилам игры с нулевой суммой, представляя Украину, Белоруссию и Молдову как лодки, которые выбирают, к какому берегу пристать. Вместо этого можно увидеть реку, в которой их лодки, вместе с российской, движутся в одном направлении – к Западу. Разумеется, у каждой из них своя траектория движения, одни могут надеяться на вступление в западные структуры, другие – нет. Но если отрешиться от логики игры с нулевой суммой, то Россия среди прочего может добиваться того, чтобы любые шаги по сближению ее восточных соседей с ЕС с ней согласовывались. Речь идет, разумеется, не о праве вето, а о том, чтобы постепенно, но заранее, а не вдогонку, выстраивать такую структуру отношений с ЕС (торговых, визовых и т.д.), при которых даже потенциальное вступление в Евросоюз Украины, как бы далеко сегодня до него ни было, не становилось ударом по российским интересам.

Перечисляя затем разнообразные сложности на пути к сценарию с конструктивной логикой, я, все-таки, считал, что этот вариант – не утопия. Бурные события последующих лет показали с полной ясностью, что игра с нулевой суммой была продолжена. Как всегда в таких случаях виноваты все участники. На Западе хватает людей, которые заинтересованы именно в таких правилах игры. К неоднородности понятия «Запад» мы еще вернемся, но нас, прежде всего, интересует российская внешняя политика. Нет сомнений, что Москва во многом сама себя высекла.

Молдавский провал

Уже в 2003 г. Россия ясно продемонстрировала, что не способна играть роль «честного брокера», когда в рамках «меморандума Козака» постаралась сделать условием примирения между Кишиневом и Тирасполем продление пре-

бывания в Молдавии своих войск аж до 2020 г. Вместо того чтобы разрабатывать соглашение в сотрудничестве с ЕС и ОБСЕ, Москва вела подготовку этого соглашения одна, без Запада и *против* Запада, в расчете на то, что Воронину деваться некуда. И поражение Москвы состояло не только, и даже не столько, в том, что Путину пришлось буквально в последний момент отменять свой визит в Кишинев из-за отказа Воронина подписать соглашение. Москва сознательно выбрала тактику действий без сотрудничества и согласования с другими крупными акторами в той ситуации, когда была, как ей казалось, сильнее в данном месте и в данное время. Несколько телефонных разговоров Воронина с Брюсселем ясно показали, насколько ошибочными были кремлевские расчеты на то, что ресурсов Москвы по-прежнему достаточно, чтобы действовать на постсоветском пространстве без оглядки на Запад и без сотрудничества с ним. А еще они показали, насколько прав был в своем решении Воронин, в том числе и с точки зрения своих личных интересов, потому что иначе он бы превратился в такую же мишень для Запада, как Кучма и Лукашенко, не обладая при этом ресурсами сопротивления белорусского президента. Между тем именно в той ситуации, с промосковским (тогда) президентом в Кишиневе, и можно было продемонстрировать способность быть достойным и предсказуемым партнером, готовность работать вместе с ЕС. Но целью в этом случае должно было быть именно и только урегулирование приднестровского конфликта, а не сохранение своих войск в регионе.

В данном случае очень важно, что в 2003 г. в Брюсселе как столице ЕС еще не было наших прежних заклятых друзей по Варшавскому договору, а в Берлине и Париже у власти были люди, которые меньше всего хотели ссориться с Москвой. От одной мысли о дальнейшей экспансии ЕС в Восточную Европу у них тогда, накануне уже согласованного вступления стран Вышеградской группы, начиналась мигрень. Но уже в 2003 г. ЕС ясно дал понять, что хочет, чтобы с ним всерьез считались в новой Восточной Европе, странам которой вскоре предстояло стать непосредственными соседями Евросоюза.

Президентские выборы на Украине - потеря лица

Однако события, развернувшиеся на Украине в 2004 г., показали, что провал «меморандума Козака» ничему Москву не научил. Предположим, что у Москвы были уважительные причины не желать победы Виктора Ющенко. (Хотя далеко не все в Москве так думали, и уж тем более не все воспринимали эту ситуацию как своего рода Сталинградскую битву.) Предположим, что мы допускаем вмешательство в выборы в соседней стране, хотя бы по принципу – «и они (Запад) тоже». Вопрос о том, кто первый начал, оставим в покое как не имеющий ответа. Но даже в этом случае вопрос о методах, т.е., во-первых, об

их эффективности, а, во-вторых, об их избирательности, не снимается. И по обоим критериям Москве гордиться нечем.

Выдвижение в качестве кандидата власти на президентских выборах представителя донецкого клана, как самого сильного и агрессивного в своей экономической экспансии в другие регионы Украины, должно было вызвать и вызвало консолидацию «антидонецких» сил. В Янукович, с его судимостями и прочими «достоинствами», был, наверное, самым трудным объектом для «раскрутки», какой только можно вообразить. Легко представить себе, как бы отнесся Кремль к выдвижению такого кандидата на губернаторских выборах в России. (Впрочем, история А. Климентьева, отправленного под суд после победы на сразу же отмененных выборах мэра Нижнего Новгорода, дает ясный ответ на этот вопрос.) Именно то обстоятельство, что Янукович оказался абсолютно неприемлем, в том числе эстетически, для слишком многих людей, позволило Ющенко выиграть со столь впечатляющим отрывом центр Украины, в том числе Киев. И это в ситуации, когда при достаточно прочной фиксации симпатий и, что не менее важно, антипатий избирателей на востоке и западе исход выборов решался именно в центральной части страны. На фоне Януковича любые недостатки и слабости Ющенко как кандидата уже не имели никакого значения для изначально сомневавшихся избирателей.

Каковы бы ни были причины, побудившие Кучму и «авторитетного» лидера Донбасса Р. Ахметова сделать ставку на Януковича, это не объясняет готовности Путина поддержать кандидата, недостатки которого были слишком очевидны. Если Путин уже после выборов сказал правду, что Кремль делал только то, о чем просили власти в Киеве, то это не что иное, как признание в собственной некомпетентности. Он позволил сделать себя, а вместе с собой и страну, которую он представляет, заложником внутриукраинской клановой борьбы. Я вовсе не хочу сказать, что в Кремле должны были определять, кто именно будет соперником Ющенко, но право отклонения заведомо неприемлемой кандидатуры как условие активной помощи Москва обязана была использовать.

История отравления Ющенко не ясна и, может быть, никогда не станет вполне ясной. Весьма возможно, что Москва не имела к этому отношения. Но Москва не отшатнулась от Кучмы и Януковича, когда Ющенко стал жертвой таких методов «предвыборной борьбы», и тем самым взяла на себя чудовищную моральную ответственность. Именно это, а также немислимая топорность, с которой были вброшены избирательные бюллетени в Донецке, сказалось в последующих событиях. Не вмешательство России на стороне одного из кандидатов как таковое, – Запад тоже вмешивался активно – но то, как это было сделано, и то, как был «украден» второй тур, привело к консолидации общественного мнения, прежде всего в Европе, против Януковича и поддержавшей его Москвы. А это, в свою очередь, позволило тем политикам в ЕС, прежде

всего полякам, которые стремились мобилизовать Европейское сообщество в поддержку Ющенко, добиться своей цели. Ни Шрёдер, ни Ширак не мечтали о том, чтобы ЕС сыграл на Украине ту роль, которую он сыграл. Но в силу совершенной скандальности происходящего им не оставалось ничего другого, как поддержать миссию Квасньевского. И не надо обижаться на Квасньевского. Если кто-то виноват в том, что ему удалось сыграть столь важную роль в украинском кризисе, то этих виноватых надо искать в Москве.

Для президента Путина «оранжевая революция» стала сильным ударом по престижу, настоящей «потерей лица». В своем отношении к внешней, а во многом и к внутренней, политике Кремля российские граждане, в грубом приближении, делятся на три категории. Во-первых, это те, кто изначально враждебно относится к «режиму Путина». Здесь все просто: для этих людей вмешательство России в события на Украине заслуживает осуждения само по себе.

Во-вторых, это те, кто считает, что России надо «перестать церемониться», особенно в отношении соседей. Часть этой категории людей полагает, что надо СССР восстанавливать, часть – что надо какую-то новую империю строить. Этим различием, при других обстоятельствах важным, здесь можно пренебречь. Для них в целом Путин «потерял Украину», а для многих из этих людей вина Путина определяется по принципу, сформулированному в известной песне Высоцкого: «Ты ж советский, ты же чистый как кристалл, начал делать, так уж делай, чтоб не встал!».

Но наибольший интерес представляет третья, наверное, самая многочисленная категория, которая относилась к Путину по принципу «права на сомнение», т.е. не спешила осуждать, старалась понять мотивы тех или иных действий и, в целом, соглашалась со многим во внешней политике его первого президентского срока. Для этой группы политика России в украинских событиях стала «моментом истины».

Здесь нужно сделать оговорку. Многие комментаторы, ставившие в один ряд неудачи Кремля в избирательных кампаниях на Украине и в Абхазии, совершали ошибку. Дело в том, что никто в здравом уме не может представить, что президент лично занимался абхазскими проблемами. Нельзя даже быть уверенным, что Путин помнил фамилию Хаджинбы через полчаса после того, как последнего привели к нему для фотографии на избирательном плакате. Другое дело Украина. Это был приоритетный вопрос внешней политики. Путин неоднократно встречался с Кучмой и Януковичем, дважды ездил на Украину в ходе избирательной кампании. И если даже предположить, что президента «подставили» плохие советники и политтехнологи, то это все равно – личный провал Путина, ибо надо знать, кому поручаешь важные вещи. И по существу, и по стилю политика Кремля в ходе украинской избирательной кампании была вызывающе некомпетентной.

«Оранжевые» события в Киеве совпали со страстями по поводу монетизации льгот внутри страны, поэтому трудно определенно сказать, какая доля существенного падения рейтинга Путина в 2005 г. была вызвана его некомпетентной и неуклюжей ангажированностью на Украине. Но стоит обратить внимание, что рейтинг президента вернулся к уже подзабытому уровню 2004 г. именно теперь, после «газовой войны».

Внутриполитическая ситуация на Украине и ее связь с внешней политикой Киева

Ключевая проблема Украины – это раскол страны. Речь о том, что принято называть востоком Украины, и что на самом деле представляют собой те десять восточных и южных регионов, которые решительно голосовали против Ющенко. Если третий тур выборов, завершившийся победой Ющенко, легитимен, то легитимны и те 70 с лишним процентов голосов, которые в этих регионах были поданы против президента. Ничто не говорит в пользу предположения, что Ющенко знает, как решать эту проблему. Для начала он пригрозил судом тем, кто ставит вопрос о федерализации Украины и даже об автономии регионов и выборах губернаторов. И не услышал, заметим, в свой адрес почти никакой критики за это со стороны Запада³. Затем Ющенко сформировал правительство, в котором лишь четыре из 23 министров родились или долго жили на востоке и юге страны. Причем партия Тимошенко, а она сама входит в число этих четырех выходцев с востока, получила на выборах в ее родном Днепропетровске в 2002 г. 4% голосов. То есть в кабинете Тимошенко не было политиков, которых избиратель «востока» признавал бы своими легитимными представителями. Ситуация не изменилась принципиально и в правительстве Еханурова. Как справедливо замечает, комментируя эти данные, канадский политолог Доминик Арель, такая политика отражает убежденность Ющенко и его главных союзников, что «восток» должен быть подвергнут «исправлению», системной реформе, руководимой извне. Арель говорит очень важные вещи, и в том, что он говорит, много неочевидного и для наших комментаторов украинских дел. Поэтому дам длинную цитату. «Восточные украинцы, – пишет Арель, – не русские, но в том, как они интерпретируют свое прошлое и будущее, они тесно связаны с Россией. ... Западные украинцы не чувствуют этой связи, а если и

3. Этот пример может служить ясной иллюстрацией двойных стандартов многих западных комментаторов и политиков, которые резко критиковали Путина за отмену выборов губернаторов, хотя в России, в отличие от Украины, эта процедура все-таки дает право голоса региональным парламентам.

чувствуют, то намного слабее. В этом суть дела. Западные украинцы склонны верить, что эту двухуровневую идентичность на востоке можно «снять». Это то, что можно назвать строительством нации в этническом смысле. На языке национальных активистов это значит сделать из восточных украинцев «настоящих» украинцев. Но очень может быть, что в опыте восточной Украины есть нечто устойчивое, что делает этот проект иллюзорным. Это не вопрос языка как такового, но языка в определенном историческом регионе. Восточные украинцы смотрят на оранжевую революцию сквозь призму своего восприятия регионального опыта, и язык, на котором они говорят, становится символом этого самовосприятия. Они отвергают оранжевую революцию не потому, что они внутренне враждебны проекту открытого общества, но потому, что ощущают, что этот проект их исключает»⁴.

Почему это важно для внешней политики Украины? Как показывает опыт тех стран, которые уже осуществили в последние 15 лет «бросок на запад», первой стадией процесса неизменно было вступление в НАТО, а затем через некоторое время в ЕС. В отличие, например, от Грузии, где никакой явной оппозиции вступлению в НАТО нет, на Украине положительно к членству в НАТО относятся не более 25% населения, а более половины – резко против. Причем, главным образом, это «восточные украинцы». Даже идею вступления в ЕС поддерживают только 49,9% населения⁵. Это значит, что попытка форсировать вопрос о вступлении в НАТО чревата для Ющенко еще большим осложнением внутренних проблем. Не случайно именно оппоненты Ющенко пытаются сейчас инициировать референдум о вступлении в НАТО, поскольку уверены в его негативном исходе. Пропагандистская кампания в пользу курса на вступление в НАТО на Украине ведется, но значимых изменений в настроениях избирателей она в обозримом будущем не принесет.

Между тем тот символический капитал, который был у Ющенко – борца, страдальца, победителя (все это написано без иронии) – растрочен едва ли не без остатка, причем как внутри страны, так и за рубежом. Внутри страны вновь доминирует восприятие Ющенко как человека слабого, не слишком компетентного, в целом не соответствующего масштабу той роли, на которую он замахнулся. За год у власти к этому портрету добавились обвинения в коррумпированности окружения и сомнения в чистоплотности самого президента, вызванные

4. Arel D. *The «Orange Revolution»: Analysis and Implications of the 2004 Presidential Election in Ukraine. Third Annual Stasiuk-Cambridge Lecture on Contemporary Ukraine, Cambridge University, 25.02.2005.*

5. Дмитричева О. *Любовь без расчета в кредит // Зеркало недели. – Киев, 2005. – 12–18 марта. – № 9. (данные опроса центра им. Разумкова).*

скандалом из-за роскошного образа жизни сына Ющенко и тем, каким образом президент старался этот скандал приглушить. Рейтинги президентской партии «Наша Украина» за три месяца до новых парламентских выборов по самым оптимистичным оценкам не превышали 20%, а реальность оказалась еще более жестокой – она набрала менее 15% голосов. Между тем в результате конституционной реформы именно Верховная рада становится главным центром власти в стране и формирует правительство. Попытки Ющенко поставить конституционное соглашение под сомнение и инициировать референдум в пользу его отмены в январе 2006 г. ясно показали, что ни сил, ни правовых механизмов для такого сценария у него уже нет. Единственный орган, который мог бы легитимно оспорить конституционное соглашение, это Конституционный суд, но он оказался недееспособным из-за истечения полномочий большинства судей, а парламент не торопится утвердить новых членов КС до выборов и формирования правительства Верховной радой.

Если курс на вступление в НАТО неприемлем для востока страны, то курс на сближение с Россией и полноценное вступление в ЕЭП неприемлем для запада Украины, где живет подавляющее большинство оставшихся верными Ющенко избирателей. Если бы президент захотел вдруг резкого сближения с Россией, с электоральной точки зрения он ничего бы не приобрел на востоке и рисковал бы много потерять на западе страны, где у него есть сильный конкурент в лице Ю. Тимошенко и ее блока. Отставленная премьерша не только оказалась еще большей популисткой, чем Ющенко, но и заметно более органично справляется с исполнением этой роли на политической сцене. Она настойчиво апеллирует к символике Майдана, так что даже на этот весьма выцветший ресурс Ющенко сохранил монополию лишь с точки зрения формальных авторских прав, закрепленных за его старшим сыном. Блок Тимошенко обогнал «Нашу Украину» по популярности у избирателей центра страны и наступает ей на пятки на западе.

Среди провозглашенных Ющенко внешнеполитических приоритетов лишь интеграция в ЕС могла бы послужить в качестве платформы для объединения расколотой страны. В ЕС есть силы, которые пытаются настаивать на скорейшем рассмотрении этого вопроса. Европейский комиссар Данута Хубнер (представитель Польши) включила этот тезис в один из своих меморандумов уже в начале 2005 г. И не нужно слишком легко сбрасывать это со счета – поляки имеют в этом поддержку целого ряда новых членов ЕС (хотя и не тех, кто несет на себе финансовое бремя расширения). Напомню, что роль идеологического обеспечения для первой стадии расширения НАТО и ЕС играла концепция «похищенной» Центральной Европы, в которой России была отведена роль того самого похитителя и, что важнее, главного и перманентного «Иного», источника угрозы. Тот же мотив стараются использовать применительно к новой

Восточной Европе. И эти голоса теперь звучат не «из прихожей», а в главных европейских салонах. В этом смысле ЕС теперь стал заметно более трудным партнером для России.

Кроме того, Ющенко очень хочет надеяться, что получит поддержку стремлению Украины в евроатлантические структуры со стороны Вашингтона. Однако позиция США более значима в вопросе расширения НАТО, чем ЕС, к тому же приоритетом для США является «продать» членство в ЕС для Турции.

Главные доноры Евросоюза из числа стран «старой Европы» весьма ясно заявили о нереалистичности надежд на членство Украины в ЕС в сколь-нибудь обозримом будущем. Эта позиция была столь жестко обозначена с самого начала отношений с новой украинской властью, что во время своего визита в Германию сразу после победы на выборах, на волне симпатий к оранжевой революции немецкого общественного мнения, Ющенко не считал возможным ни разу даже упомянуть о перспективе членства Украины в Евросоюзе.

Все, что происходило в ЕС в 2005 г., лишь подчеркивало бесперспективность надежд Украины. Европейская конституция была провалена. Расширение 2004 г. создало много проблем, которые ЕС не сможет быстро переварить. Бюджет на 2007–2013 гг. принят с трудом, и дебаты ясно показали, что наиболее богатые страны весьма жестко борются за сокращение собственной доли финансового бремени. Теракты в Лондоне и особенно беспорядки в парижских предместьях сделали будущее решение о принятии Турции еще труднее, причем вне зависимости от того, каким оно будет.

Ясно, что раньше Турции Украина в ЕС не войдет. И, скорее всего, не войдет вместе с Турцией. А шансов на то, что она войдет в ЕС вместо Турции, еще меньше. Скорее всего, ЕС «закроется» после принятия Болгарии и Румынии в 2007 г., во всяком случае, пока не сумеет переварить расширение и принять конституцию, либо будет в течение длительного времени допускать новых членов гомеопатическими дозами (например, примет Хорватию).

Ющенко можно только посочувствовать – в сфере внешней политики он не может получить для себя никаких дивидендов. В некотором смысле положение Ющенко оказалось хуже, чем у Кучмы. Последний, понимая, что на Западе Украину в обозримом будущем не ждут, как мог затягивал принятие решений по вопросам участия в интеграционных проектах с Россией, стараясь при этом не только сохранить прежние привилегии в энергетической сфере, но и получить новые – либо как поддержку на выборах, либо как плату за интеграционные обещания, с выполнением которых можно было еще потянуть. Проведя избирательную кампанию под лозунгами «марша в Европу» и перевода отношений с Россией «на прозрачные рыночные основания», доказывая, что членству в ЕС мешает главным образом плохая репутация режима Кучмы, Ющенко лишил себя пространства для маневра, чтобы в следующий момент убедиться, что

никакого ускоренного «марша в Европу» не получится. Экономические потери в отношениях с Россией не заставили себя долго ждать. А на роль Моисея, способного если не 40, то хотя бы 20 лет водить свой народ по пустыне, т.е. по долгой дороге в ЕС без дешевого российского газа, Ющенко никак не похож. Да и народ несколько иной...

Уроки Ноября, или кого и чему научила «оранжевая революция»

Практически все авторитарные режимы на постсоветском пространстве, будь то мягкий российский авторитаризм или совсем не мягкий узбекский, сделали быстрые и эффективные выводы относительно того, как можно блокировать «цветные революции». Это отразилось в изменениях законодательной базы⁶, создании контролируемых властью молодежных организаций, которые можно вывести на площадь в нужный момент. Лишь режиму Акаева не хватило времени на подготовку. Однако «цветная революция» в Киргизии сопровождалась прогулкой участников свержения А. Акаева по бишкекским магазинам, которая убедительно показала, что мирный характер киевских событий – не правило, а, скорее, исключение. Последовавшие затем события в Узбекистане (весьма кровавые) и в Азербайджане (где власти и оппозиция уже вели себя более сдержанно, ограничившись лишь арестами потенциальных лидеров оппозиции и мирными митингами протеста) свидетельствуют, что «оранжевая революция» войдет в историю не как начало волны подобных движений в постсоветских государствах, а, скорее, как последняя удавшаяся «цветная революция». На перевыборах Н. Назарбаева в Казахстане, которые, как считалось после «оранжевой революции», станут следующим большим «боем за демократию», никто и не вспомнил о киевских событиях годичной давности. Тем более «цветная революция» не грозит Лукашенко, который вполне контролировал ситуацию в ходе президентских выборов⁷.

6. Всякий делал это как умеет. Лукашенко законом запретил плохо говорить о себе. И. Каримов просто запретил работу ряда иностранных общественных организаций в стране. Впрочем, в этом отношении ему показал пример тот же Лукашенко. В России Дума подготовила держимордовский закон о неправительственных организациях, который удалось несколько приблизить к нормам приличного общества лишь после волны протестов в самой стране и за границей.

7. Никакая «оранжевая революция» не грозит Лукашенко и в обозримом будущем, поскольку его авторитарный режим с режимом Кучмы не сравнить. Свои Гонгадзе у него, разумеется, есть, а вот появление собственных Мельниченко, Ющенко и любой значимой оппозиции Лукашенко душит в зародыше. Силовые структуры вполне ему лояльны. Население в массе не ропщет, поскольку уровень жизни в Белоруссии по крайней

Да и в самом Киеве о Майдане все больше вспоминают, может быть, как о прекрасном, но далеком прошлом, не оправдавшем возлагавшихся на движение надежд. Степень коррумпированности власти, ее поглощенность внутренними дразгами, равно как и уровень свобод через год после «оранжевой революции», принципиально не отличаются от того, что можно было видеть на Украине через год после прихода к власти Кучмы.

С удовлетворением отметим, что кремлевские впечатления от «оранжевой революции» вылились не только в разработку превентивных мер в самой России, но и в серьезное переосмысление задач и методов внешней политики страны. Наконец осознав, какую роль могут играть неправительственные организации в проведении внешней политики, в том числе во влиянии на внутривнутриполитическое положение в других странах, в Кремле не ограничились стремлением поставить такие организации в России под строгий контроль, но впервые предусмотрели в бюджете расходы на поддержку деятельности подобных российских организаций за рубежом. В ходе последней избирательной кампании на Украине Россия уже не стала превращать себя в заложницу одной силы, а поддерживала интенсивные контакты со всеми ведущими игроками. Есть и другие признаки того, что в Кремле постепенно осваивают общепринятые способы проведения так называемой «политики влияния».

За что воевал Кремль в «газовой войне»?

Модификация методов российской политики во многом связана и с тем, что существенной корректировке подверглись стратегические цели политики России в Восточной Европе. Было бы непростительным упрощением считать, что газовый конфликт между Россией и Украиной был вызван только, или даже главным образом, стремлением Кремля повлиять на исход парламентских

Продолжение сноски со с. 32.
мере не ниже украинского, и свои выборы и референдумы выигрывает без вбросов бюллетеней. (Последнее не означает, разумеется, что Лукашенко непременно откажется от подобных методов, если в этом будет нужда.) В активной политической поддержке России Лукашенко для сохранения своей власти не нуждается. Россия в отношениях с ним имеет немало проблем, но она все же боится его смены по принципу «не стало бы хуже». Поскольку Белоруссию с Лукашенко на Западе никто не ждет, а Белоруссию без него мы увидим еще не скоро, отношения Москвы и Минска выглядят законсервированными. Впрочем, после выборов выяснилось, что Москва начала говорить с Лукашенко жестче, потому что свободу внешнеполитического маневра он потерял уже бесповоротно.

выборов на Украине в последнее воскресенье марта 2006 г.⁸ и «загнать» Украину в ЕЭП. Москва, скорее, готова была смириться с ростом антироссийских настроений на Украине для достижения своих стратегических, а не краткосрочных целей.

Очевидно, что прежние политико-идеологические приоритеты, тема близости России и Украины, их интеграции отошли на задний план. И общественное мнение оказалось к этому готовым. Объединение России и Украины по-прежнему приветствовали бы более 70% граждан России. Однако еще накануне газового конфликта лишь 18% опрошенных россиян считали объединение реальным, а значит видели эту задачу как приоритет для российской политики. Еще 35% допускали такую возможность лишь в отдаленной перспективе и примерно столько же считали, что это абсолютно нереально⁹. Как следствие, общество уже не ждет от политиков усилий по достижению утопической цели, и даже готово поддержать жесткую линию по отношению к Украине как к «отрезанному ломтю».

Это не значит, что интеграционные планы в отношении Восточной Европы вообще, и Украины в частности, сданы в архив. Однако они уступили первое место на шкале приоритетов экономическим задачам. Политическая интеграция с Белоруссией может стать результатом проводимой экономической политики, но экономические цели, и, прежде всего, цели энергетической экспансии не будут более приноситься в жертву задаче «заманить» Украину в ЕЭП или Белоруссию в «единое государство». Энергоносители становятся стержнем российской политики, и Путин ясно говорит об этом.

Поскольку тема рынка энергоносителей и способов их доставки от производителя к потребителю требует специального анализа, обозначим лишь несколько ключевых моментов, которые оказывают непосредственное влияние на международные отношения в Восточной Европе.

Во-первых, нужно отметить качественную новизну возникшей ситуации с ценами на энергоносители. Число крупных потребителей энергоресурсов выросло и будет продолжать расти за счет Индии, Китая и стран Юго-Восточной Азии. Число же надежных поставщиков нефти и газа сокращается. Постепенно иссякают запасы в Северном море. Это делает совершенно несерьезными любые разговоры о диверсификации поставок газа в Европу и сокращении зависимо-

8. Хотя было бы смешно считать, что газовый конфликт такого влияния не оказал. Определенное число сторонников Ющенко стало поддерживать «Блок Юлии Тимошенко», а сама «оранжевая принцесса» получила возможность обвинять Ющенко и его окружение в «предательстве национальных интересов».

9. Опрос «Левада-Центра» в сентябре 2005 г.

сти ЕС от «Газпрома». Напротив, его доля неизбежно будет расти. Балтийский трубопровод в Германию не сможет принять на себя всю нагрузку, которая сейчас приходится на украинские газопроводы. Но вместе с достроенным из Турции до Италии газопроводом «Голубой поток», проложенным по дну Черного моря, он сможет обеспечить транспортировку в «старую» Европу всего объема газа, закупаемого у России. В этом случае угроза несанкционированного отбора газа Украиной будет касаться уже не Германии, Италии, Франции, но только Венгрии, Словакии и Румынии. Последним получателем газа вместо его транзитера станет и Польша. Это сводит на нет возможности стран Восточной Европы (как старой, так и новой) сопротивляться повышению цен на газ. Весь вопрос будет сводиться к тому, смогут ли они за него платить.

Строительство мощностей по поставкам газа в Китай, Корею, Японию, США (как трубопроводов, так и заводов по производству сжиженного газа) позволит «Газпрому» выбирать рынки сбыта. При этом последние шаги «Газпрома» в Центральной Азии показывают, что ему практически удалось монополизировать сбыт газа, добываемого в Туркменистане и Узбекистане. Парадоксальным образом «оранжевая революция» сыграла в этом регионе на руку Кремлю – авторитарные правители Ашхабада и Ташкента решили, что политическая поддержка Москвы им не помешает, и предпочли сотрудничать с «Газпромом», а не пускаться в рискованные проекты газотранспортного консорциума с Украиной.

В отношении ЕЭП в Москве очевидным образом принята тактика «поезд уходит без опоздавших»¹⁰. В рамках новой энергетической стратегии главным партнером России в ЕЭП становится Казахстан. И роль Казахстана в свете последних событий, в том числе попыток реанимации ГУАМ, сильно возрастает. ГУАМ потенциально представляет вызов для России в двух вопросах. Во-первых, это Приднестровье. Но как Россия одна не способна решить эту проблему, так и без России решить ее нельзя.

Во-вторых, существенно более важен вопрос о транспортных коридорах каспийской нефти и среднеазиатского газа в обход России, с которым ГУАМ

10. Это не значит, что Москва не заинтересована в различных проектах кооперации с Украиной. Самый свежий пример – предложения нового главы Минатома С. Кириенко о сотрудничестве в этой сфере. Однако и здесь приоритет безусловно отдан экономическим, а не политическим целям. В других областях торговых отношений Россия, чей рынок становится все более привлекательным для экспортеров, начала весьма жестко наказывать своих партнеров из Восточной Европы за любые прегрешения, которые прежде сходили им с рук. За последние месяцы Москва ввела запреты на поставки широкого спектра сельскохозяйственной продукции из Польши, Молдавии и Украины. Потери Польши и Украины исчисляются даже не десятками, а сотнями миллионов долларов.

связан напрямую. Здесь тесный союз с Казахстаном становится для Москвы крайне важным, потому что если казахстанские нефть и газ будут прокачиваться главным образом через российскую систему или продаваться в Китай, альтернативные пути транспортировки должны будут опираться лишь на нефть Азербайджана и окажутся просто нерентабельными. Вопрос о том, станет ли Восточная Европа угрозой для укрепления энергетических позиций России или одним из источников прибылей «Газпрома», еще далеко не закрыт, но на данном этапе «Газпром» играет партию белыми фигурами.

«Газпром» готовится собирать богатый урожай. Чтобы он был действительно обильным, нужен контроль не только над магистральными трубопроводами, но и над газораспределительной сетью, т.е. сбытом газа непосредственным потребителям. В «старой» Европе «Газпром» пытается с переменным успехом добиться этого в партнерстве с крупнейшими местными компаниями. На рынке Прибалтики ему также пришлось по политическим соображениям действовать в союзе с Рургазом и концерном EON. Сегодня этот рынок сбыта уже в руках консорциумов «Газпрома» и немецких концернов. В Восточной Европе «Газпром» старается, где может, обходиться без западноевропейских партнеров. В конфликтах, которые сопровождались на разных этапах отключением газа, «Газпрому» удалось именно в конце 2005 – начале 2006 г. добиться уступок в вопросе о собственности на газопроводы и газораспределительные сети в Белоруссии и Молдавии. На очереди – создание совместного с Нафтогазом предприятия по сбыту газа на внутреннем рынке Украины. Аналогичную политику «Газпром» проводит в Грузии и Армении. С учетом того, что «Газпром» подконтролен государству, Кремль принципиально меняет механизм использования экспорта энергоносителей как инструмента внешней политики. Мощь газа как политического оружия резко возрастает.

В этой связи правительствам Восточной Европы есть от чего занервничать. Особенно это касается Украины, которая за 15 лет независимости не сделала ровным счетом ничего для перехода на энергосберегающие технологии. Здесь полезно сравнение с Польшей, которая, как и Украина, унаследовала от социализма крайне энергоемкую экономику. Поляки, однако, не сидели сложа руки и сегодня могут платить за газ более 200 долл. Так что современную отчаянную ситуацию Украина создала для себя во многом сама¹¹.

11. Украине в последнем конфликте было все равно, требует «Газпром» 160 или 230 долл. за 1 тыс. м³, потому что коллапс экономики наступал в обоих случаях. Киев отчаянно старается сохранить в безраздельной собственности свои магистральные трубопроводы и не допустить дальнейшего повышения цен на газ. Поэтому можно уверенно предположить, что мы были свидетелями лишь первого раунда «газовой войны».

Впрочем, объяснима и нервная реакция Польши и прибалтийских стран на строительство балтийского газопровода – никто не знает, сколько будет стоить газ через год. По расчетам американских экспертов, достаточно совпадения во времени двух неблагоприятных факторов такого масштаба, как, например, ураган «Катрина» и нападения на нигерийские нефтяные скважины в этом году, чтобы цена на нефть взлетела до 160 долл. за баррель, а с ней и цена на газ. Между тем обострение конфликта между США и Ираном делает такой вариант развития событий вполне возможным.

Весьма важно, что в своих проектах экспансии «Газпром» опирается на союз с мощными коммерческими структурами «старой» Европы и, как следствие, может быть уверен в достаточно благожелательном отношении политиков этих стран. Привлечение Г. Шрёдера на работу в совместное предприятие по постройке балтийского трубопровода вызвало скандал, но решения бывший канцлер не изменил. Не менее важно, что новый канцлер А. Меркель сразу дала понять, что не намерена ставить проект под сомнение. Весьма показательным, что ЕС приветствовал договоренности по газу между Москвой и Киевом, в то время как США необычно резко их критиковали – политические приоритеты игры с нулевой суммой в этом случае старая Европа не пожелала ставить выше своих экономических интересов.

Формирующаяся империя «Газпрома», если этот термин применим в данном случае, весьма отличается от межгосударственных интеграционных проектов прежних лет. Она не нуждается в политической интеграции и заметно менее чувствительна к смене политических сил, находящихся у власти в Восточной Европе. Не менее важно, что эта империя опирается на коммерческие контракты, легитимна с точки зрения международного права¹² и способна защищать себя в судах.

Отношения России с Польшей и роль Варшавы в Восточной Европе

В последние годы отношения России и Польши неизменно были сложными. В то же время официальная Варшава, во всяком случае на уровне мини-

12. Этот проект может не нравиться, но попытки его заблокировать со стороны, например США, выливаются для Вашингтона в серьезные траты. Так, в 2005 г. США пришлось выделить Грузии около 50 млн. долл., чтобы убедить Тбилиси не продавать «Газпрому» распределительные сети. Но проблема возникла вновь в 2006 г., и теперь, возможно, Тбилиси придется согласиться на предложения «Газпрома». В случае с Украиной критика «Газпрома» со стороны США не сопровождалась предложениями финансовой помощи Украине просто потому, что в этом случае пришлось бы выделять не десятки миллионов, а миллиарды долл.

стров иностранных дел, неизменно старалась сохранять сдержанный тон. В целом то же можно сказать и об официальной позиции Москвы. Разумеется, польские средства массовой информации отнюдь не придерживались этой линии. Антироссийские кампании в польской прессе представляли собой дежурное явление в течение последних полутора десятилетий. В российских средствах массовой информации польская тема появлялась заметно реже, хотя всплески антипольских настроений также имели место.

В 2004 и 2005 гг. мы стали свидетелями резкого обострения отношений между Москвой и Варшавой, что было обусловлено целым рядом причин. Чаще всего это связывают с вмешательством президента А. Квасьневского в кризис на Украине осенью 2004 г. В Москве его роль в киевских событиях восприняли с нескрываемым раздражением, хотя Москва сама создала все условия для успеха его миссии своей слишком активной и неуклюжей поддержкой В. Януковича. Именно благодаря этому Квасьневский смог мобилизовать для активного вмешательства в события на Украине ведущие фигуры ЕС, хотя изначально и Берлин, и Париж надеялись остаться в стороне. Между тем Квасьневский, благодаря своим контактам в обоих лагерях украинских политиков, сыграл важную роль в предотвращении использования силы со стороны режима Кучмы, за что, в конечном счете, ему должны быть признательны все участники противостояния.

События в Киеве показали, что претензии Варшавы как новоиспеченного члена ЕС на ведущую роль в определении восточной политики этой организации при определенных обстоятельствах могут стать реальностью. Дальнейшее ухудшение отношений Москвы и Варшавы в 2005 г. происходило уже в условиях, когда недружественные заявления и жесты делались на уровне высокопоставленных официальных лиц. Российская сторона в этом плане отнюдь не отставала от польской: достаточно напомнить о том, как Путин «забыл» упомянуть поляков среди тех, кто сражался с нацизмом во время празднования 60-й годовщины Победы, о том, как российский президент поспешил высказаться об избитии детей российских дипломатов в Варшаве в первый же день после происшествия и о том, как были затем избиты сотрудники польского посольства в Москве. Вряд ли следует объяснять это лишь раздражением в связи с украинскими выборами 2004 г. Готовность Москвы к эскалации напряженности в отношениях с Варшавой может иметь и «рациональное» объяснение. Никакой положительной повестки дня в сфере международных отношений в Восточной Европе у Варшавы и Москвы на сегодня не видно. Польша выступает адвокатом скорейшего принятия Украины (а также, в принципе, Белоруссии и Молдовы) в ЕС и НАТО, подчеркивая при этом, что данный вопрос совершенно не касается России. Польша наиболее активно из всех стран ЕС поддерживает оппози-

цию Лукашенко в Белоруссии¹³ и не скрывает критического отношения к проектам российско-белорусской интеграции. Наконец, Польша вместе со странами Прибалтики предпринимает все возможные усилия для того, чтобы торпедировать проект строительства газопровода из России в Германию по дну Балтийского моря. В целом Польша претендует на роль лидера, вокруг которого могли бы объединиться те новые члены ЕС, чьи отношения с Россией остаются весьма неблагоприятными. Она же играет активную роль в попытках создания новой организации «Содружество демократического выбора», об антироссийской направленности которой открыто говорят некоторые ее участники. Варшава настойчиво призывает к «энергетической солидарности» стран ЕС, причем в ее трактовке этого понятия «Газпром» выступает как источник угрозы, в том числе и политической. Между тем дальнейшая эскалация напряженности в двусторонних отношениях Москвы и Варшавы, акцентирование при каждом удобном случае польской русофобии может помешать Польше в ее стремлении утвердиться в качестве ведущей силы, определяющей восточную политику ЕС, ведь страны «старой» Европы обостряют отношения с Москвой не хотят.

Трудно предсказать, насколько успешной может быть такая тактика, основанная на принципе «чем хуже, тем лучше». Пока что политические процессы в самой Польше, где пришедшая к власти в конце 2005 г. консервативно-католическая и националистическая партия братьев Качинских «Право и справедливость» всерьез рассматривает возможность коалиции с радикальными популистами и евроскептиками из Лиги польских семей и «Самообороны», скорее подрывают позиции Польши в ЕС. Сама же по себе Польша не обладает ни экономическим, ни политическим потенциалом для того, чтобы в длительной перспективе играть ведущую роль в Восточной Европе. Именно кризисные ситуации в Восточной Европе создают для Варшавы дополнительные возможности.

ЕС, Россия и Восточная Европа

Болгарский политолог Иван Крастев дал полезное определение ЕС как великой державы с неопределенными границами¹⁴. Оно требует комментария.

13. *Отношения Минска и Варшавы сегодня плохи как никогда. Отчасти это связано с конфликтом вокруг Союза поляков в Белоруссии, который Лукашенко поставил под свой контроль, отстранив прежнее нелояльное ему руководство. Именно в Польше создана радиостанция для вещания против режима Лукашенко. Но наиболее важно, что Польша неизменно предоставляла убежище белорусским оппозиционерам, оказывала им поддержку, насколько это возможно, в самой Белоруссии и старалась усилить свое влияние в среде белорусской интеллигенции и молодежи, в том числе приглашая на учебу и стажировки.*

14. *Krastev I. Putinowskie «społeczeństwa obywatelskie»? Imperium rosyjskie po potarańcowej rewolucji // Europa. – N 43. – Kraków, 2005, 26.10. – S. 6.*

ЕС обладает уникальным механизмом расширения, легитимность которого никем с правовой точки зрения не оспаривается. Способность ЕС создавать у своих соседей мощную положительную мотивацию для присоединения к Союзу сегодня является главным инструментом внешнеполитического влияния ЕС. Но это же является источником определенной внешнеполитической слабости Евросоюза.

Оценивая возможности политики ЕС в Восточной Европе, нужно иметь в виду, что неверно рассматривать эту проблему по аналогии с влиянием ЕС в последние 15 лет на страны прежней Восточной Европы, которые теперь принято называть странами Центральной или Центрально-Восточной Европы. Принципиальное различие состоит в том, что в отношении последних ЕС сразу ясно определил перспективу членства. Именно этот фактор оказывал решающее стабилизирующее воздействие как на внутривосточные процессы, так и на отношения между странами региона. Иными словами, за правильное поведение был твердо обещан приз – членство в ЕС. Можно только догадываться, как развивались бы, например, отношения Венгрии с Румынией и Словакией, если бы все эти страны не рассматривали вступление в ЕС как приоритет своей внешней политики. Внутренняя стабильность, сдерживание авторитарных тенденций и радикального национализма тоже во многом определялись в странах Центральной Европы и в прибалтийских республиках этим фактором.

Когда полпред Украины в ЕС Р. Шпек настаивал в январе 2006 г., чтобы ЕС дал обещание его стране, что она будет принята в Союз, он, на самом деле, касался главной болевой точки сложившейся ситуации. Не желая связывать себя обещаниями такого рода, Брюссель лишил проевропейских политиков на Украине важнейшего ресурса легитимации, причем в ключевой момент перед парламентскими выборами. Сам факт, что в этой ситуации ЕС не готов дать такое обещание даже в отношении отдаленного будущего, свидетельствует о глубине разногласий среди политиков Союза.

В ЕС нет и в ближайшее время не будет консенсуса по вопросу о возможности дальнейшего расширения Союза на восток. Вместе с тем Евросоюз уже не желает рассматривать пространство СНГ и прежде всего страны Восточной Европы как зону преимущественного влияния России. Внешнеполитические неудачи в Восточной Европе в 2003 и 2004 гг., кажется, заставили Кремль понять и принять эту новую реальность. В то же время ЕС, в особенности «старая» Европа, не заинтересован в том, чтобы превращать этот регион в зону конфронтации с Россией. В ближайшее время предстоит трудный диалог ЕС, Москвы и стран Восточной Европы о том, каковы будут новые правила игры на этом пространстве. Первый этап выяснения новой реальности уже пройден – он заключался в расставании прозападных элит Восточной Европы с иллюзиями относительно возможности ускоренного марша в ЕС по образцу стран Центральной Европы.

Москва же до сих пор целиком полагается в своей европейской политике на контакты с Парижем, Берлином и Римом. Между тем в 2005 г. Г. Шрёдер уступил пост канцлера А. Меркель, которая вовсе не нуждается в тех особых отношениях с Путиным, за которые она не раз критиковала Шрёдера в ходе избирательной кампании, а С. Берлускони в 2006 г. был смещен Р. Проди. Ж. Ширак тоже переживает закат своей политической карьеры, и на смену ему в 2007 г., если не раньше, может прийти Н. Саркози, никаких симпатий к России до сих пор не проявлявший.

Однако эта новая ситуация не обязательно должна обернуться для России ухудшением отношений с ЕС, в том числе по вопросам, связанным с Восточной Европой. Визит Меркель в Москву в январе 2006 г. ясно показал, что смена тона в отношениях России и ее главного партнера в ЕС Германии не будет сопровождаться пересмотром реального содержания отношений, прежде всего в экономической сфере. Здесь интересы совпадают и это крупные интересы.

Меркель старается установить более дружелюбные отношения с США. Ось Москва – Берлин – Париж уходит в прошлое. Берлин стремится улучшить отношения и с Варшавой. Однако из этого не вытекает готовность Берлина и Парижа следовать польской линии в отношении Восточной Европы. Речь идет, скорее, о попытке перетянуть Варшаву, до сих пор выступавшую верным союзником США, на сторону «старой» Европы. Для Польши это будет серьезным выбором, потому что отказ от сотрудничества с ведущими державами ЕС может привести к ее дальнейшей маргинализации в Союзе. Если Варшава пойдет на сближение с Берлином и Парижем, это, весьма вероятно, откроет возможность и для потепления ее отношений с Москвой. В этом случае возможности США проводить и далее на пространстве СНГ политику, основанную на концепции игры с нулевой суммой, значительно уменьшатся.

В данной ситуации важно, чтобы Москва проявляла в своей политике сдержанность влияния на Восточную Европу, прежде всего избегала попыток слишком явного и активного одностороннего вмешательства в политические дела этих стран. Возможность углубления кризиса на Украине одинаково опасна как для России, так и для ЕС, и все стороны должны проявлять крайнюю осторожность в игре на этом поле. ЕС еще до парламентских выборов пригласил и Януковича, и Тимошенко посетить Брюссель, показав тем самым свою заинтересованность в развитии отношений с Украиной и ее стабильности при любом исходе парламентских выборов.

Решительно критикуя Лукашенко, ЕС не делал резких шагов для предотвращения его переизбрания в 2006 г. и не осуждал Москву за поддержку белорусского режима.

В целом можно констатировать, что за последние несколько лет место Восточной Европы в международных отношениях, с одной стороны, существен-

но изменилось – страны региона перестали рассматриваться как зона исключительного влияния Москвы. Москва, как кажется, признала новое положение вещей, и сделала ставку на принципиально новые механизмы экономической экспансии. Если прежде это была точечная экспансия крупных частных компаний на рынки Восточной Европы, которая часто опиралась на непрозрачные и ненадежные приватизационные механизмы, то современная экспансия «Газпрома» жестко координируется Кремлем и часто связана с привлечением к сделкам в качестве партнеров крупных концернов из ЕС.

С другой стороны, становится все более очевидным, что в отношении будущего новой Восточной Европы «оранжевая революция» ничего не решила. Она лишь заострила многие проблемы и для самой Украины, и для ее соседей. Политическое будущее стран региона еще останется неопределенным еще в течение довольно длительного времени.

Л. С. Лыкошина

ЛЕХ - БРАТ ЯРОСЛАВА, ЯРОСЛАВ - БРАТ ЛЕХА И ИХ ПАРТИЯ «ПРАВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Лыкошина Лариса Семеновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

Маятникообразный характер развития политической жизни Польши в посткоммунистический период получил подтверждение осенью 2005 г.: итоги парламентских и президентских выборов снова существенно изменили политический облик страны. Польские социал-демократы (левица, как их принято называть в стране) не сумели сохранить свое политическое лидерство. Выборы стали триумфом иного политического направления – правых. Победительница парламентской гонки партия «Право и справедливость» (ПиС) представляли именно правых. Президент Польши Лех Качиньский, сменивший А. Квасьневского на этом посту, также представлял правую часть политического спектра и являлся одним из лидеров ПиС.

Приход правых во власть отнюдь не явился неожиданностью ни для самих поляков, ни для сторонних наблюдателей и аналитиков. Политический профиль власти, которая сформировалась после выборов, просматривался еще задолго до 2005 г. Не нужно было обладать особой прозорливостью, чтобы предсказать крах левых, ставший неизбежным на фоне политического кризиса и бесконечных коррупционных скандалов. Но несколько неожиданными стали особенности новой расстановки сил: по всем прогнозам и результатам социологических исследований победительницей парламентских выборов должна была стать партия Гражданская платформа (ГП), а президентом не Лех Качиньский, а Дональд Туск – лидер этой партии. И Д. Туск, и Гражданская платформа – это тоже политические силы правого толка, но несколько иные, скорее либеральные, чем склонные к консерватизму победители выборов, скорее проевропейские, чем «евроскептически» настроенные нынешние хозяева страны.

Итак, Польша оказалась «ближе к Бугу, чем к Одре», т.е. более традиционной и консервативной и не такой уж «европейской», как представлялось многим.

Несомненно, самым примечательным моментом польских выборов 2005 г., их своеобразной «изюминкой» стало то обстоятельство, что, по сути, во главе

страны оказались братья-близнецы Лех и Ярослав Качиньские. Лех Качиньский победил на президентских выборах, а Ярослав возглавляет партию «Право и справедливость», победившую на парламентских выборах. «Качки» («утки» по-русски) являют собой необыкновенно дружную, даже для близнецов пару. Они родились в 1949 г. в Варшаве. В семье не знали, что родятся близнецы, ждали девочку, но появление братьев никого не разочаровало, а, напротив, привело в полный восторг. Воспитанием детей занималась в основном мать. Ярослав и Лех росли, что называется, «под сенью наук»: молодая мать не бросила учебу в варшавском университете и часто брала с собой близнецов на занятия, прямо в коляске.

Под влиянием матери братья росли вполне добропорядочными католиками, посещали костел и уроки религии. Учились мальчики весьма успешно, хотя после начальной школы их разделили, и они заканчивали разные лицеи. Несмотря на то что братья отличались от сверстников начитанностью и эрудицией, это были вполне обычные ребята: они дрались, убегали с уроков, сдавали друг за друга экзамены: Лех был силен в гуманитарных науках, а Ярослав – в точных.

Когда ребятам было по 12 лет, они сыграли главную роль в фильме «Эти двое, что украли луну». Конкуренция среди претендентов на роль Яцека и Плацека была огромной. Лех и Ярослав победили. Без всякого блата. Просто победили и очень были этим довольны. Фильм имел успех, но, как уверяет мать Качиньских, мальчики никогда не хотели стать актерами. Вот режиссерами – пожалуй...¹

Братья всегда были настроены антикоммунистически. Они учились в лицее на Жолибоже (район Варшавы), где тогда были популярны дружины Яцека Куроня («красные харцеры»). Но Качиньские никогда в них не вступали. Также, став студентами Варшавского университета, они не вступили в Союз социалистической молодежи. Но это не помешало Ярославу защитить диссертацию и стать преподавателем вуза. Он остался в Варшаве, а Лех уехал в Гданьск, полюбил этот город и вполне прижился там.

Братья, несмотря на поразительное сходство, достаточно разные по характеру и склонностям. Ходят легенды о рассеянности Л. Качиньского, которая доходит до того, что он может надеть непарные ботинки. Не отличается Лех и склонностью к порядку: на столе его книги, журналы и документы всегда пребывают в полном хаосе.

Его любимая книга – «Волшебная гора» Т. Манна. Лех – спокойный и вполне толерантный отец для своей дочери Марты, а сейчас уже и дедушка. Он

1. Kaczyńska J. *Moja prawdziwa historia*. – Książka «Fakt». – W-wa, 2005. – S. 2.

любит активный отдых, хорошо плавает, любит ездить на велосипеде. Летом он отдыхает обычно с женой и братом где-нибудь в глуши. Если Лех – человек общительный, легко сходящийся с людьми, то Ярослав скорее замкнутый и довольно резкий.

Коллеги по партии говорят о Я. Качиньском как о человеке твердом, умеющем добиваться цели. Он опытный политик, умеет ждать и использовать благоприятный момент. Это «мастер ожиданий». Лех признает, что брат превосходит его в умении создавать новые идеи, концепции, программы. Считает Ярослава лучшим, чем он сам, оратором и полемистом.

Лех женат и имеет взрослую дочь. Ярослав остался старым холостяком и живет с мамой. Бывшая невеста Ярослава шутила, что он предпочел ей Комитет защиты рабочих (КОР). Действительно, с 1976 г. Ярослав активно включился в оппозиционное движение, работал в КОРе, так же как и брат Лех.

Иначе и быть не могло. Братья избрали жизненный путь в полном соответствии с семейными традициями: мать близнецов Ядвига и сама, как могла, помогала оппозиционному движению, ее прадед участвовал в январском восстании 1861 г., имевшем целью получение Польшей независимости от России, прапрадед – в ноябрьском восстании против России 1831 г., несколько родственников матери погибли в польско-российской войне 1920 г. И мать, и отец Качиньских участвовали в Варшавском восстании 1944 г. Одним словом, это семья с традициями оппозиционной деятельности и борьбы за свои идеалы и убеждения. За это приходится иной раз платить достаточно высокую цену. Качиньские не стали исключением: в 1989 г. Лех был интернирован и пережил не самые лучшие времена в своей жизни.

В 1989 г. Лех участвовал в работе «круглого стола» как член комитета по проблемам профсоюзного плюрализма. В 1990 г. его выбрали заместителем председателя Общепольской комиссии Солидарности, но, проиграв М.Кшаклевскому в борьбе за пост главы Солидарности в 1991 г., Лех Качиньский отказался от этой должности.

В 1989–1993 гг. Лех Качиньский был депутатом Сейма, в 1991 г. министром по делам безопасности в канцелярии президента Валенсы, а также главой бюро Национальной безопасности. Он оставил этот пост после конфликта с Валенсой. С 1992 по 1995 г. Лех Качиньский возглавлял Высшую контрольную палату, в 1995 г. баллотировался на пост президента, но снял свою кандидатуру еще до выборов.

В 2002–2005 гг. Лех Качиньский – президент Варшавы. Его деятельность на этом посту отмечена рядом весьма успешных акций. При нем, несомненно, улучшилось состояние безопасности в городе, жить варшавяне стали спокойней, преступлений стало меньше. Торжественно было отмечено 60-летие Варшавского восстания и открыт Музей, посвященный этому событию. Это были действия, несомненно способствовавшие росту авторитета и популярности Леха

Качиньского, так как Варшавское восстание значит очень многое для поляков: это символ мужества и любви к родине со стороны польских патриотов и символ коварства и предательства со стороны России (как известно, советская армия не поддержала восставших, и восстание было подавлено).

Симпатии определенной части общества и вместе с тем яростное неприятие другой его части вызвали запрет президента Варшавы на проведение в городе в 2004 и 2005 гг. так называемых «парадов равенства» (т.е. шествия сексуальных меньшинств). Запретив эти акции, Л. Качиньский вместе с тем дал разрешение на проведение «парада нормальности», организованного националистической организацией Всепольская молодежь.

Сам Л. Качиньский в качестве своего несомненного успеха декларирует разрушение так называемого «варшавского союза», являющегося неформальной общностью местных финансовых и предпринимательских кругов с деятелями партий Гражданская платформа и Союз демократических левых сил. Этот неформальный союз обеспечивал режим наибольшего благоприятствования для определенного круга предпринимателей.

Партийная карьера братьев связана с партией «Право и справедливость», возникшей в 2001 г. На выборах 2001 г. ПиС получила 9,5% голосов, заняв четвертое место. Это было совсем неплохо для такой молодой партии. Облик ПиС формировался при опоре на личность Л. Качиньского, «одинокое шерифа», самоотверженно борющегося с коррупцией (даже билборд ПиС был оформлен соответственно: на зелено-оранжевом фоне размещались название партии и портрет ее лидера)².

После выборов партия остается структурой элитарной, закрытой, контролируемой братьями Качиньскими и Л. Дорном – их ближайшим соратником, ныне главой парламентской фракции ПиС.

ПиС относится скорее к типу консервативных партий. Такие партии поддерживают традиционные ценности, выступают за сильное государство, поддерживают рынок и частное предпринимательство. В обновленной версии программы ПиС 2005 г. Я. Качиньский настаивает на необходимости решительных перемен, ибо сохранение прежнего курса угрожает самому национальному существованию Польши. Трудное положение страны обусловлено, по мысли Я. Качиньского, неверным выбором пути трансформации после 1989 г., а также ошибками политической элиты того времени, которая вместо решительного разрыва с прошлым выбрала путь «продолжения»³.

2. Kowalczyk K. *Prawo i sprawiedliwość // Polskie partie i ugrupowania parlamentarne.* – Toruń, 2005. – S. 153–154.

3. *Prawo i sprawiedliwość; Sprawiedliwość dla wszystkich; Program 2005.* – W-wa. – 143 s. *Archiwum partii politycznych JSP PAN.* – S. 6–7.

Люди, связанные с прежней системой, обрели незаслуженно привилегированное положение. Старый государственный аппарат, старые неформальные связи, в том числе и связи со спецслужбами – вот что определило облик якобы «новой Польши». Это был гибрид, называвшийся «посткоммунизмом». Вместо народного, всеобщего капитализма возник «посткоммунистический политический капитализм».

Жертвой такого порядка вещей стало польское государство. Оно сформировалось как государство слабое, неспособное противостоять коррупции, партийным и групповым интересам. В таком государстве невозможно было создание долговременных конструктивных программ, доминировала политика временная, стремящаяся разрешать возникающие конфликты и не имеющая стратегического характера.

В этих условиях не возникло гражданского общества, хотя о нем много говорили. Трансформация принесла жизненный успех многим полякам, но это не означает, что можно забывать об имеющихся весьма серьезных проблемах. Это прежде всего безработица и бедность, неравные шансы жителей различных регионов Польши. Страна явно разделилась на две части: Польшу благополучную, перспективную и Польшу бедную, обреченную на прозябание и безнадежность.

Опасность для страны, полагает Я. Качиньский, содержится и в международной сфере: вступив в ЕС, Польша в полной мере ощутила опасность утраты национальной идентичности, ибо «новая европейская идентичность» на деле является угрозой «навязывания слабым народам идентичности народов более сильных»⁴.

Опасность для Польши коренится и в неблагоприятной демографической ситуации, сокращении рождаемости, старении общества, миграции из страны самых динамичных и способных поляков. Все вышеназванные факторы, если не остановить их действие, могут превратить Польшу в глубокую европейскую провинцию.

Задачами первостепенной важности являются коренное переустройство государства, переориентация польской социально-экономической политики, придание ей «морального измерения». Для достижения этих целей необходимо согласие. Согласие всех поляков, которые живут и будут жить между Бугом и Одрой. Концепция этого согласия содержится в одной основной идее: «Плодами экономического роста должны пользоваться все поляки, а не только узкая группа самых богатых людей»⁵.

4. *Prawo i sprawiedliwość; Sprawiedliwość dla wszystkich; Program 2005.* – W-wa. – 143 s. *Archiwum partii politycznych JSP PAN.* – S. 9.

5. *Ibid.* – S. 11.

Для достижения поставленных целей необходимо прежде всего очищение и укрепление государства. Очищение предусматривает избавление от наследия ПНР. Укрепление означает создание сильного государственного аппарата, способного реализовать свою основную функцию – обеспечить широко понимаемую безопасность граждан.

«Мы верим, – говорится в программе, – что такие слова, как отчизна, Польша, поляки, ближние, человеческое достоинство для большинства из нас не просто пустые слова. Мы верим в возрождение чувства общности, духа солидарности и христианской любви к ближнему. Поэтому мы надеемся, что поляки поддержат нашу идею общественного соглашения, что они захотят сохранить духовное наследие, называемое *Польшей*»⁶.

Итак, партия во главу угла своей политической деятельности ставит задачу создания сильного польского государства, апеллирующего к совершенно определенным историческим традициям. Это традиции I Речи Посполитой (т.е. средневековой Польши в период ее силы и могущества), борьбы за национальную независимость, II Речи Посполитой (т.е. межвоенной Польши), борьбы против немецких и советских оккупантов в годы Второй мировой войны, а также история борьбы против коммунистического правительства в Польше, в частности борьбы «Солидарности».

ПиС настаивает на необходимости четкого разграничения традиций борьбы за независимость и традиций польского социализма, который связан, в представлении идеологов партии, с предательством польских национальных интересов. Правда, простые люди, прожившие свою жизнь при социализме и работавшие на благо страны, могут гордиться своей биографией. Но не потому, что они строили социализм, а потому, что они строили Польшу и сохраняли польские традиции.

В качестве основного фактора внешнеполитической деятельности государства ПиС рассматривает принадлежность Польши к НАТО и союз с США. Другим определяющим фактором является членство Польши в ЕС, но только на приемлемых для страны условиях, обеспечивающих ей сохранение национально-государственных интересов.

Позиция Польши как в НАТО, так и в ЕС во многом определяется ее ролью в регионе. Поэтому успешная внешняя политика немыслима без добрососедских отношений с прибалтийскими республиками, а также Украиной, Белоруссией и Россией. Относительно последней ПиС подчеркивает необходимость преодоления тяжелого исторического наследия, выстраивания отношений на паритетных началах.

6. *Prawo i sprawiedliwość; Sprawiedliwość dla wszystkich; Program 2005. – W-wa. – 143 s. Archiwum partii politycznych JSP PAN. – S. 13.*

Программа ПиС достаточно противоречива: она содержит в себе и либеральные, и консервативные, а отчасти и христианско-демократические ценности.

Итоги выборов показали, что именно такая программа в наибольшей степени близка сейчас многим полякам. «Партия братьев Качиньских», а именно так в Польше часто называют ПиС, наиболее адекватно отразила надежды и проблемы польского общества.

Подтверждением этого стал и второй успех братьев Качиньских – победа на президентских выборах. Интересно, что за основного конкурента Леха Качиньского – Д. Туска проголосовали преимущественно жители крупных городов, люди относительно более молодые, высоко образованные и, что весьма примечательно, живущие на севере и западе страны, в Силезии. За Качиньского голосовали жители южной и восточной Польши, жители сел, небольших городов. Если обратиться к историческому прошлому, то это деление совпадает с границами российского, прусского и австрийского захватов. За Качиньского голосовали главным образом те поляки, что обитают на землях, некогда относящихся к России и Австрии, за Туска – жители земель, входивших в бывшую Пруссию.

Качиньский выиграл в традиционной Польше, где сильно влияние церкви, где ожидают помощи от государства и люто ненавидят слово «либерализм» и все с ним связанное.

Есть, правда, еще и «третья Польша», не голосовавшая вообще. Заметим, что активность избирателей была весьма низкой и едва достигала 40%.

Победа ПиС и Л. Качиньского стала возможной во многом благодаря так называемым «мохеровым беретам», как пренебрежительно называют в Польше определенную категорию общества. Словосочетание «мохеровый берет» само по себе интересно уже тем, что в нем соединено название головного убора командос (береты) и мохеровых головных уборов, популярных среди пожилых женщин. Последние как раз и являются типичными представителями этой категории граждан. Как правило, «мохеровые береты» придерживаются консервативных националистических взглядов, слушают передачи радио «Мария», смотрят телеканал «Трвам» и читают газету «Наш дзенник». Все вышеперечисленные СМИ придерживаются вполне определенной идейной ориентации, которую условно можно определить как националистическо-католическую. Но именно условно, так как сами иерархи католической церкви весьма обеспокоены позицией радио «Мария» и считают, что таковая весьма опасна и ведет к расколу католической церкви.

Радио «Мария» действует в Польше уже 14 лет. Созданное монахом-редемптористом отцом Т. Рыздиком Торунская радиостанция имеет сейчас в Польше многомиллионную аудиторию, ставшую еще большей после создания в 2003 г. телеканала «Трвам», связанного с радиостанцией. В стране существует

неформальная структура – «семья радио Мария», объединяющая сторонников Т. Рыдзика. Кружки друзей радио «Мария» существуют практически в каждом приходе. Ежегодно сторонники радио собираются на Ясной Горе. В 2005 г. там собрались 200 тыс. человек⁷.

С 1998 г. действует фонд «Наше будущее», занимающийся католическим воспитанием молодежи и выпускающий ежемесячный журнал «Семья радио Мария». Институт национального образования в Люблине организует семинары и лекции для слушателей радио. Последние верят, что они что-то значат в Польше, что их голос кому-то нужен, что они не одиноки. Они знают, за что надо бороться и кого бояться (масонов, либералов, коммунистов, немцев, международно-еврейской олигархии).

Голос радио «Мария», несомненно, сыграл свою роль, ясно давая понять своим слушателям, кто друг, а кто враг поляка-католика. Недаром после своего избрания Л. Качиньский поблагодарил за поддержку Т. Рыдзика, а премьер нового правительства К. Марцинкевич именно по этому радио впервые обратился к полякам с изложением своей программы.

Очевидно не следует преувеличивать значения радио «Мария» в победе Л. Качиньского и ПиС. Конечно, это фактор не единственный и не определяющий. Но и не учитывать его значения было бы ошибкой. «Мохеровая оппозиция» показала в ходе выборов свое реальное значение и презрительно-пренебрежительное отношение к ней, имеющее место среди польской интеллигенции и либерально мыслящих политиков, вряд ли можно считать конструктивным. В конце концов «мохеровые береты» – это та самая Польша, которая «ближе к Бугу, чем к Одре».

Лех Качиньский после своего избрания достаточно решительно противостоял попыткам представить его как фанатичного католика, стремящегося к едва ли не католическому государству. Более того, он заявил, что католическое государство – это путь к дехристианизации. Но вместе с тем он твердо уверен в целесообразности создания в Польше патриотической партии, в которую должны войти люди с национально-католическими взглядами.

Он отнюдь не считает себя популистом и националистом, но уверенно декларирует себя как польского патриота, подчеркивая свою связь с традициями, связанными именно с именем Ю. Пилсудского. Заметим, что в политической жизни современной Польши достаточно серьезную роль играют исторические традиции. При всем прагматизме польских политиков (неоднократно отмечаемом исследователями) неправомерно было бы отрицать роль истории в формировании идейной и политической идентичности политических партий.

7. *Winicka E. Co jest pod mocherem // Polityka. – W-wa, 2005. – № 49. – S. 10.*

Недаром Е. Гедройц (1906–2000) – многолетний редактор издаваемого в Париже и популярного в Польше журнала «Культура» – говорил применительно к реалиям 90-х годов, что «Польшей правят гробы прежде живших поляков», имея в виду огромное влияние исторического наследия на сознание ныне живущих. Высказывание Гедройца не осталось незамеченным и вызвало достаточно оживленное обсуждение в прессе и на телевидении.

Редактор «Культуры» имел в виду не историю вообще, а двух конкретных политиков-идеологов XX в., имена которых известны всем полякам самого разного уровня культуры и образования. Это Ю. Пилсудский и Р. Дмовский, олицетворяющие исторические традиции, два представления о политическом и моральном порядке, две стратегии создания Польши: государственно-демократическую, связанную с именем Пилсудского, и национально-демократическую, связанную с Дмовским.

Правда, в ходе избирательной кампании 2005 г. хорошим тоном было позиционировать себя как сторонника традиций Пилсудского. И Л. Качиньский, и Д. Туск признали Ю. Пилсудского самым выдающимся поляком XX в.

На вопрос о том, кто будет в Польше более важной фигурой, Лех или Ярослав, Лех Качиньский ответил: «Выборы выиграла партия во главе с Ярославом. А я буду президентом». Именно Качиньские, а не один Качиньский, подчеркивает Лех, хотели бы оставить Польшу после своего правления как «исправно функционирующее государство, с которым считаются в Европе»⁸.

В июле 2006 г. президент назначил своего брата премьер-министром. По мнению многих польских политических аналитиков, именно Ярослав Качиньский сейчас самый влиятельный и значимый человек в Польше, «архитектор и стратег» победы Леха, человек, держащий в своих руках «все веревочки власти»⁹.

Любящий пошутить и посмеяться над своими слабостями, Лех становится серьезным, когда речь заходит о брате. Когда Леха спросили, кем будет Ярослав, когда он, Лех, станет президентом, последовал ответ: «Самым главным человеком в стране».

* * *

После выборов 2005 г. братья Качиньские стали самыми значительными людьми на польской политической сцене. В Польше появился даже термин «качизм». «Качизм» несет в себе некое отрицательное содержание. Оппоненты Качиньских вменяют в вину братьям их излишний национализм, связь с кон-

8. Kaczyński L. *Nie jestem populistą* // *Polityka*. – W-wa, 2005. – № 43. – С. 26.

9. Paradowska J. *Pod znakiem bliźniat* // *Polityka*. – W-wa, 2005. – № 43. – С. 20.

сервативным направлением католицизма. «Качизм» может вызывать ассоциацию с «фашизмом». Но отнюдь не исключено, что тон прессы, не совсем доброжелательный по отношению к Качиньским, может поменяться, как это уже неоднократно бывало в истории.

В 2006 год Польша вступила с новым президентом и новым сеймом. Страна сделала свой выбор, и политический маятник в полном соответствии с законами демократии совершил очередное движение. Вправо? По формальным признакам – да. И сами победители президентских и парламентских выборов декларируют себя как правых, с выраженными консервативными позициями. Но их программные установки свидетельствуют о наличии вполне вписывающихся в рамки социалистических задач и намерений. А не так уж серьезно (в количественном отношении) проигравшая ГП дает основания относить ее к партиям либеральной ориентации.

Как полагает известный польский социолог Э. Внук-Липиньский, избиратели, выбирая правых, голосовали за либерально-консервативный социализм (этот термин в свое время предложил философ Л. Колаковский, опубликовав статью «Как быть либерально-консервативным социалистом?»).

Низкая активность избирателей на последних выборах еще раз показала, что в Польше значительное число людей не видят связи между своей жизнью и политикой. Эта группа людей, как правило, тем больше, чем ниже уровень образования в обществе. В Польше для 30% населения мир политики – это чужой и непонятный мир. Другая часть не участвующих в выборах – это люди, разочаровавшиеся в политике, считающие, что это «их» мир. Эта часть польского общества становится все больше. Парламентские выборы 2005 г. показали высокий уровень фрустрации в обществе, рост недоверия к политикам, расширяющуюся пропасть между обществом и политиками. Для большинства поляков политика сейчас – это только способ уладить собственные дела и уж никак не особая гражданская миссия¹⁰.

В известном смысле выборы явились своеобразной моральной революцией. Голосуя, люди выражали надежду на утверждение в общественной жизни чего-то такого, что нельзя на самом деле восстановить административными способами: честности, доверия, порядочности. Именно это обещали ПиС и ГП¹¹.

Вместе с тем выборы показали, что для Польши важнейшими являются не проблемы национальной идентичности, роли церкви, отношения к коммунизму, а иное: характер государства (либеральное или социальное), отношение к рын-

10. *Wnuk-Lipiński E. Realna demokracja // Rzeczpospolita. – W-wa, 2005. 1–2 paźdz. – S. 1.*

11. *Ibid. – S. 5.*

ку. В этом поляки не оригинальны и не очень отличаются от других европейских народов. Трудно отрицать, однако, некую выраженную «польскость» этих выборов. Лех и Ярослав Качиньские победили уже потому, что они соответствуют реальной Польше, такой, какая она есть.

Первые шаги новой власти, ее нежелание (или неумение?) идти на компромиссы, известная архаичность всего строя политической жизни страны обуславливают некоторую неопределенность, непредсказуемость дальнейшего развития ситуации. Характерно, что когда известного польского социолога, профессора Варшавского университета М. Мароди спросили в одном из интервью в начале 2006 г., понимает ли она, что происходит в польской политике, ответ последовал: «С трудом»¹².

12. *Marody M. Samospalanie / Z M. Marody rozmawia D. Rosiak // Rzeczpospolita. – W-wa, 2005. 21–22 stycz.bcgf.*

С.Л.Волкова

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ТУРЦИИ С РЕГИОНАМИ РОССИИ
(СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ, ПОВОЛЖЬЕ, УРАЛ)**

**Волкова Светлана Леонидовна –
младший научный сотрудник
Института востоковедения РАН.**

Турция в настоящее время развивает экономические отношения с рядом регионов Северного Кавказа, Поволжья и Урала, что является новым направлением сотрудничества. Турция стремится к географической диверсификации экспорта в рамках преимущественно экспорториентированной стратегии роста. Для России такая стратегия приобрела форму внутривосточной диверсификации турецкого экспорта с непосредственным вовлечением в двустороннюю торговлю все большего числа субъектов РФ. Экономическое сотрудничество с Турцией отражает их стремление к самостоятельной внешнеэкономической деятельности в рамках законодательства РФ и к повышению хозяйственной самостоятельности регионов.

Возможности сотрудничества определяются наличием у сторон соответствующего ресурсно-экономического внешнеторгового потенциала. Турецкая Республика располагает многими основными видами рудного, горно-химического сырья, однако не имеет крупных месторождений энергетического сырья. За счет собственной добычи она может обеспечить лишь около 14% потребностей национальной экономики в нефти, 4 – в природном газе и 16% – в каменном угле¹. В 2004 г. общий объем ВВП страны составил 299,5 млрд. долл. При этом на душу населения приходилось по официальному курсу 4172 долл.; по паритету покупательной способности – 7687 долл.²

По классификации Всемирного банка (2005), использующего при распределении стран показатель валового национального дохода (ВНД), Турция относится к числу стран со «средне-высоким доходом»³. Турецкую экономику можно оценить как находящуюся на пути активного превращения из аграрно-промышленной в индустриальную.

В 60–70-е годы прошлого столетия развитие Турции происходило в рамках модели импортзамещения, нацеленной на создание основ национальной про-

РОССИЯ И МИР В НОВОМ ВЕКЕ

мышленности. В 80-х годах в стране начала осуществляться принципиально новая внешнеторговая стратегия. Дальнейшее экономическое развитие оказалось связано с ростом экспорта, прежде всего промышленного. Членство в ВТО (с 1995 г.) и Таможенном союзе ЕС (с 1996 г.) сделало возможным поощрение экспорта лишь методами, которые не рассматривались бы партнерами Турции как его субсидирование. Одним из важных направлений развития экспортного потенциала Турции во второй половине 90-х годов стала его географическая диверсификация.

Продолжением политики экспорториентации явилась либерализация импорта, что составляет одну из характеристик «открытой экономики». В 80–90-е годы произошли значительные изменения в системе его регулирования: были сняты нетарифные ограничения, постепенно снижались таможенные пошлины на импорт. Одновременно с ростом экспорта наблюдался и рост импорта. И хотя экспорт рос более высокими темпами, данное обстоятельство оказалось недостаточным для преодоления дефицита внешней торговли.

Сокращение импорта, который является одной из важных предпосылок экономического роста страны, по всей видимости не может быть положено в основу стратегии развития. Основная задача импорта – удовлетворение потребностей экономики Турции в сырье, в первую очередь энергетическом, и инвестиционных товарах.

Эти особенности внешнеторговой стратегии Турции проявляются в экономических связях с Россией в целом и регионами Северного Кавказа, Поволжья и Урала в частности. Субъекты РФ богаты многими полезными ископаемыми. Там имеются месторождения нефти (Татарстан, Башкортостан, Дагестан, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Краснодарский и Ставропольский края, Чеченская Республика), газа (Татарстан, Башкортостан, Дагестан, Адыгея, Краснодарский и Ставропольский края), каменного угля (Ростовская область, Дагестан, Татарстан, Ставропольский край), торфа (Татарстан, Дагестан), железных, вольфрамовых, стронциевых, медных руд (Кабардино-Балкария, Дагестан, Чеченская Республика, Краснодарский край, Башкортостан) и т.д. На территории этих субъектов РФ расположены рекреационные ресурсы (минеральные источники, лечебные грязи, термальные воды), и интерес Турции к этим регионам обусловлен возможностью удовлетворения ее потребностей в сырье, в котором она остро нуждается.

Названные субъекты РФ имеют многоотраслевую промышленность – топливную, пищевую, химическую, электроэнергетическую, черную и цветную металлургию, лесную, деревообрабатывающую и целлюлозно-бумажную, легкую промышленность, сельское хозяйство⁴.

Однако в отдельных регионах промышленность нуждается в модернизации, применении новых технологий, использовании новейших достижений совре-

менной техники, что требует дополнительных капиталовложений. Поэтому регионы заинтересованы в иностранных инвестициях. Турция, имеющая развитую пищевкусовую и текстильную промышленности, имеет определенные преимущества с точки зрения инвестиционной активности в этих регионах. Как уже отмечалось, отдельные субъекты РФ (Татарстан, Башкортостан, Кабардино-Балкария, Ростовская область, Ставропольский край, Дагестан, Адыгея) имеют развитую промышленность – машиностроение и металлообработку, производящие разнообразную продукцию: машины, станки, электротехническое оборудование, приборы, запчасти и др. Наличие подобных отраслей дает им возможность экспортировать свою продукцию в Турцию, которая испытывает в ней потребность и сохраняет зависимость от импорта зарубежной техники.

В товарной структуре внешней торговли этих субъектов основное место в экспорте занимает продукция топливно-энергетического и нефтехимического комплексов, машиностроительная продукция, продовольственные товары и сырье, черные и цветные металлы, древесина и изделия из нее. В товарной структуре их импорта выделяются машиностроительная продукция, продовольственные товары и сырье, продукция нефтехимического комплекса, черные и цветные металлы⁵. Как видим, структура внешней торговли этих субъектов РФ достаточно разнообразна, что позволяет говорить о взаимодополняемости внешней торговли Турции и регионов России.

В то же время сотрудничество Турции с субъектами РФ требует дальнейшего улучшения организационно-правовых предпосылок. Дело в том, что нынешняя правовая база для развития внешнеэкономической деятельности субъектов РФ отличается разночтениями и несоответствиями. Право этих регионов на самостоятельную внешнеэкономическую деятельность не отражено в Конституции РФ. Формально они не могут устанавливать экономические отношения с иностранными государствами⁶. Но региональные власти в своих конституциях записывают отдельные пункты, провозглашающие из право на самостоятельную внешнеэкономическую деятельность (Дагестан, Карачаево-Черкесия) и тем самым входят в противоречие с законодательством РФ⁷. Для снятия возникающей напряженности между центром и субъектами РФ федеральная власть сейчас идет по пути заключения с ними договоров о разграничении предметов ведения и полномочий. Республики в свою очередь приводят местные и законодательные нормы и акты в соответствие с положениями федеральных законов.

В 2004 г. в структуре промышленного экспорта Турции в Россию лидирующую позицию занимала продукция машиностроения и автотранспортные средства (29,3% общего промышленного экспорта). Далее следовали текстильные товары (20,8%), продукция химической промышленности (13,9%), товары промежуточного назначения (13,1%) и швейные изделия (12,3%). В структуре промышленного импорта Турции из России в том же году ведущее место принад-

РОССИЯ И МИР В НОВОМ ВЕКЕ

лежало продукции добывающей промышленности, в том числе минеральному топливу и маслам (уголь, нефть и нефтепродукты, природный газ, электроэнергия) – 79,6% общего объема импорта добывающей промышленности; железу и сырью для черной металлургии (8%). Среди готовых промышленных товаров основную позицию занимала продукция черной металлургии (66,8% общего объема импорта готовых промышленных товаров) и химической промышленности (21,1%)⁸.

Развитие сотрудничества с субъектами РФ обеспечивает Турции возможность импорта или совместного производства высокотехнологичных товаров, которые в настоящее время недостаточно представлены в ее промышленности и экспорте. Как уже отмечалось, некоторые российские регионы (Дагестан, Кабардино-Балкария, Татарстан, Башкортостан) обладают значительным ресурсным потенциалом. Поэтому в Турции есть возможности для импорта энергоресурсов и некоторых других видов промежуточных и сырьевых товаров, например алюминия, кожевенного сырья и другой продукции. Республики также заинтересованы в сотрудничестве с Турцией. Они получают возможность для экспорта своего сырья и увеличения валютных поступлений, привлечения турецких инвесторов и импорта необходимой продукции.

Основными направлениями сотрудничества Турции с рассматриваемыми субъектами РФ являются торговля, инвестиционное сотрудничество (создание совместных предприятий) и подрядно-строительная деятельность (выполнение строительных подрядов и субподрядов, где российская сторона выступает заказчиком; в некоторых случаях строительство осуществляется под кредиты, предоставленные турецкой стороной). При этом в различных регионах доминируют те виды сотрудничества, которые определяются возможностями местной промышленности и сельского хозяйства. Так, в Кабардино-Балкарии, где имеются крупные производственные мощности, турецкая сторона планирует создать совместные предприятия, ориентированные на выпуск товаров народного потребления. Обладая значительным ресурсно-экономическим потенциалом, КБР испытывает недостаток в средствах для его дальнейшего развития. Поэтому на первом этапе сотрудничества инвестиционное направление является важнейшим. Турецкие инвесторы, кредитуя проекты КБР, вкладывают деньги в наиболее развитые отрасли республики – электроэнергетику, пищевкусовую, нефте- и горнодобывающую отрасли. Турецкие фирмы участвуют в освоении нефтяных месторождений, переработке сырой нефти, сельскохозяйственного сырья, строительстве и модернизации объектов (курорта «Нальчик», аэропортового комплекса, малых ГЭС, торгового центра)⁹.

В сотрудничестве Турции с Дагестаном заметно выделяется строительный бизнес, где турецкие фирмы успели завоевать прочные позиции. Развивается и взаимная торговля. Основную позицию в экспорте Дагестана занимает торговая

группа «необработанные шкуры и кожа» – 63,5% от общей стоимости экспорта и «алюминий и изделия из него» – 25,0%¹⁰. Из Турции Дагестан импортирует хлебобулочное оборудование, сельхозтехнику, телевизоры, холодильники, мебель, строительные материалы, продукты неорганической химии, кондитерские изделия. По всей видимости, будут расширяться и перспективы экспорта дагестанской нефти. Дело в том, что Дагестан, как и другие прикаспийские государства, планирует дальнейшую разработку морских месторождений¹¹.

В 1997 г. среди стран дальнего зарубежья Турция занимала второе место в структуре экспорта Карачаево-Черкесской Республики. Экспорт КЧР в Турцию был представлен в основном продовольственными товарами и сельхозсырьем (9,6%), а также продукцией нефтехимического комплекса (2,8%)¹². Среди перспективных проектов в экспортных поставках следует отметить экспорт цемента, современной стеклотары. Сейчас в КЧР планируется строительство нового завода по выделке мехового сырья, овчин, кож. Это должно привлечь Турцию – крупнейшего импортера шкур крупного рогатого скота. В импорте из Турции преобладает продукция машиностроения, нефтехимического комплекса, продовольственные товары. Представители крупных предприятий Карачаево-Черкесии выразили готовность к сотрудничеству по поставкам из Турции офисного и других видов оборудования, запчастей к автомобилям.

Республика Адыгея экспортирует в Турцию станки, редукторы, мебель, картон, а также семена различных культур, продовольствие. Основную долю импорта республики из Турции составляет продукция машиностроения, товары народного потребления, черные металлы и изделия из них, нефтепродукты. В 2000 г. на территории республики было зарегистрировано семь российско-турецких предприятий¹³. Деятельность турецких инвесторов в Адыгее довольно активна и направлена прежде всего на строительство жилья и инфраструктурных объектов, развитие международного туризма, перевозок, производство косметических средств, лесо- и пиломатериалов, выделку шкур.

Основные виды продукции, экспортируемой в Турцию Республикой Северная Осетия-Алания – мрамор, невыделанные шкуры и кожи. Турция поставляет в республику продовольственные товары, оборудование. Турецких инвесторов прежде всего привлекает социальное инфраструктурное строительство (например, крупный спортивный комплекс «Алания»). Одним из перспективных проектов является строительство в Северной Осетии гидроэлектростанции, в котором турецкая сторона готова выступить инвестиционным партнером (по окончании строительства планируется экспортировать энергию в Турцию).

На территории Ингушетии активно действуют совместные турецко-ингушские предприятия. Турецкие строительные фирмы возводят жилье и другие инфраструктурные объекты (они, в частности, принимали активное участие в строительстве Магаса, названного «городом солнца»).

РОССИЯ И МИР В НОВОМ ВЕКЕ

Сотрудничество Турции с республиками Северного Кавказа характеризуется дефицитным характером их внешней торговли, который связан с относительно невысоким уровнем развития республиканских экономик, а также его снижением в результате ряда кризисов. Отсюда архаичная структура экспорта, в основе которой поставки необработанного сырья для кожевенной промышленности и некоторых видов минерального сырья. Хотя импорт более диверсифицирован, возможности его развития ограничены низким платежеспособным спросом. В результате высок удельный вес специфических поставок в рамках «челночной» торговли.

Объективные факторы, ограничивающие торговое сотрудничество сторон, определяют преимущественное значение либо субсидии федерального центра для реализации промышленных и инвестиционных проектов, либо финансовые вложения самих турецких фирм. Сравнительно редко, но все-таки осуществляются инвестиционные проекты (совместные предприятия), использующие технологический потенциал наиболее развитых республик и самой Турции. Чаще всего совместные предприятия связаны с освоением природных ресурсов республик или обеспечением местного населения массовыми услугами и потребительскими товарами.

Турецкая сторона активно сотрудничает не только с республиками, но и краями, областями Северного Кавказа.

Внешнеторговый оборот Ростовской области с Турцией в 2004 г. составил 504,8 млн. долл., в том числе экспорт – 452,3 млн. долл., импорт – 52,4 млн. долл.¹⁴ Основные товарные группы экспорта по итогам 2004 г. – лом и отходы черных металлов; жмыхи и отруби; каменный уголь; пшеница; семена подсолнечника; необработанные лесоматериалы; подсолнечное масло. Товарная структура импорта из Турции в 2004 г. была представлена следующими основными товарами: электрические провода и кабели; столовая и кухонная посуда; изделия из пластмасс; стиральные машины; галька, гравий, щебень; лаки и краски; изделия из черных металлов. На территории Ростовской области в 2004 г. зарегистрированы 44 совместных предприятия с участием турецкого капитала; основная сфера их деятельности – производство продуктов питания, телевизоров, радиоэлектроники, строительство¹⁵.

Общий товарооборот между Краснодарским краем и Турцией в 2000 г. составил 125 млн. долл.¹⁶ В товарной структуре экспорта в Турцию основное место занимали товары топливной и химической промышленности, продукция машиностроения. Эти отрасли составляли свыше 2/3 всего экспорта. Импорт был представлен в основном продовольствием и сырьем для его производства, машиностроительной продукцией, товарами широкого потребления (88%). По состоянию на конец 2000 г. было зарегистрировано 135 предприятий с участием турецкого капитала, основной сферой деятельности которых явились производство продуктов питания, товаров народного потребления.

Для Ставропольского края Турция является одним из основных внешне-экономических партнеров. В 2000 г. внешнеторговый оборот края с турецкой стороной составил 25,5 млн. долл.¹⁷ Основные статьи экспорта включают минеральные удобрения, отходы и лом черных металлов, полимеры, подсолнечное масло. Импорт представлен цитрусовыми, овощами, упаковочными материалами, машинами и оборудованием, изделиями текстильной промышленности и другими товарами. В 2002 г. на территории Ставропольского края было зарегистрировано 63 предприятия с участием турецкого капитала. Основным видом деятельности СП являлись: производство хлебобулочных изделий, товаров народного потребления, торговля, туризм, строительство.

Общие особенности развития экономических отношений Турции с Краснодарским, Ставропольским краями и Ростовской областью обусловлены их более высоким ресурсно-экономическим потенциалом. Поэтому они имеют более диверсифицированный экспорт, а торговый баланс сводится уже в пользу российских регионов. Кроме того, благодаря обоюдной заинтересованности сторон, осуществляется активная реализация двусторонних проектов.

Важным направлением экономического сотрудничества Турции с Республикой Татарстан является торговля. В структуре экспорта РТ наибольший удельный вес занимает продукция химической и нефтехимической промышленности. Наиболее перспективным направлением сотрудничества Татарстана и Турции выступает поставка татарстанской нефти на турецкие нефтеперерабатывающие заводы в рамках межправительственного соглашения. В 90-х – начале 2000-х годов Татарстан импортировал из Турции в основном легковые автомобили, оборудование, изделия из черных металлов, продукцию химической промышленности, продовольствие. Одним из важнейших направлений в структуре взаимоотношения сторон является инвестиционное сотрудничество. В 1999 г. объем инвестиций составил 226 тыс. долл.¹⁸. Сейчас в Татарстане работают более 70 совместных предприятий. Кроме того, на территории республики зарегистрировано около 20 представительств и филиалов турецких компаний. Основными сферами совместной деятельности являются: нефтехимическая промышленность (например, поставки продукции завода «Нижекамскнефтехим»), энергетика, кондитерская промышленность, производство лакокрасочных изделий, судов, искусственных гранитных отделочных материалов, строительство и реконструкция. Турецкие компании открыли в Татарстане большое количество магазинов розничной торговли, торговый центр «Рамстор».

Основное направление сотрудничества Турции с Республикой Башкортостан – торговля. В 2003 г. объем товарооборота составил 59,05 млн. долл., из них экспорт – 58,21 млн. долл., импорт – 0,846 млн. долл.¹⁹. Среди основных товарных статей экспорта РБ – нефтепродукты, химические продукты и каучук, пластмассы и изделия из нее, древесина, продукты неорганической химии, чер-

ные металлы. Импортировались главным образом оборудование, изделия из черных металлов, алюминия, древесины, пластмасс, строительные материалы, электрические машины.

На территории Башкортостана турецкие фирмы активно участвуют в инвестиционных проектах. По данным на 1 января 2002 г. там работало 63 предприятия с участием турецкого капитала, из них 35 – со 100%-ным иностранным капиталом (например, фирма «Клима»), 20 совместных предприятий, 8 филиалов и представительств²⁰. Перспективы сотрудничества с Турцией определились в области строительства, нефтехимии, деревообработки, кожевенной, чайной и табачной промышленности. Основная тенденция – создание мелких и средних производств, что для России также составляет одну из ключевых задач промышленного развития.

Таким образом, в конце 90-х – начале 2000-х годов сотрудничество Турции и субъектов РФ поднялось на определенный уровень. Этому благоприятствовали следующие факторы:

Турция в результате заметного развития экономики сформировала значительный экспортный потенциал, представленный, главным образом, потребительскими товарами и некоторыми видами оборудования для их производства. Она продолжает политику географической диверсификации экспорта, вовлекая во внешнеэкономическую деятельность новых партнеров.

В результате дальнейшего сотрудничества будут созданы предпосылки для развития производственной кооперации. При этом более высокий уровень научно-производственного потенциала отдельных субъектов РФ обеспечивает Турции возможности импорта или совместного производства высокотехнологичных товаров. Относительная географическая близость Турции и регионов России, этническое родство турок и отдельных народов РФ (карачаевцы, балкарцы, ногайцы, кумыки, татары, башкиры), схожесть ряда элементов культуры (язык, религия) также способствуют развитию отношений.

К факторам, ограничивающим возможности сотрудничества, относится неопределенность в вопросе о правовом статусе субъектов РФ в их внешнеэкономической и внешнеэкономической деятельности. Недостаточный уровень экономического развития республик Северного Кавказа обуславливает незначительную емкость их внутреннего рынка и препятствует реализации инвестиционных проектов. В свою очередь потенциал Турции недостаточен для поддержки экономической деятельности турецких фирм на территории субъектов РФ.

С точки зрения экономических и политических интересов России, развитие экономических связей Турции с субъектами РФ имеет свои позитивные и негативные стороны. Разумеется, внешнеэкономические связи регионов способствуют развитию их внутреннего потенциала на собственной основе. С позиций современной экономической географии – это основная цель региональной эко-

номической политики, нацеленной на устранение территориальных диспропорций. Одновременно полнее удовлетворяются импортные потребности регионов. К числу потенциально опасных тенденций следует отнести чрезмерное использование тюркско-мусульманского фактора в ходе экономического сотрудничества Турции с регионами. На нестабильном Северном Кавказе это способно стать катализатором дезинтеграционных процессов.

С учетом сказанного, весь комплекс экономических связей на региональном уровне нуждается в постоянном мониторинге местных и центральных властей с тем, чтобы стимулировать его положительную составляющую и не допускать развития нежелательных для России тенденций.

Примечания

1. Ульченко Н.Ю. Экономика Турции в условиях либерализации. – М., 2002. – С. 130.
2. Economic Report 2004. – С. 127.
3. www.worldbank/worlddevelopmentindicators.org/ru
4. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Федеральная служба государственной статистики. Официальное издание. – М., 2004.
5. Там же.
6. Федеральный закон Российской Федерации от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» был опубликован 18 декабря 2003 г. (вступил в силу с 18 мая 2004 г.).
7. Конституция Республик в составе РФ. Выпуск 1. – М., 1995. – С. 114; Конституция Карачаево-Черкесской Республики. – Черкесск, 1996. – С. 21.
8. Рассчитано по данным официального сайта Управления внешней торговли Турции www.dtm.gov.tr
9. По материалам постоянного представительства Кабардино-Балкарской Республики в Москве.
10. По материалам постоянного представительства Республики Дагестан в Москве.
11. Коптевский В.Н. Россия – Турция: Этапы торгово-экономического сотрудничества. – М., 2003. – С. 337.
12. Карачаево-Черкесская Республика в 1990–1997 гг. Статистический сборник. – Черкесск, 1998. – С. 298.
13. Коптевский В.Н. Указ. соч. – С. 338.
14. www.donland.ru
15. Там же.

16. Коптевский В.Н. Указ. соч. – С. 338.
17. Там же.
18. По материалам Департамента внешних связей Президента РФ.
19. www.bashkortostan.ru
20. По материалам отдела международного сотрудничества Министерства промышленности, внешних связей и торговли РБ.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

И.И.Глебова

НОВАЯ РУССКАЯ ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

**Глебова Ирина Игоревна – кандидат
исторических наук, доцент,
докторант ИНИОН РАН.**

В конце XX в. в России произошел новый социальный переворот. Пожалуй, его главное следствие – «расконвоирование» общества, индивидуализация жизни, формирование частного человека. Плата за это – уничтожение социальных табу, открытие и выход из «тени» (с социального дна) ранее асоциальных явлений и сил, обесценивание прошлых героев и авторитетов, всего строя жизни и способов ее обеспечения. Горбачёвско-ельцинское освобождение привело к распаду страны – не только государственной, территориальной целостности, но и социального единства, утрате ощущения общности. Почти не осталось всеми принятых и соблюдаемых норм общественно значимого поведения, ценностных стандартов, механизмов их поддержания.

С.Л. Франк в работе с символическим названием «Крушение кумиров» так характеризовал другой социальный переворот в России начала XX в.: «...общий итог этого крушения совпадает с итогом какого-то внутренне морального, личного, духовного переворота, совершавшегося в человеческой душе за последнее время, подготовлявшегося уже давно и совершенно независимо от каких-либо общественных событий» (1). Об этом со всей очевидностью свидетельствует и русская литература конца XIX – начала XX в. Наша современность тоже связана с подобным духовным переворотом, мало зависящим от общественно-политической «текучки», но оказывающим определяющее влияние на ход и перспективы русской политики. Вероятно, именно здесь следует искать причины стремительного перерождения процесса организации политической реальности на демократический лад в процесс складывания ее «авторитарно-корпоративной» противоположности. Русский опыт заставляет взглянуть на культурный аспект политики не как на фоновое явление, лишь отражающее нечто более глубокое и фундаментальное, но как на ту среду, где формируются идеи, ценности, образы, преобразующие политическое пространство. Сейчас еще не осмыслена вся глубина произошедшего переворота, не очевидны его последствия (в том числе для мира русской политики), но образ

постсоветского человека уже сформировался. Попытаюсь выделить те черты, которые более других определяют его политические ориентации и восприятие власти.

* * *

Едва ли не главным событием в жизни homo post-soveticus стало приобщение к массовой потребительской культуре. Оно имело характер вынужденный (наш человек был так же внезапно вброшен в «рынок», как когда-то в «социализм»), чрезвычайно стремительный (новая жизнь, как всегда у нас, наступила внезапно, застав всех врасплох), лавинообразный (рыночно-базарная реальность захватила и поглотила все и вся), а главное, чрезмерный. Уровень приобщения к «рынку», как и масскультуре, превышает необходимые потребности, возможности современного русского общества. Правда, это не ново для русского человека: здесь всегда мировоззренческая и житейская «перестройка», слом устойчивой картины мира приобретают несколько гипертрофированный характер.

Постсоветский человек, разочарованный в политике и социальных идеалах, отдался стихии потребления, иллюзии создания полноты жизни за счет насыщения материей (2). Он разбил вдребезги миф о «врожденной антибуржуазности» русско-советского человека, свел на нет все усилия власти (не только советской) по культивированию «не-обывателя», не-мещанина, изживанию «мелкобуржуазной психологии» в городе и деревне. 90-е годы стали свидетелями «восстания» (точнее, бунта) русского обывателя (подобное не удалось в 20-е – подавила Советская власть). Он восстал против властного диктата, принудительных образцов и табу, предписанных «сверху» интересов, мнений и оценок, назидательности и морализма, «диктатуры» высоких социальных идеалов, принципов, жизненных норм. «Избавление от навязанных стандартов, – отмечает Ю.А. Левада, – придает этому человеку ореол победителя, впервые в нашей истории дает ему легальное право утверждать свой уровень вкусов, наслаждаться ранее запретными для него плодами вроде примитивных ужасиков или эротического допинга» (3). Homo post-soveticus получил возможность развивать ту культуру, которая подавлялась в советском обществе, – «благополучия и комфорта, индивидуалистическую культуру личной жизни», над которой сиял «образ свободы (движения, перемещения, выезда, въезда, самовыражения, слова, инакомыслия, критики)» (4). У молодежи этот миф («американская мечта») наивно и пылко проявился в неудержимом стремлении к импортируемой поп-культуре, символами которой стали, помимо давно натурализовавшихся джинсов и рока, кроссовки «аидас», триллеры в литературе и кино, компьютерные игры и лудомания вообще (5).

Поэтому, хотя распад советского (как раньше дореволюционного) статусного и ценностного порядка и был поначалу воспринят как событие сродни апокалиптическому, 90-е годы прошли под знаком монополизации социального простран-

ства «маленьким человеком». Это время породило запрос на материализацию, упрощение (вплоть до примитивизации), аморализм, житейскую (а не социальную) «утопизацию», который рано или поздно удовлетворялся во всех жизненных сферах.

В наших условиях вторжение «нового массового человека» в область формирования социокультурных стандартов (и соответствующего производства) имеет следствием неконтролируемую и практически не ограниченную (устойчивыми, поддерживаемыми образцами «высокой культуры») примитивизацию вкусов. Прежде всего потому, что стандарты «высокой культуры» сейчас заказывают представители «новой массы». Это связано с обновлением в 90-е годы элиты, упрощением всех показателей «элитарности» (постсоветская элита «заквашена» на ширпотребе – западном и национальном), утратой «старой элитой» (и культурной, и политической) ее социально-цензурных возможностей. Эту неограниченность влияния массы традиционными, просветительскими рамками («при размытости, разложении, деформации социокультурной структуры общества») Ю.А. Левада назвал «доминантой «среднего вкуса». Как видно из данных социологических опросов, «культурные вкусы и запросы доступной исследованию, относительно многочисленной “социальной элиты” практически ...не отличаются от средних. Не видно позиций держателей “высокого” уровня. Показательно, что в сфере музыкальных интересов главным носителем массовой моды (эстрада, рок) оказываются “верхние” статусные группы» (6).

Подобная ситуация сложилась и на политическом поле. И здесь «верхи» определяют политическую моду, а политика, которую они делают, является производной массовых вкусов, запросов, представлений («ответом» на них, их интерпретацией, развивающими их в направлении «к среднему уровню» и ниже). Нечто подобное всегда происходит в России в результате вынужденного (властью, социальной ситуацией) «открытия элиты». Снятие «ограничений на доступ» связано не только с обновлением (вливанием «новой крови»), но и примитивизацией – вследствие почвенизации – верхнего социального слоя. Наиболее показательны в этом смысле примеры петровской и сталинской «элиты». Теперь – и постсоветской. Не случайно ее доминирующий тип – «человек ловкий». Вот как характеризует его Ю.А. Левада: «...каждое время, то есть каждая социальная ситуация “выбирает” – поддерживает, пестует, продвигает – подходящий для нее тип человека. Если на поверхности советской системы находился человек послушно-карьерный, то с ее распадом на переднем плане (в политической жизни, бизнесе, медиа, социально-научной сфере и около них) оказался человек ловкий, ориентированный на ближайший успех и не связанный ни ценностями, ни социально-групповыми рамками ответственности» (7). Со временем он обростает социальными связями, вязнет в карьерной процедуре, но это не отменяет его исходных качеств, которые и вынесли его наверх.

«Человек ловкий» не связан и прошлым – или в любой момент может от него отказаться во имя настоящего. Он способен «пользоваться переменной ситуацией с пользой для себя, менять взгляды и пристрастия применительно к текущей конъюнктуре» (8). Он – главное действующее лицо нашей эпохи, определяющее ее особый стиль: напор, цинизм, материалистичность, крайний эгоизм и асоциальность, антидемократический по существу жизненный уклад, отсутствие идеалов. «Новые русские» реалисты 90-х сосредоточены на личной пользе и личном интересе, поиске материальных благ. Они демонстрируют обществу притягательность материи, избыточность принципов, антигуманизм и прагматизм. И – при внешнем тяготении к западному миру – антизападничество (по существу, в культурном, ментальном отношениях).

Тем не менее в очень короткие сроки советскую культуру, которая была весьма и весьма «политизированной» (в специфическом смысле этого слова), вытеснила, заменила вестернизированной культурой повседневной жизни, «культура сугубо индивидуалистическая и находящаяся ниже уровня политической жизни» (9). Все политическое в общем-то чуждо среднестатистическому постсоветскому человеку. Показательно, что большинство граждан новой России не склонно рассматривать свое освобождение от коммунистической власти в качестве главного события конца XX в. Это демонстрируют их политические предпочтения. С середины 90-х годов значительно ухудшились оценки «большинством» свободы слова, многопартийных выборов, демократических институтов, сближения России с Западом; общественный дух определяет запрос на порядок, покой, «сильную руку» (10). Обесценивание освобождения (прежде всего, политического – как ядра «освобожденческой программы») вызвано несоответствием ожидаемых и реальных его результатов, угнетенностью жизненными сложностями и проблемами, возросшей индивидуальной ответственностью, которые оно с собой принесло. «Освобождение» стало очередным испытанием для нашего общества, за которое оно вынуждено расплачиваться. В то же время от самих свобод как социального приобретения («дара», который традиционно принимают, не отдавая) и элемента привычной жизни «большинство» как будто отказываться не собирается.

В 90-е годы произошло очень быстрое «обытовление» понятий и практики демократии – своего рода освобождение от гнета свободы как идеи, ценности, пользование которой накладывает определенные обязательства. Поощрение личной свободы и укрепление гражданских прав не пользуются в обществе особой поддержкой (11). Аналитики считают, что идеал свободы оказался неспособным стать единственным источником национального единства, основанием новой идентификации (12). Однако сам факт социального освобождения, отсутствие объективной необходимости в закреплении общества, применения к нему суровых механизмов принуждения свидетельствует об обновлении приро-

ды этого типа социума, эволюции власти. Государственное крепостничество перестало быть органично свойственно нашему обществу; теперь оно требует более сложных инструментов управления и развития.

Все это формирует принципиально новую социальную ситуацию – и для управляющих, и для управляемых. Сейчас уже не актуален вопрос о выработке властью мировоззрения и навязывании его обществу или создании «нового человека». Современные стратегии коммуникативного воздействия, социального управления не преодолевают человеческую природу, но эксплуатируют ее. Потребительская культура предполагает мягкое, ненасильственное овладение социумом; установление социальных связей по «горизонтали», а не вертикали. Поэтому современное российское массовое общество совсем иное, чем было советское. Особенно показательно, как трансформировалось в нем гражданское чувство. Его можно определить двумя формулами: прочитанной с обратным значением фразой из известной советской песни – «раньше думай о родине, а потом о себе»; словами таможенника Верещагина (из «Белого солнца пустыни») – «за державу обидно», понимаемыми как констатация и декларация, но никак не действие (13). Поддержку власти (большинством этого общества) уже нельзя оценивать с точки зрения подчинения «организованному насилию» или проявления «внутреннего рабства». Видимо, сама ситуация социальных перемен усилила ее восприятие (рациональное и иррациональное) в качестве одной из главных опор общества.

* * *

Вся русская история заставляла нашего «маленького человека» притерпеться к нужде, недостатку материального в своей жизни. Теперь он получил хотя бы иллюзию социального достатка, возможности для известного удовлетворения своих потребительских запросов. В этом тайна стабильности в обществе социального благополучия. Постсоветский человек абсолютно материалистичен, мотивирован прежде всего личным материальным интересом. Проблема достатка остается для него центральной. В этом смысле понятен материалистический («социально ориентированный») и стабилизационный запрос homo post-soveticus к власти (14), который она интерпретирует и использует по-своему. И здесь – главная опасность для современной власти. Ученые констатируют ее равнодушие к социальным вопросам равно как и к общенациональным интересам и проблеме определения стратегии развития общества (15). Хуже всего, что само общество это осознает: «Подданные не понимают, в чьих интересах она (власть – И.Г.) действует, высказывая подозрение, что национально-государственные интересы власть не слишком заботят; не принимает она в расчет и интересы граждан, кроме собственных интересов и прав» (16).

Современную демократию российские граждане, полностью переведенные властью на самообеспечение и самостоятельно отвечающие за свое выживание,

рассматривают с материалистической, потребительской точки зрения. В ходе одного из опросов общественного мнения в декабре 2003 г. 78% респондентов заявили: демократия – это фасад, прикрывающий власть, контролируемую богатыми и могущественными кланами; эти кланы приватизировали политику (17). Поэтому лишь 22% отдали предпочтение демократии, тогда как 53% заявили, что относятся к ней с явной неприязнью (18).

Демократия «по-русски» не обслуживает единственно понятную для простого человека цель – рост благосостояния народа. Она демонстрирует, что не в состоянии его обеспечить, и, более того, сама есть одна из главных причин социального обнищания. Усиление фона социального неблагополучия, скверного расположения духа граждан чревато если не взрывом, то нестабильностью. Для этого существует массовая база: наше «безразличное нищенство» (продукт распада советской социальной структуры и реформ 90-х) при определенных условиях может переродиться в «сердитое нищенство» (19), в маргиналов, способных поддержать убедительную альтернативу режиму, если та появится. Конечно, речь идет не о нищенстве в прямом смысле этого слова, а о хроническом «недопотреблении» большинства населения, «почвы» – при наличии публично заявленного и продвигаемого высокого потребительского стандарта, огромного разрыва в потребительских возможностях «верхов» и «низов» общества. Не случайно «всю середину и вторую половину 90-х годов население страны испытывало постоянный стыд и унижение, чувство несправедливости всего, что происходит вокруг, ощущение, что так дальше жить нельзя...» (20). В ходе опроса, результаты которого были опубликованы в январе 2004 г., 84% респондентов заявили, что «в сегодняшней России существует «чрезмерное и незаконное имущественное неравенство», причем большинство винило в распространении нищеты «несправедливый экономический строй» (21).

Способом компенсации, виртуального преодоления властью своей «асоциальности» является, как это ни парадоксально, ее идеологизация. Неидеологичность современной власти исследователи считают одним из определяющих ее качеств. Устойчиво мнение, что основой внутриэлитного противостояния «все меньше являются идеологические разногласия – столкновения происходят главным образом из-за доступа к ключевым ресурсам» (22). Это, конечно, так. Однако в условиях падения престижа власти (и элиты) идеология становится значимым основанием ее общественной легитимации. Доминирующая идеологическая модель строится в соответствии с массовым социальным запросом: известно, что на президентских выборах 2000 г. 65% голосовавших за В. Путина, 62% – за Г. Явлинского и 45% – за Г. Зюганова поддерживали идею «особого пути» развития России (23).

В чем смысл этой «самобытности»? Еще в 1996 г., во время предвыборной гонки, исследователи отмечали: «Идеи державности и церковно-православных

корней используются одинаково интенсивно обеими сторонами» – властью и коммунистами как главной оппозиционной силой (24). Г.Г. Дилигенский связывал повышение престижа «национальных» ценностей с эволюцией российского политического класса. «Правящий бизнес – бюрократический слой», указывал он, заинтересован «прежде всего в укреплении своей власти, в политическом и социально-экономическом status quo». Бюрократии «не нужны ни реставрация старых порядков, ни продолжение модернизации; единственным идеологическим символом, соответствующим ее интересам, является контролируемое ею Государство. Примат Государства, существующего прежде всего ради самого себя и в интересах чиновников, зависимого от них и обогащающего их бизнес, удобнее всего легитимировать “национальными интересами” и “национальной идеей”. Отсюда этатистско-националистический дрейф элит, широкое использование ими соответствующих идеологических символов» (25).

То, что значительная часть интеллигенции (и «старой», и «новой русской») в 90-е годы переключилась на «спасительную» национальную идею, само по себе заставляет ее выступать за компромисс с властью. В этой ситуации власть занимает наиболее выигрышную позицию, синтезируя идеи западников и почвенников и выступая с идеологией «демократической (обновляющейся) Святой Руси». Таким образом она создает для себя «зону диалога» (большей частью виртуального, но и реального) с обществом – тем самым обществом, где по-прежнему нет почвы для утверждения идей и практики терпимости и социального компромисса. Но есть потребность – в условиях стабилизации после социального взрыва конца 80-х – начала 90-х годов – в общесоциальной (державно-почвенной) консолидации, поддержании так необходимого русским ощущения «мы-реализации».

Идеология «национального достоинства» дает власти возможность отодвинуть на периферию информационного пространства (и общественного сознания) социальную проблематику. Современное «сословие управляющих» не отягощено идеей борьбы с бедностью (при том, что в 2004 г. это было одним из главных лозунгов предвыборной компании «единороссов»), созданием системы мер «по выживанию» и «профилактике обеднения». Своеобразие нашей ситуации заключается, однако, в том, что материализация жизни, победа в ней частного начала, потребительски-бытовая виртуализация всего (начиная с интимной жизни, личных отношений и заканчивая религией, верой, осмыслением бытия) дают в руки власти новые социальные рычаги. Это само по себе представляет мощный социальный клапан: сюда оттягивается социальная энергия; здесь, в потребительской «гонке», перерабатывается социальное недовольство.

В данной ситуации власти нужно только подтверждать (в медийном пространстве, за счет информационно-технологических и символических средств) свою традиционную роль социального регулятора и интегратора, время от вре-

мени проводить акции по подобию «народной расправы» («показательный процесс» над ЮКОСом, дело «оборотней в погонах»), а также организовывать общенародную мобилизацию с целью собственной поддержки (выборы). И такая технология срabатывает: не веря государству и его уполномоченным, постсоветский массовый человек все-таки надеется, что это (всегда подводившее его) государство будет развивать экономику, удовлетворит элементарные нужды населения, установит порядок и укрепит позиции страны в мире.

* * *

Господство масскульта на российских пространствах имеет далеко идущие последствия. Формируется совершенно новая «среда обитания», но при этом усиливаются прежние тенденции, противоречия, расколы. Масскульт обслуживает естественную тягу к приватности, окончательно оформляет постсоветскую «домашнюю культуру» замкнутой, частной жизни. Его назначение – организация досуга, заполнение свободного времени (но не культивирование ценности труда, воспринимаемого – особенно у нас – как условие потребления, тяжелая нагрузка к потребительскому раю). При своей кажущейся непубличности масскульт – «культура известного», само существование которой обеспечено массовым публичным информационным пространством. Это культура удовольствия, яркая, зрелищная, игровая, развлекательная, формирующая фантазийный мир бытового благополучия и личного счастья. То, что она «наложилась» на традиционный русский «культ страдания» (26), придает ей особое напряжение. Массштабы ее проникновения в традиционно бедный русский мир поражают.

В нашей стране утвердилось не только «попсовое сознание», но и «глянцевое мировоззрение» (определение А. Кончаловского). Поразительно, но факт: гламурный «Cosmopolitan» выходит в России миллионным тиражом, культивируя миф о красивой жизни. Глянцевые журналы (у нас сейчас более сотни таких многотиражных изданий), манящие «картинки», «сериальная действительность» (большинство отечественных сериалов представляют богатых, обеспеченных людей или тех, материальная «недостаточность» которых «работает» на их «высокий моральный облик») способствуют не столько эстетизации, сколько дальнейшей утопизации массового сознания. Они формируют рядом с тягостной реальностью чудесный мир «dolce vita», переживаемый вполне реалистически. Для постсоветского человека характерна потребительская ненасытность; новизна и неутоленность потребления сплошь и рядом делают его некритическим, демонстративным покупателем.

Вместе с тем неоднозначное отношение общества к миру потребления вызвано появлением огромного зазора между высоким уровнем потребительских запросов и крайне низким уровнем потребительских возможностей. И здесь мы выходим на один из главных вопросов нашей современности – как устраивает-

ся, упорядочивается общество после потрясений конца 80–90-х годов. Сейчас можно утверждать: основополагающий критерий социальной стратификации–иерархизации и статусной самоидентификации – уровень личных доходов и тип (объем и качество) личного потребления. Это совсем не новость в русской практике. Так было даже в период аскезы первых пятилеток. «Значимые социальные иерархии в СССР эпохи 1930-х гг. основывались не на производстве, а на потреблении» (27), – пишет Ш. Фицпатрик.

По мере старения советского общества социальный статус в реальной жизни все теснее оказывался связан с большим или меньшим доступом к жизненным благам. Тип потребления во многом определялся двумя моментами. Во-первых, «...по ключевым показателям уровня жизни СССР за тридцатилетний послевоенный период заметно приблизился к представителям “сытой” цивилизации, что спровоцировало пересмотр действующей системы ценностей с учетом иных потребительских стандартов, принятых на Западе» (28). Во-вторых, «советское хозяйство было ориентировано не на рентабельность, а на массовое общедоступное потребление... Накануне перестройки (и эта ситуация была устойчивой все предшествующие годы) потребительский минимум советского человека сохранял свою доступность по ценам» (29). Причина – целенаправленная политика государства как распределителя товаров, источника жизненных благ. Поэтому главными в советской системе были отношения социальных слоев с государством, а не друг с другом. При значительном социальном расслоении, особом материальном и социальном положении «верхов» «...разница в доходах между самыми богатыми и самыми бедными укладывалась в пределы, признаваемые специалистами достаточными для поддержания социального мира» (30).

Разрушение сложившейся в советском обществе системы распределения социальных благ, переход граждан на самообеспечение неизмеримо усугубили разрыв социума по «потребительской линии», по уровню материального благосостояния. Он, по моему мнению, есть внешнее проявление нового социокультурного раскола – на субкультуры «меньшинства» (условно – «нефтегазовую») и «большинства», «почвы» (условно – «резервации»). В эпоху перемен потребительский максимум получили те, кому удалось приватизировать доступ к основным источникам сверхдоходов. Все усилия современного государства в этих условиях направлены на то, чтобы установить контроль над распределением вещественной субстанции, а значит, основных социальных благ, т.е. регулировать «сверхпотребление», одновременно становясь его участником. Этому служат масштабные «госпокупки» приватизированной в 90-е годы собственности, «огосударствление» природных монополий, в результате чего отечественная экономика (внешне) все больше превращается в вотчину чиновников (31).

Пожалуй, еще более отчетливо структура социокультурного раскола обозначилась в нематериальной сфере потребления. В таких областях, как досуг,

отношение к свободному времени, культурно-информационное взаимодействие с «внешним», в первую очередь, западным миром, дифференциация по имущественно-потребительскому принципу проявляется ярче всего. По социологическим данным, «у тех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы, заметно сужены возможности использования развлекательных, рекреационных, развивающих компонентов отдыха и досуга» (причем, посещение дискотек, кафе, ресторанов, клубов, использование компьютера, возможности занятий спортом – а это и есть «активный» постсоветский досуг «вне дома» – год от года становится для «резервации» все более недоступным) (32).

Если обратиться к цифрам, то оказывается, что две трети россиян (65,5%) ограничивают сейчас свою жизнь преимущественно «домашними формами проведения свободного времени» (будь то общедоступные телевизор, ничегонеделание, семейные хлопоты или «более продвинутый» домашний досуг с «развивающим компонентом» – компьютер, самообразование, хобби, общение) (33). Практиковать «активный досуг» может себе позволить около 30% населения (34). И именно на них, как показывают исследования, ориентируется «большинство»: «подавляющая часть населения имеет четкое представление о желаемом стиле жизни» (оно отсутствует только у каждого десятого опрошенного россиянина), «поскольку их духовные интересы, предпочтения строго укладываются в рамки, задаваемые определенной моделью, будь то обыденный или интеллектуальный духовный запрос» (35). Пропаганда роскоши формирует структуру воображаемых потребностей, которые так хочется утолить в реальной жизни – особенно молодым.

Очень похожая ситуация сложилась в области «внешних» контактов (а значит, и восприятия «чужого» опыта, его влияния на русскую жизнь). Непосредственные личные, живые впечатления европейской жизни доступны лишь менее 10% россиян (36). Скажем, выставки и концерты «с Запада» посещают сейчас не более 6,5% населения (37). «Почвенные» знания о Европе – это знания на уровне «экранной картинки», TV-образа (38). До одного человека из пяти доходит опосредованная информация – о поездках знакомых, имеющая в основном бытовой характер (39). Четверть россиян вообще пребывает вне европейских влияний – они просто не доходят (40). В 2003 г. только 3–4% респондентов выезжали в европейские страны, 5–9% побывали на «культурных мероприятиях», 4–6% пользовались «культурно-познавательной» информацией через Интернет (у группы ИТР эта цифра многократно выше; у «работников торговли и услуг» – самая низкая, сравнимая с «жителями села»).

По уровню «потребления Запада», качеству культурно-информационного взаимодействия с Европой исследователи выделяют в современной России следующие социальные типы: «осведомленные» – лидируют по интенсивности непосредственных, личных контактов, чтения западной литературы, приобщения

к мировой культурной жизни (выставки, концерты), интернет-активности; «интересующиеся»; «отстраненные», представляющие «наиболее обездоленные» социальные слои (41). Соотношение этих социокультурных типов с социально-профессиональными группами (выделенными, скорее, формально) представляется недостаточно убедительным. Однако внимания заслуживает следующая пропорция, определяющая в количественном отношении ведущие типы потребителей Запада и западного в российском социуме: 15:25:60 (42). Эта стратификация, в общем-то, очень точно воспроизводит структуру социокультурного раскола современного общества: «верхи» с обеспечивающей их прослойкой, верхний срез «почвы» и, наконец, собственно «почва» (социальное ядро).

Номо post-soveticus – во многом продукт современных массмедиа. Они ежедневно поставляют ту информацию, которая формирует, изменяет, определяет его образ жизни. В бурные 90-е годы СМИ создавали иллюзию утверждения публичной политики; и вот теперь, в «эпоху Порядка», она публична ровно настолько, насколько представлена СМИ. Именно в медиа-среде сейчас моделируется то большинство, которое определяет реальную жизнь – в том числе политическую. Еще при оценке результатов выборов 1996 г. исследователями было сделано предположение: «...представления о “локальном” большинстве заметно слабее “давят” на воображение избирателей, чем мнения относительно общенационального большинства. Избиратели равняются скорее на воображаемое большинство населения, чем на непосредственно известные им настроения жителей своего поселения» (43). Эту гипотезу подтверждает другая, выдвинутая уже в 1999 г.: «...источником мнений о положении “большинства в стране”, очевидно, служат сообщения СМИ, тогда как мнения о собственном положении опираются на непосредственный опыт человека» (44).

Эффект «гипервливания массовой телекультуры» (Ю.А. Левада) связан с тем, что современное TV является главным инструментом создания у населения ощущения целостности страны, чувства общности. СМИ вызывают не только иллюзию сопричастности, но и участия. XX век вместе с феноменом СМИ породил новый тип социальной активности – зрительское участие (45). В наших условиях именно TV позволяет ему реализоваться в полной мере, переводя в «домашний формат» недоступные непосредственному восприятию «маленького человека» явления «большого мира». Статус «зрителя» (потребителя, пользователя информации) предполагает виртуализацию участия. Это компенсирует реальность неучастия (в политике, решении социальных вопросов) и, вообще, делает непосредственное участие не обязательным. Данный феномен крайне важен для политических процессов: усиливается критический, негативный фон отношения к политике и политикам, но в зрительском переживании нередко исчерпывается потенциал перерастания пассивного протеста в активные формы гражданской самоорганизации для отстаивания общих, групповых интересов.

Телереальность (в той же мере, что интернет-реальность и печатное слово) есть и модель, слепок действительности. Они отражают произошедшую в 90-е годы метаморфозу, которая определила homo post-soveticus. Раскрепощение советского человека, приобщение «освобожденного» послесоветского общества к масскульту произошли по сценарию «раскультивования». В ситуации мгновенной утраты жизненных координат и ориентиров, скрепляющих различные образы действительности, свободы от нравственных ограничений, от партии-власти как «всесоюзного педагога» (это определение М. Горького, данное «партии в лице ее ЦК», очень подходит лично М.С. Горбачеву) человек массы очень быстро утратил тонкую оболочку цивилизованности. Наружу вырвались ранее подавлявшиеся инстинкты, ничем и никем не сдерживаемое естество. Поэтому в массе такие «человеки» составили нечто, мало похожее на современное западное открытое общество.

Парадокс ситуации заключается в том, что бесконтрольность, снятие всяких табу, расширение сферы принятия личных решений чрезмерно, не органично обществу (и верхам, и низам). Видимо, этот тип социальности не может существовать по принципам западного «открытого общества»; требует некоей системы ограничений, наложенных «сверху». И не только правовых, насильственных, но социокультурных, морально-нравственных. Здесь уместно вспомнить одну историографическую схему. Ю.М. Лотман выделял два типа культур и характеризовал их так: одни «рассматривают себя как определенную сумму прецедентов, употреблений, текстов, другие – как совокупность норм и правил. В первом случае правильно то, что существует, во втором – существует то, что правильно». «В первом случае предписания имеют характер разрешений, во втором – запретов» (46). Следует отдавать себе отчет в том, что такое деление достаточно условно: в рамках каждой национальной культуры можно обнаружить признаки и того и другого культурного типа; культуру «нормативов» и «запретов» было бы упрощением напрямую связывать с «тоталитарным» политическим режимом. Тем не менее очевидно: русская культура (в том числе, политическая) тяготеет к первому типу, описанному Ю.М. Лотманом, что проявляется в разные моменты русской истории, в различных социальных областях. В политике это связано с возрождением (в том или ином варианте) «авторитарной» организации общества, «самодержавной» политической культуры.

Данный культурный тип требует четко очерченных, устойчивых нормативов, социальных образцов – всего того, что формирует «правильный» образ социума (47). В эпоху массового общества роль социального регулятора выполняет масскульт с его сильной и влиятельной информационно-коммуникативной составляющей. Он не только развлекает, дает «отдохновение от жизни», но – без тотального диктата и насилия – устанавливает «правильный» образ частной жизни, предлагая (достаточно ограниченный) набор вариантов самореализации, жизненного устройства.

* * *

В современных условиях речь уже не идет о тотальном контроле властью социума (прежде всего, посредством системы норм, табу, санкций). У самой власти нет ни необходимости, ни возможностей такого контроля. Она занята решением конкретных задач: самообеспечения, создания для себя льготных условий частнопредпринимательской деятельности, соучастием и контролем за постоянно идущим (и в форме вялотекущего процесса, и в форме «войны») «переделом». Для этого ей уже не нужно все общество: нет необходимости в закреплении труда (сверху до низу социальной лестницы), бюрократической регламентации жизни (всех ее проявлений, на всех социальных уровнях). Кроме того, ее ресурсы социального управления, насилия крайне ограничены. Да и само общество так отреагировало на изменения 90-х, что власть уже не в силах его полностью подчинить, подавить. «В новых социально-экономических координатах все экономические субъекты, в том числе население, нашли себе собственную «нишу» и выработали адаптационные схемы поведения, которые не поддаются контролю» (48). Не только власть «ушла» от общества, замкнувшись в себе, но и общество теперь меньше нуждается во власти. Их отношения можно характеризовать как взаимное отчуждение и безразличие.

Однако современность требует от власти и общества взаимодействия. Демократической власти, как и всякой другой, необходимы лояльный электорат и отсутствие социальных потрясений. Общество же ищет во власти силы, стабильности, помощи. В 90-е годы социологи неоднократно отмечали в качестве доминирующей социальной установки «равнение на середину»: «около двух третей населения – безотносительно к чинам, рангам и доходам – привычно, упорно, настойчиво относят себя к некой «середине» (49). Это не только и не столько желание «быть с большинством» и поступать «как все», но и боязнь «высовываться». Так безопаснее и безответственнее. Поскольку «среднее» представляется «нормальным», то для нарушителей этой нормы должны быть предписаны санкции. В нашем обществе массовый характер приобрело стремление «окоротить» «выделившихся», «зарвавшихся». Они не рассматриваются в качестве «лучших» («элиты»), а социальный фон не определяет желание им подражать (быть как они) (50). Жесткие условия существования, необходимость выживать в одиночку, социальная, правовая, физическая незащищенность homo post-soveticus придают этому стремлению напряжение социального запроса. «Окоротить» отклонившихся от «нормы» (в ту или иную сторону) призвана «верховная власть» – это ее традиционная функция в русском обществе.

Современные ожидания от власти, сконцентрированные в ее идеальном образе, следует, по-видимому, интерпретировать так: она должна установить некие (самые общие), относительно справедливые «правила игры», выступить в

роли субъекта (и орудия) «правдосудия». Это одно из оснований ее существования в представлениях русского социума. Для того чтобы соответствовать своему назначению, власть должна пойти на самоограничение, даже самоотвержение – стать справедливой, соответствовать народным представлениям о морали (51). Одновременно такая власть гарантирует целостность социума, обеспечивает ему «иммунитет» от потрясений.

И здесь объяснение ее, казалось бы, совсем не современной и не органичной «смычки» с церковью. Именно православие традиционно ассоциируется с историческими корнями; это то, что в течение столетий творило русский социум. Внешняя «воспитательная» функция здесь принадлежала власти и церкви (или властецеркви). Это и сейчас делает неразрывным их союз. Очень показательно отношение россиян к официальной церкви: 65% населения (среди них – значительная часть неверующих) «признают в той или иной мере авторитет церкви в социальных и моральных вопросах и, очевидно, хотели бы прислушиваться к ее голосу. Особенно велика потребность в том, чтобы религиозно-нравственные начала воздействовали на реальную, далекую от морали деятельность светских политиков. Не случайно во всех опросах религиозные организации по степени доверия занимали одно из лидирующих мест» (52). Кажется, что этим данным противоречат другие свидетельства: в 2001 г. (в ходе исследования «Новая Россия: 10 лет реформ глазами россиян»), отвечая на вопрос, «Какая идея сегодня могла бы вдохновить людей, сплотить их для общих целей?», опрошенные на последнее место в списке поместили «очищение общества через православную веру» (53).

Этот факт только выглядит неожиданным. И «разгадка» его, как представляется, совсем не в том, что большинство сограждан хотели бы ограничить деятельность религиозных организаций сферами морали и нравственности, как принято в секуляристских обществах (54). Свой частный мир очень немногие готовы оценивать по морально-этической шкале, а уж тем более – «открыть» его для нравственного, культурного «досмотра» и регулирования. Данные того же исследования дают основания полагать: в оценках и поведенческих установках россиян в конкретных жизненных ситуациях (равно как и в отношениях с государством) сузилась роль моральных ориентаций и ограничителей (55). При выборе между совестью и материальным благополучием 65,4% опрошенных отдадут предпочтение совести. Остальные 34,6% признают: для выживания и преуспевания в современном мире «необходимо драться за свое место в нем, а то и переступить через некоторые нормы морали» (56).

Очевидно, что право борьбы за общественную мораль общество, не слишком склонное ограничивать себя моральными нормами в частной жизни и вообще не нуждающееся в определенном мировоззрении, «делегирует» власти, «освященной» церковью. Значение государственного дела, защиты государствен-

ных интересов обретают охрана устоев, исторических корней, поддержание «горделивой» национальной самоидентификации. Власть и церковь объединяются в деятельности по военно-патриотическому и нравственному воспитанию «трудящихся» вообще и молодежи в особенности. При этом нередко творится эрзац-реальность, примиряющая с жизнью; более того, образы, мифы, истории переходят в действительность, преобразуя ее. В «области искусства» державно-православную интонацию раньше других почувствовал и передал Н. Михалков, один из главных создателей «нового русского Голливуда» – структуры, производящей потребительскую реальность, превращающей ее из виртуального продукта в повседневную практику.

* * *

Все это – совсем в русско-советских традициях. И в то же время – органично потребительской эпохе. Современная власть, акцентирующая свою связь – преемственность с историческими типами власти царской и советской, является порождением этой эпохи. Она – разновидность товара, «пакуемая» и продвигаемая в соответствии с запросами, вкусами, представлениями «целевых аудиторий», законами и технологиями масскульта. Она естественно «вписалась» в потребительскую, масскультурную реальность. Власть (в определенном смысле) порабощена ею, и в то же время использует ее в своих интересах, обнаружив в ней новые инструменты собственного продвижения и оказания социального влияния. Еще в 1997 г., во время празднования 850-летия Москвы, наблюдатели отмечали: «Архитекторы и постановщики массовых зрелищ одержали полную победу над публицистами и аналитиками... Над потрясенной пышностью и размахом праздника Москвой зазвонили колокола, вспыхнула реклама банка Менатеп и “Самсунг электроникс”, и стало ясно: общество потребления наступило, и это православное, державное, русское общество потребления. Заветная идея, призванная объединить нацию, наконец, найдена» (57).

Русская власть эпохи потребления демонстрационна по существу; публичные ритуалы, символы суть способы ее самовыражения, демонстрации могущества и влияния. Они отражают ее природу, ее материалистические, потребительские интересы. «Не вызывает сомнения, – указывает А.В. Захаров, – что помимо всех прочих – историко-мемориальных, воспитательных, художественных, развлекательных – задач, состоявшееся в 1997 г. празднование 850-летия Москвы призвано было обеспечить новой российской элите подтверждение ее прав на обретенную власть и богатство, на свободу выражения ее своеобразных вкуса и стиля жизни, с некоторых пор открыто предлагаемых для всенародного употребления» (58). Той же задаче легитимации постсоветской власти, представляющей и защищающей интересы «элиты» (как коллективного целого), подработке ею «под себя» общества, нагнетания в обществе потребительских реа-

лий и иллюзий, служат юбилейные торжества к 60-летию Победы, а также попытки огосударствления христианских праздников, ставших центральными датами современного светского календаря – Рождества и Пасхи. Символическое значение имеет в этом смысле 2005 год, когда Победа и Пасха практически совпали, а их празднование стало квинтэссенцией «нового русского» mixt. Православная Пасха особенно запомнилась ночным зрелищем (лазерным шоу) на фоне «новодельного» храма Христа Спасителя, символа «новой русской» церкви. Азарт «карнавала», энергетика майских торжеств захватили, видимо, и РПЦ. Это еще одно подтверждение зависимости церкви от потребительской системы, эксплуатации ею массовых предпочтений, вкусов, символов (59).

В том же иллюзорно-развлекательном ключе нередко «подаются» населению гражданские свободы и демократические ценности: как что-то не очень важное – и совсем не обязательное для усвоения и следования в повседневной жизни. Зато со всей серьезностью преподносятся державная риторика, образы, символы. Когда-то Э. Морен, воображая «русскую новь» (т.е. будущее после СССР), предполагал: она не должна быть «чистой и простой калькой западной модели», но, напротив, могла бы вобрать в себя «прошлое самобытной русской православной цивилизации, не давая, однако, этому прошлому поглотить себя» (60). Теперь власть и «элиты» по образцу воображаемого прошлого пытаются моделировать настоящее и будущее, вовлекая в «гиперреальность» население. Последнее практически не сопротивляется. А причину назвал тот же Э. Морен, анализируя наше (советское) прошлое: «Русский народ... глубокими корнями неразрывно связан со своей русской отчиной. И Партия/Государство держит его за эту пуповину. Партия/Государство разделяет самосознание этого народа, который она считает своим, относясь к нему, тем не менее, как к завоеванному народу. По той же причине этот народ перед лицом остального мира, перед лицом грядущих изменений, относительно или абсолютно, временно или постоянно, считает это Государство своим Государством... Этот народ, который своей американской мечтой сопротивляется Партии/Государству, одновременно своим русским самосознанием сотрудничает с ним» (61).

В новых исторических условиях и американская мечта, и русское самосознание стали «полем сотрудничества» власти и народа. Социальность, в которой действует закон равнения на «самого среднего», где «ирреальную реальность» социализма сменил воображаемый «потребительский рай», очень соответствует природе постсоветского человека. Она позволила – тем, кого всегда пытались задавить тяжелой работой и возвысить (религией, идеей) до идеала «народа-богоносца» – наконец, упростить до предела мир вокруг. В таком упрощенном мире без труда правит постсоветская власть.

Примечания

1. Франк С.Л. Крушение кумиров // Русская идея. – М., 1994. – Т. 1. – С. 164.

2. По данным социологов, «если в первые годы реформ две трети населения России отдавали приоритет ценности свободы, то с 1996 г. более половины населения страны стали оценивать материальное благосостояние значительно выше... Аналогичным образом поменялись местами ценность интересной, творчески содержательной работы с ценностью величины оплаты за нее» (Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. – М., 2004. – С. 163). Невольно вспоминается знаменитое mot Андрея Белого: «Материализм победил, но материя исчезла». Так классик русского символизма «приветствовал» победу социализма в Отечестве. Мы переиначим: материализм проиграл, но материя появилась.

3. Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993–2000. – М., 2000. – С. 319. По мнению Г.Г. Дилигенского, «единственная ценность, которая получила действительно активный и позитивный отклик в массовом сознании, – это свобода, воспринимаемая как альтернатива коммунистическому диктату и тотальной регламентации» (Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Материалы. – М., 2002. – Вып. 24. – С. 47). Ю.А. Левада указывал, что постсоветский обыватель не просто взбунтовался против назидательности, но вернулся к простейшим назидательным образцам, только не социально-утопическим, а обывательским. При этом «место жестких предписаний заняли менее определенные и подверженные сомнениям рамки “допустимого”, “терпимого”, “желаемого”» и т.п. (Указ. соч. – С. 319–320).

4. Морен Э. О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя. – М., 1995. – С. 116.

5. Как писал В. Булдаков, в начале 90-х «молодежи прошлое казалось “проклятым” не потому, что в нем присутствовал ГУЛАГ, а из-за отсутствия рок-культуры; будущее же казалось светлым в силу ожидаемого обилия пива» (Системные кризисы в России: Сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // Acta Slavica Japonica. – 2005. – Т. 22. – Р. 106).

6. Левада Ю. Указ. соч. – С. 316–318.

7. Там же. – С. 274.

8. Там же. – С. 512.

9. Цит. по: Морен Э. Указ. соч. – С. 154.

10. Левада Ю. Указ. соч. – С. 242, 440, 547; Изменяющаяся Россия... С. 164.

11. Вот что писал об этом Г.Г. Дилигенский: «...постсоциалистический беспредел сделал для массового сознания весьма проблематичной конкретную практику свободы, ее допустимые пределы, соотношение с порядком и социальной ответственностью» (Россия в условиях трансформации... С. 47). Этот «беспредел» разделил, «развел» в представлениях нашего обывателя порядок и демократию, социальные гарантии и гражданские свободы.

12. Пайпс Р. Бегство от свободы: что думают и чего хотят россияне. 1 июня 2004 // <http://www.inosmi.tu/print/210029/html>.

13. Этим объясняется крайне низкий рейтинг патриотизма в российском обществе: в 1998 г. наиболее важной для себя ценностью его назвали 10,5% опрошенных; в 1999 г. только 16% включили его в число лозунгов той партии или политики, за которые они стали бы голосовать на выборах» (Россия в условиях трансформаций... С. 53). По данным социологических опросов, «сегодня в иерархии наиболее ценимых качеств в людях активность и инициативность не тождественны готовности к участию в решении общих дел, а чувство долга – ответственности за то, что происходит в стране» (Изменяющаяся Россия... С. 90–91). Российские исследователи видят в такой трансформации гражданского чувства, в снижении уровня политической активности и участия свидетельство того, что Россия постепенно становится «современным обществом» (там же). Мне представляется, что главная причина – в другом: гражданское участие и активность не сулят карьерных или материальных перспектив. Как только ситуация начнет меняться, социальная энергия вернется (хотя бы отчасти) в привычное, проторенное государством русло. Опыт партии власти и молодежных провластных движений подтверждает это предположение.

14. Простой постсоветский человек надеется на гарантированный государством минимальный доход, считает важнейшими правами человека «право на государственное обеспечение, на гарантированные государством прожиточный минимум и трудоустройство». Скромные гарантии и невысокие доходы он предпочитает хорошо оплачиваемой, но напряженной работе или риску ведения собственного дела (См.: Левада Ю.А. Указ. соч. – С. 443, 535). Таков, в его представлении, идеал «порядка».

15. См., например: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М., 1998. – С. 377–378. Более того, Г.Г. Дилигенский полагал, что именно бюрократический класс «вместе с привилегированным, «прислонившимся к власти» бизнесом создает мощные очаги сопротивления либеральным реформам» (Россия в условиях трансформаций... С. 74).

16. Шестопал Е.Б. Образ власти в России: Желания и реальность (Политико-психологический анализ) // Полис. – М., 1995. – № 4. – С. 90.

17. Пайпс Р. Указ. соч. – С. 3.

18. Там же.

19. Этим термином Г.И. Успенский определял продукт распада пореформенной деревни (Избр. соч. – М.–Л., 1949. – С. 411–412). Вслед за русским крестьянином конца XIX в., горожанин конца XX в. не вынес «удара рубля» и нищенство превратилось в распространенное социальное явление. Правда, в пореформенное время в русской журналистике, литературе утвердилась мода на озабоченность «унижением мужика», апологию пролетариата, романтизацию «босячества» (в противовес городскому мещанству). Сейчас ничего подобного не происходит.

20. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии... С. 30.

21. Пайпс Р. Указ. соч. – С. 3–4.
22. Гаман-Голутвина О.В. Указ. соч. – С. 375.
23. Левада Ю. Указ. соч. – С. 546.
24. Там же. – С. 91.
25. Дилигенский Г.Г. «Запад» в российском общественном сознании // Россия в условиях трансформаций... С. 61.
26. См. об этом: Рис Н. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. – М., 2005. – С. 158–217. Автор называет «литании» («жанр страдания») одним из самых распространенных в «позднем» СССР дискурсивных жанров. Он, «служа гражданам для оплакивания своего бессилия и устранимости из политического процесса, возможно, сам способствует сохранению такого положения» (Указ. соч. – С. 159). По предположению Ш. Фицпатрик, лелеяние советскими гражданами чувства зависимости и бессилия, стремление уверить власти в своей полной беспомощности есть одна из стратегий самозащиты (Фицпатрик Ш. Указ. соч. – С. 261).
27. Фицпатрик Ш. Указ. соч. – С. 21.
28. Маслов Д.В. Указ. соч. – С. 123.
29. Там же. – С. 109.
30. Там же. – С. 115.
31. См. об этом: Иноземцев В. Частные долги «огосударственной» экономики // Профиль. – М., 2005. – № 29. 15 авг. – С. 38.
32. Изменяющаяся Россия... С. 145, 147.
33. Там же. – С. 147–148. В действительности указанная цифра должна быть выше (скорее всего, значительно), так как авторы предлагают явно заниженные исходные показатели: «душевой доход» 2000 руб. на члена семьи в месяц в 2001 г. и 3000 руб. в 2003 г. считают тем «пороговым значением, которое позволяет постепенно расширять спектр социальных связей, контактов, социального участия» (там же, с. 152).
34. Там же. – С. 149.
35. Там же. – С. 154.
36. Там же. – С. 208–220.
37. Там же. – С. 211.
38. Там же. – С. 211, 116.
39. Там же. – С. 211.
40. Там же. – С. 220.
41. Там же. – С. 216–218.
42. Там же. – С. 219–220.
43. Левада Ю. Указ. соч. – С. 263.
44. Там же. – С. 486.
45. Там же. – С. 310, 312. В связи с этим «нынешние формы революционности носят по преимуществу «замещенный» характер – их провоцируют и редуцируют СМИ соответственно той или иной степени давления «сверху» и «снизу» (Булдаков В. Указ.

соч. – С. 119). См. об этом также: Верчёнов Л.Н. Неполитическое функционирование политики (политика и телекратия) // Политическая наука: Сб. обзоров. – М., 1996. – С. 74–89.

46. Лотман Ю.М. Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1971. – Т. 5. – С. 167, 168.

47. В своей предельной форме это проявилось в советском обществе. Вот что пишет об этом Э. Морен: «Авторитарная организация общества функционирует посредством цензуры и запрещения. Так, организация не только подвергает цензуре и запрещает, но также навязывает как реальность тот образ, которому общество должно было бы соответствовать» (Указ. соч. – С. 55).

48. Малева Т. Социальные страты и социальная политика: От уроков прошлого к будущему развитию // Россия: Ближайшее десятилетие: Сб. ст. – М., 2004. – С. 76.

49. См.: Левада Ю. Указ. соч. – С. 301.

50. В первых рядах «зарвавшихся» – олигархи, давно раздражавшие простых людей. Вот только несколько свидетельств. 17 июля 2000 г. на вопрос третьего канала российского телевидения: «Жалеете ли Вы олигархов?» положительно ответило вдвое меньше зрителей, чем отрицательно. 13 мая 2004 г. ответы на вопрос «Кто виноват в бедности России?» распределились так: в 2,5 раза больше респондентов назвали виновниками «олигархов», чем «чиновников». (См.: Булдаков В. Указ. соч. – С. 116, 117). Дело Ходорковского вылилось в показательный процесс над типичным «русским олигархом» 90-х.

51. См.: Образы русской власти... С. 67, 182, 231–245. В этот образ – справедливой власти, ограничивающей корыстные претензии олигархов-«бояр» и устанавливающей правила социальной игры, исходя из интересов народа, – органично вписываются последние властные инициативы. Только «добрый царь» мог инициировать (5 сентября 2005 г.) нацпроекты в области здравоохранения, образования и жилищного строительства, взяв их под личный контроль. А также остановить рост цен на бензин: только «самому» Хозяину под силу «приговорить» российские нефтяные компании к обещанию не повышать цены на нефтепродукты на внутреннем рынке до конца года (19 сентября 2005 г.). Новая русская власть действует, как всегда, расчетливо, своевременно: приурочить популярные «социальные меры» к эпохе «антисоциальных реформ» в тех же сферах (образования и науки, ЖКХ, здравоохранения) – это в лучших русских традициях.

52. Изменяющаяся Россия в зеркале социологии. – М., 2004. – С. 129.

53. Там же.

54. Там же. – С. 130.

55. Там же. – С. 137.

56. Там же.

57. Цит. по: Захаров А.В. Народные образы власти // Полис. – М., 1998. – № 1.

58. Там же.

59. В этом смысле показательна процедура «расдачи» церковью святых покровителей государственным структурам. Так, с 1999 г. погранслужбе покровительствует Св. Илья Муромец, с 2000 г. налоговой полиции – апостол Матфей, с ноября 2002 г. внутренним войскам – Св. князь Владимир (Власть. – М., 2005. – 18 июля. – С. 22).

60. Морен Э. Указ. соч. – С. 13.

61. Там же. – С. 52.

А.Ю.Шевяков

РЕФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СЕКТОРА: ЭФФЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ

**Шевяков Алексей Юрьевич – доктор
экономических наук, профессор, директор
Института социально-экономических
проблем народонаселения РАН.**

Приоритетные национальные проекты государства в образовании, здравоохранении, сельском хозяйстве и создании доступного жилья направлены на «точечное» решение наиболее острых проблем за счет государственного финансирования. Они действительно должны произвести существенные сдвиги в этих сферах. Но развитие социально-экономических функций государства – это системная стратегическая проблема, затрагивающая всю совокупность распределительных институтов. И здесь необходимо выделить два основополагающих момента.

Во-первых, фундаментальная проблема реформирования экономики и социального сектора в России состоит в том, в каких пропорциях политика государства должна распределяться между прямыми действиями государственных институтов и косвенными действиями посредством создания и поддержки «правил игры», в рамках которых происходит самоорганизация экономических и социальных функций. Системообразующая роль науки, образования, культуры и искусства, здравоохранения и социального обеспечения является не меньшей (причем более неотъемлемой для общества), чем роль рынка. Эти сферы являются самоорганизующимися институтами со своей внутренней мотивацией продуктивного поведения, которая принципиально отличается от рыночной мотивации и разрушается, когда вмешательство рынка в эти сферы становится чрезмерным. Можно говорить об определенной симметрии между негативными эффектами вмешательства государства в экономику и вмешательства рынка в социальную сферу. Издержки общества на последнюю окупаются тем, что они мультиплицируют продуктивность экономики.

Социальные издержки должны определяться их *функциональной достаточностью*, а не оценками соотношения между затратами и результатами, тем более что измерение последних всегда было и остается проблематичным. С этой точки зрения «бюджетирование по результату» является ошибочной концепцией и должно быть заменено целевым бюджетированием по принципу функциональной достаточ-

ности. Зарботки в перечисленных отраслях экономики, как и в управлении рыночными фирмами и корпорациями, определяются не рынком, а системой институциональных факторов, точнее – соответствием, которое институциональная система устанавливает между социально-профессиональными статусами и распределением доходов. Здесь имеет место обратная по отношению к рыночной зависимости зарботков от социальных статусов: размер зарплаты работника определяется тем, какой статус ему приписывает институциональная система, т.е. тем, какое положение по своему статусу он должен занимать в совокупном распределении доходов.

Рыночная экономика эффективна настолько, насколько эффективность обеспечивается свободой трансакций и ценовыми сигналами. Но не в упрощенной теории, а в реальном обществе есть широкий спектр некоммерческих видов деятельности, которые необходимы и для существования, и для эффективности рынка, и неценовые сигналы со стороны которых рынок никак не воспринимает. В ситуации, когда распределение ресурсов выводится из-под действия рыночных институтов и целиком подчиняется ценовым сигналам рынка, недооцениваются не только вклады в экономику системообразующих отраслей социальной сферы, но и потенциалы развития новых отраслей, необходимых для движения экономики к технологической границе продуктивности. Последствия этих ценовых диспропорций для социальной сферы выражаются в следующих цифрах. В 2004 г. добавленные стоимости, созданные образованием и здравоохранением составили, соответственно, 2,3% и 2,7% ВВП, т.е. – всего 5% ВВП. В то же время доля валовой добавленной стоимости (ВДС) торговли в ВВП России (19,1% в 2004 г.) в 1,5–2 раза выше, чем в странах с развитой экономикой. Она на 12,3 процентных пункта превышает всю добавленную стоимость, создаваемую в добыче полезных ископаемых (6,8% ВВП в 2004 г.) и на 3 процентных пункта – долю НДС всех обрабатывающих производств (16,1% ВВП в 2004 г.).

Торговля не создает товаров, она обеспечивает движение товаров от производителей к покупателям и ее добавленная стоимость образуется за счет торговых наценок. Если взять за точку отсчета НДС, создаваемую в расчете на одного занятого в промышленности, то международные сопоставления позволят утверждать, что в России торговые наценки завышены двукратно по отношению к их нормальному рыночному уровню¹.

1. В самом деле, в расчете на одного занятого НДС торговли в России на 10–15% превышает НДС промышленности, тогда как в США она составляет 61% от НДС промышленности, в Великобритании – 58%, во Франции – 54%, а в Японии – 51%. Заметим, что на торговлю приходится 17,2% от численности занятых в российской экономике, а на образование и здравоохранение – 16,5%, т.е. выходит, что работник торговли «создает» в 4 раза больше добавленной стоимости, чем работник в сфере образования или здравоохранения. А в операциях с недвижимостью и арендой, где занято менее 0,5% трудовых ресурсов, один работник «создает», по крайней мере, в 40 раз больше добавленной стоимости, чем в образовании или здравоохранении.

На ВДС операций с недвижимостью, аренды и прочих услуг приходится около 6% ВВП. Это всего лишь на 0,8 процентных пункта ВВП меньше, чем вся добавленная стоимость в добыче сырья! И это выше ВДС всего сельского и лесного хозяйства, а также на 2,7 процентных пункта выше ВДС финансовой деятельности. Иными словами, ВДС от данных видов деятельности «созданы из воздуха»: они представляют собой разность между рыночной выручкой — высокой платой за перераспределение прав владения и пользования недвижимостью — и ничтожными издержками. Завышенная стоимость недвижимости обусловлена тем, что при недостаточном развитии финансового рынка и банковской системы покупка недвижимости превращается в основную форму вложения крупных денежных средств и накопления богатства. Строительство по уровню рентабельности стоит на третьем месте после добычи нефти и газа. В отличие от добывающих отраслей, деятельность которых более или менее прозрачна и которые обеспечивают высокие налоговые поступления в госбюджет, сверхдоходы от строительства совершенно непрозрачны и не обеспечивают равноценных налоговых поступлений. Фактически, торговля, операции с недвижимостью и строительство играют роль основных операторов по рыночному и теневому перекачиванию доходов в пользу собственников и инвесторов. В таких условиях предполагаемое государственное финансирование ипотечных программ и развития инфраструктуры будет повышать доходы рыночных операторов в большей степени, чем приносить реальную пользу населению и развитию экономики.

Приведенные цифры показывают, что оценки вкладов в экономику системообразующих отраслей социальной сферы, обеспечивающих развитие, воспроизводство и функциональную поддержку человеческого потенциала страны, крайне недооцениваются. Таким образом, в этой сфере назрели радикальные структурные преобразования и здесь необходимо не снижать, а усиливать роль государственных регуляторов и резко увеличить ресурсы для ее развития.

Во-вторых. В экономической и социальной политике государства упускаются из виду два очень важных обстоятельства: реальные балансы доходов и расходов и социально-экономическая дифференциация населения. Сегодня избыточное социально-экономическое неравенство в России является основным препятствием для расширенного воспроизводства человеческого капитала и повышения темпа экономического роста. Эти же факторы могут значительно снизить положительные эффекты реализации национальных проектов в социальной сфере.

Избыточное экономическое неравенство в России и поляризация российского общества между полюсами богатства и бедности — факт, признаваемый практически всеми и относящийся к числу наиболее актуальных проблем дальнейшего реформирования и развития экономических, социальных и государственных институтов в России. Экономическое неравенство характеризует процессы в экономике в двух разных направлениях. С одной стороны, распределение

доходов формируется в результате взаимодействия многообразных механизмов, обуславливающих движение денежных потоков. При этом неравенство доходов детерминируется институциональной организацией экономики в значительно большей степени, чем факторами производства. С другой – экономическое неравенство характеризует условия, в которых формируются мотивы и выбираются способы экономического и социального поведения. Соответственно и высокие масштабы общего неравенства могут быть обусловлены двумя диаметрально противоположными причинами: *высокой интенсивностью социальной конкуренции и институционально обусловленными преимуществами положения одних социальных слоев по отношению к другим.*

Анализ механизмов, определяющих тот или иной масштаб общего неравенства, приводит к новой концептуальной постановке задач статистического измерения: *индикаторы неравенства должны представляться в структурной форме, отражающей различия в условиях и факторах, под воздействием которых может сформироваться один и тот же уровень общего неравенства.* Здесь наиболее важным нововведением в нашем исследовании является подразделение общего неравенства и неравенства доходов за счет различных источников на **нормальное неравенство** (при исключении неравенства, обусловленного бедностью) и **избыточное неравенство** (обусловленное бедностью). При этом нормальное неравенство выступает как оценка того неравенства, которое соответствует условиям, в которых практически все экономически активное население имело бы возможность полностью реализовать свой потенциал, а остальной части населения был бы обеспечен вполне приемлемый уровень жизни. Именно после такого подразделения связи между неравенством и макроэкономическими показателями приобретают окончательную ясность, которую искали, но не могли найти многочисленные исследователи.

В последние годы в ИСЭПН РАН и ЦСЭИ РАН и ГКС РФ были проведены обширные исследования структурных характеристик экономического неравенства по России в целом и по полной совокупности российских регионов. Исследование таких связей вскрывает удивительные, не известные ранее факты.

Во-первых, как показывает рис. 1, общее неравенство доходов населения внутри регионов относительно слабо связано с макроэкономическими показателями, тогда как нормальное и избыточное неравенство проявляют сильные и устойчивые связи с уровнями валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, с показателями сбора налогов, с доходами и расходами региональных бюджетов, с инвестиционными вложениями и другими макроэкономическими показателями. Во всех этих связях *нормальное неравенство проявляет себя как позитивный фактор, а избыточное неравенство – как негативный.* В совокупности российских регионов знаменитая гипотеза С. Кузнеця о связи между неравенством и уровнем продуктивности экономики в терминах общего

неравенства статистически отвергается, но в терминах нормального неравенства подтверждается с очень высоким уровнем статистической значимости.

Во-вторых, общее неравенство доходов населения внутри большинства регионов избыточно высоко за счет бедности, тогда как нормальное неравенство во всех регионах, за исключением Москвы и Тюменской области, не выше, чем неравенство, типичное для стран Западной Европы. Фактически, общее неравенство в большинстве регионов близко к определенному уровню насыщения, тогда как нормальное неравенство далеко от своего уровня насыщения, и экономический рост не снижает общее неравенство, а приводит к частичному замещению избыточного неравенства нормальным неравенством.

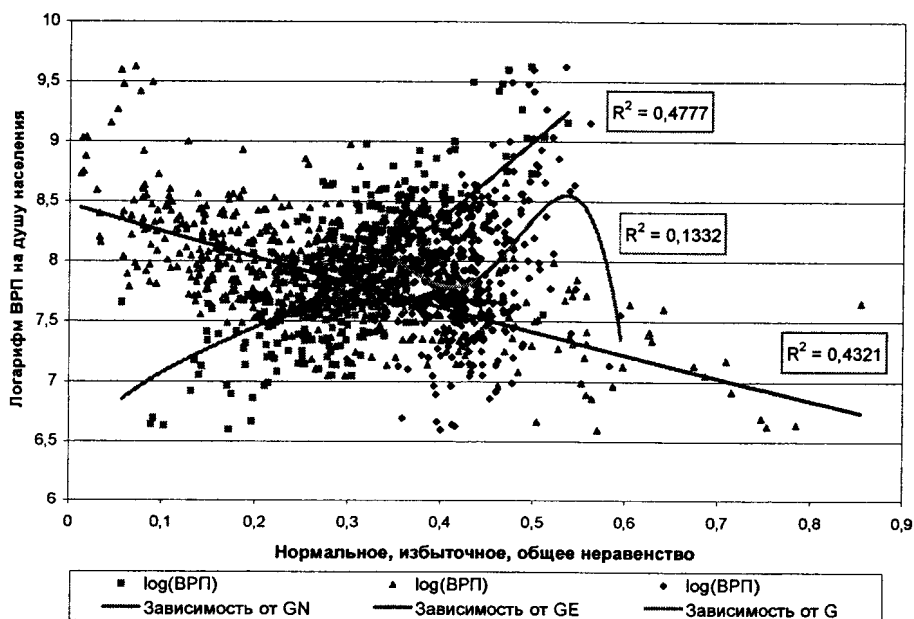

Рис.1. Зависимость логарифма ВРП на душу населения от нормального, избыточного и общего неравенства

Общий итог наших исследований заключается в следующем: чем выше нормальное неравенство, тем выше продуктивность региональной экономики и тем ниже избыточное неравенство. И чем выше доля нормального неравенства в общем неравенстве, тем выше темп роста экономики региона. Такие статистические зависимости очень устойчивы и выражают принципиально важную социально-экономическую закономерность.

Анализ структурной динамики показателей неравенства в регионах России позволяет по-новому взглянуть на проблему чрезвычайно высокого и продол-

жающего нарастать социально-экономического расслоения российского общества и причины, ее порождающие.

Социально-экономические диспропорции между регионами и внутри регионов России характеризуются избыточным неравенством оплаты труда и избыточным неравенством между доходами за счет оплаты труда и доходами рентного типа, вследствие которых складывается избыточное неравенство доходов населения внутри регионов и между регионами, при относительно *низких оценках нормального неравенства* в большинстве российских регионов.

Несмотря на позитивную динамику роста средних показателей денежных доходов и сокращение масштабов бедности в период 1999–2005 гг., в сфере распределительных отношений наблюдались сложные и неоднозначные тенденции: социальная поляризация и концентрация доходов не уменьшались, а продолжали нарастать. Эта поляризация, в первую очередь, отразилась на структурных пропорциях роста оплаты труда: хотя в 2000–2004 гг. этот рост значительно опережал рост ВВП, это был рост в пользу богатых, а не в пользу бедных. Действительно, примерно 45% совокупного прироста оплаты труда были обусловлены ростом оплаты труда 10% наиболее высокооплачиваемых работников и более 60% – ростом оплаты труда 20% работников с самыми высокими зарплатами. Вклад прироста оплаты труда 20% работников с самыми низкими зарплатами в общий прирост оплаты труда составил менее 3%. Еще более сильно поляризация проявилась в росте доходов от собственности, поскольку наиболее высокие доходы на душу населения поступают не за счет заработной платы, а именно за счет собственности. По нашим оценкам, в 2003 г. доходы от собственности составили 28,5% всех денежных доходов 20% наиболее обеспеченного населения и около 12% ВВП.

Анализ прироста доходов бедных и богатых на 100 рублей прироста валового регионального продукта в расчете на душу населения выявляет совершенно удручающую картину: бедные получают прирост на 5 рублей, а богатые – на 200 рублей, т.е. разница между богатыми и бедными 40 раз².

Наиболее сильным фактором, определяющим масштабы неравенства и бедности, является недостаток доходов за счет оплаты труда.

Второй по важности фактор, влияющий на общие масштабы бедности, связан с ограниченными возможностями получения доходов за счет предпринимательской деятельности и прочих источников. Так, например, взятые вместе эти факторы детерминируют около 85,4% общих масштабов бедности в России. Таким образом, проблема бедности в России – это отнюдь не проблема недо-

2. Шевяков А.Ю. *Некоторые характеристики социально-экономического расслоения населения России*. М.: ЦЭМИ, 2005. – С. 52.

статочного объема или недостаточной адресности социальных трансфертов. Главным образом, это проблема низких доходов за счет оплаты труда и ограниченных возможностей проявления экономической активности в форме предпринимательства.

Если говорить о зарплате, то ее анализ по различным отраслям экономики показывает, что диспропорции в оплате труда крайне велики. Она проявляется в таких обобщающих характеристиках ее расслоения, как коэффициент фондов и индекс (коэффициент) Джини. Значения этих коэффициентов приведены в табл. 1.

Таблица 1

ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЗАРПЛАТЫ

Показатель	1991	1994	1995	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Коэффициент фондов	7,8	23,4	26,4	32,1	34,0	39,6	30,5	30,0	26,4
Коэффициент Джини	0,317	0,439	0,454	0,482	0,483	0,508	0,477	0,481	0,467

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Росстат, 2005. – С. 152.

По данным апрельского обследования Росстата, в 2004 г. зарплату ниже прожиточного минимума трудоспособного населения получали примерно 30% занятых в российской экономике.

Что касается распределения зарплат в государственном секторе российской экономики, оно отличалось от распределения зарплат в негосударственном секторе гораздо меньше, чем можно было бы ожидать³. В государственном секторе зарплату 10% наиболее высокооплачиваемых работников превышали зарплату 10% самых низкооплачиваемых работников в 2003 г. в 26 раз, в негосударственном секторе – в 35 раз. Средняя государственная зарплата составляла около 70% от негосударственной средней зарплате. Доля работников негосударственного сектора, попавших в зону бедности с зарплатой ниже официального прожиточного минимума трудоспособного населения (31,5%), меньше чем доля работников государственного сектора (38,8%). Но глубина бедности в негосударственном секторе выше, поскольку самых низкооплачиваемых работников в нем больше, чем в государственном секторе.

Средние цифры ничего не говорят о реальном уровне жизни основной части населения. А этот уровень жизни значительно ниже, чем по средним

3. По расчетам директора Центра социально-экономических измерений Кируты А.Я.

показателям. Согласно оценке «Forbes», в России в 2004 г. насчитывалось 88 тыс. миллионеров и, по нашей оценке, основанной на данных Росстата, примерно 100 тыс. наемных работников, получающих зарплату не ниже 200 тыс. рублей в месяц. При низкой продуктивности экономики расплатой за это богатство является низкий уровень жизни остальных. Даже по официальной оценке Росстата, доходы 20% наиболее обеспеченного населения в 2004 г. составляли 46,6% от доходов всего населения. Это означает, что среднедушевые доходы остальных 80% населения были не выше, чем 4262 рубля на душу в месяц — только в 1,8 раза выше прожиточного минимума. Но официальная оценка Росстата очень сильно занижает реальную дифференциацию доходов: по нашей оценке, доходы 20% наиболее обеспеченного населения составляли 56% доходов населения. *Следовательно, среднедушевые доходы остальных 80% населения составляли, на самом деле, 3485 руб. в месяц. То есть средние доходы 80% населения всего лишь в 1,5 раза превышали прожиточный минимум⁴.*

В 2004 г. зарплату выше уровня ВВП, производимого в среднем одним работником, получали 3,55% наемных работников, т.е. 2,3 млн. человек, зарплата которых в среднем составила примерно 41 тыс. руб. в месяц. Остальные 96,45% наемных работников получали в среднем не 6831,8, а 5343,6 руб. в месяц. Но и эта средняя зарплата распределялась крайне неравномерно, поскольку зарплата 10% наиболее высокооплачиваемых работников в 26–28 раз превышала зарплату 10% наиболее низкооплачиваемых работников. Фактически 28% работников, или 19 млн. человек, получали зарплату ниже прожиточного минимума трудоспособного населения (в среднем 1546 руб. на одного трудоспособного в месяц). При этом в сельском хозяйстве зарплату ниже прожиточного минимума получали около 70% работников, в сфере культуры и искусства — 52,3%, в сфере образования — 43,5%, а в здравоохранении — 38,5% работников. Зарплата 80% работников российской экономики составляла в среднем 4061 руб. в месяц и превышала прожиточный минимум трудоспособного населения всего лишь в 1,6 раза. Тогда как примерно 45% работников топливной промышленности получали зарплату, превышающую прожиточный минимум трудоспособного населения в среднем в 15 раз, и около одной трети работников банковской сферы получали зарплату, превышающую прожиточный минимум в среднем в

4. Разумеется, они были сильно дифференцированными: среднедушевые доходы первой, наименее обеспеченной 20%-ной группы составляли 56% от величины прожиточного минимума, второй группы — 97%, доходы третьей группы превышали прожиточный минимум в 1,6 раза, доходы четвертой группы — в 2,7 раза. При этом среднедушевые доходы 20% и 10% наиболее обеспеченного населения России составляли, соответственно, 17 744 и 25 982 руб. на душу в месяц и превышали прожиточный минимум в 7,5 и 11 раз.

20 раз (при более высокой дифференциации, чем в топливной промышленности).

Если говорить об общем показателе неравенства и его вариации по регионам, то он охватывает спектр практически всех стран, начиная с уровня африканских и латиноамериканских.

Такие регионы, как Москва, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа по внешним признакам уровня жизни приближаются к развитым странам. Но это достигается за счет неравенства доходов, многократно превосходящего не только показатели неравенства в Европе, но и в США. В Москве доходы 10% наиболее обеспеченного населения превышают доходы 10% наименее обеспеченного населения в 39 раз, а в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком округах – в 27–28 раз, причем во многих бедных регионах неравенство доходов выше, чем в этих округах. Рост межрегионального неравенства доходов происходил практически все годы реформ и чтобы объяснить, насколько достигнутое неравенство велико, заметим, что оно выше, чем неравенство *индивидуальных* доходов на душу населения в странах Западной Европы.

В России особенно велики межрегиональные различия по уровню ВРП на душу населения. В 2003 г. самый высокий уровень этого показателя в Ямало-Ненецком АО (в два с лишним раза более высокий, чем в Москве) превысил самые низкие уровни в республике Ингушетия и в Коми-Пермяцком АО в 70 раз, а в республике Дагестан – в 28 раз. Подобные сравнения дают только частичное представление о межрегиональном экономическом неравенстве и показывают, что тенденция к нарастанию концентрации доходов в отдельных регионах при неразвитости и бедности других регионов приобретает угрожающие масштабы.

Эти явления сильно влияют на масштабы общей бедности, которая у нас официально понимается как число жителей, получающих доход ниже прожиточного минимума. Он фиксируется государственными органами и различается по регионам. Такая бедность называется абсолютной. Региональные разбросы показателя бедности с учетом неравномерности развития регионов колеблются от 12 до 90% населения регионов⁵. В странах Западной Европы бедность измеряется относительно среднего уровня доходов населения – бедными считаются те, чей доход ниже половины или даже двух третей среднего дохода. Такая бедность называется относительной. Контраст между этими двумя подходами к измерению бедности в наших условиях поразителен. Как показывает анализ⁶ (см. рис. 2) относительная бедность в регионах России тем выше, чем выше ВРП на душу населения.

5. Шевяков А.Ю. *Общество и экономика*, 2005, № 3. – С. 11.

6. Там же.

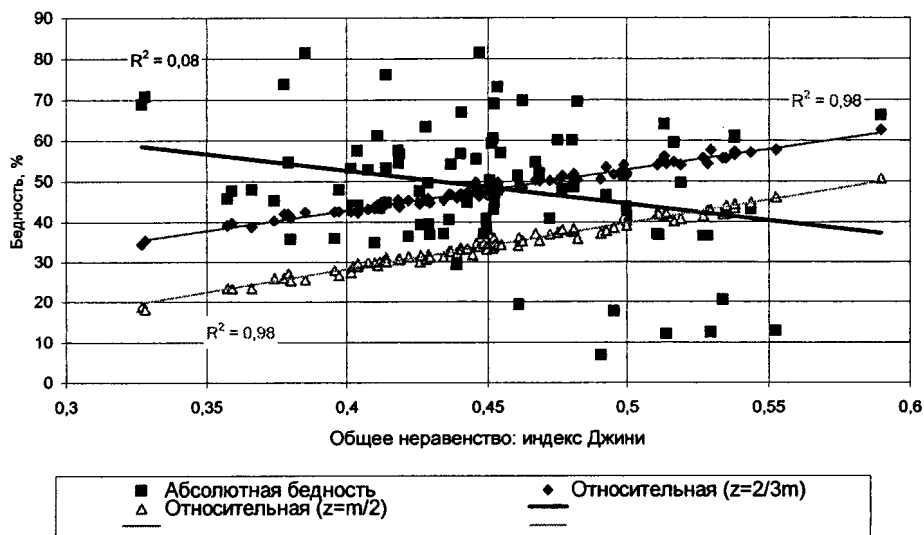

Рис. 2. Зависимость абсолютной и относительной бедности от неравенства доходов по регионам России

И относительный дефицит доходов тоже возрастает с ростом ВРП, хотя и немного медленнее. Здесь мы явно видим эффекты избыточного неравенства, выражающегося в избыточной концентрации и поляризации доходов, в том числе и в самых богатых регионах. Так, в Москве абсолютная бедность охватывает 12,9% населения, а относительная – 57,7%. Даже если понизить относительную границу бедности до половины московского среднедушевого дохода, то все равно в Москве будет 47% относительно бедных. Все дело в том, что в Москве самая высокая концентрация доходов.

Приведенные данные показывают, что деформация распределительных механизмов, связанная, прежде всего, с концентрацией доходов богатых, достигла такого уровня, что нарушается даже естественная логика снижения бедности по мере экономического роста.

Возникшее экономическое неравенство и социальную поляризацию населения следует отнести к самым тяжелым последствиям проводимых реформ, борьба с которыми должна вестись не только на уровне распределительных отношений, но еще и в стадии формирования макроэкономической политики и определения будущего состава ВВП. Правительственная доктрина, как это следует из разных официальных заявлений, связывает вопросы ликвидации бедности с экономическим ростом. А можем ли мы, вообще говоря, реально обеспечить такие показатели экономического роста при существующем расслоении обще-

ства, которое, по-видимому, будет нарастать. Оно (расслоение) по существу приводит к тому, что, с одной стороны, у нас появилась большая масса бедных и почти бедных людей, а с другой – есть верхушка общества – 10–12% богатых, которые живут отдельно от этой большой массы людей (их доходы почти на треть сегодня являются «рентными», а потребление ориентировано на импортные товары и вывод капитала из активной экономической деятельности внутри страны). *По сути дела происходит разрыв не только в социальном плане, но фактический разрыв экономики на две составляющие – экономика, которая связана с экспортом (экономика трубы), и другая экономика, которая деградирует или почти деградирует.* Поэтому, о каком экономическом росте мы можем говорить серьезно, если мы не будем реформировать и стимулировать эту экономику? Но даже если мы и сможем обеспечить декларируемые показатели роста ВВП, это не решит автоматически проблему бедности. Как показывает опыт других развивающихся стран, никому не удастся решить эту проблему без определенных мер и реформ в области распределительных отношений.

Следует подчеркнуть также, что бедность – это проблема чрезмерно высокого неравенства, и масштабы бедности не могут быть радикально (в два раза) снижены в короткий срок без радикального снижения масштабов неравенства. Аналитические расчеты показывают, что если реальные доходы населения будут расти со среднегодовым темпом в 8–9%, но механизмы распределения доходов останутся такими же, каковы они сейчас, то двукратного снижения численности бедных по стране в целом можно будет достигнуть только через семь лет. При этом в некоторых регионах, учитывая неравномерность их развития, она останется на уровне 60% всего населения⁷. *Отсутствие продуманной системы выравнивания доходов и имущественного положения различных слоев населения приводит и будет приводить в дальнейшем к углублению разрыва между наиболее обеспеченными и беднейшими слоями. При этом будет создаваться мультипликативный эффект поляризации, поскольку с течением времени богатейшие слои будут непрерывно наращивать свои возможности как за счет выгодных вложений имеющихся средств в экономику, так и вследствие несомненных*

7. Дефицит доходов у бедных невелик по сравнению с суммарными доходами всего населения. По официальным оценкам Росстата объем дефицита денежных доходов у бедных в 2001 г. составлял 4,5% от объема денежных доходов всего населения, в 2002 г. – 3,7%, в 2003 г. – 2,6%, в 2004 г. – 2,1%.

Но в 2004 г. по сравнению с 2001 г. реальные денежные доходы населения России выросли на 41%. Формально это означает, что бедность могла бы быть полностью ликвидирована раньше, если бы примерно 1/5 общего прироста доходов за 2002–2004 гг. была направлена на повышение денежных доходов бедных до величины прожиточного минимума.

преимуществ в получении образования, поддержания здоровья, развития личности и быстро нарастающего социального капитала.

Итак, на сегодняшний день мы имеем не только избыточное социально-экономическое расслоение нашего общества, но и распределительные механизмы, которые его создали, систематически поддерживают и препятствуют преодолению социальных диспропорций. Без переналаживания этих механизмов в сторону разумного ограничения роста самых высоких доходов мы никуда в лучшую сторону не двинемся, даже если сегодня мы все разделим поровну, неравенство очень быстро вернется на круги своя. Многие копируя у западных стран, стоило бы скопировать и их методы регулирования неравенства доходов. **Разработка и реализация схемы управления ростом доходов – серьезное политико-экономическое решение.** В странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на выравнивание материального положения различных доходных групп населения.

Практическое решение этой задачи не является простым и ему должно предшествовать всестороннее исследование механизмов взаимосвязи социально-экономической дифференциации с экономическим ростом, снижения экономического неравенства и бедности с учетом эффектов различных вариантов налогообложения и бюджетного перераспределения оплаты труда и доходов с точки зрения долговременной социально-экономической динамики.

Регулировка, подстройка распределительных отношений должна быть комплексной. Одновременно с использованием налоговых и бюджетных инструментов мы должны в организационном порядке раскрепостить малый бизнес, чтобы он мог быстро откликнуться на тот дополнительный спрос, который возникнет после повышения доходов бедной части населения, а именно их спрос ориентирован на отечественные, более дешевые товары.

По нашему мнению, в ближайшее десятилетие изменение политики в сфере распределительных отношений должно быть подчинено реализации двух конкретных целей – установлению минимума оплаты труда на социально оправданном уровне и сокращению ее дифференциации до приемлемых и достижимых размеров. Вместе с ростом оплаты труда увеличатся размеры социальных выплат (пенсий, пособий, стипендий), что, в свою очередь, скажется на росте денежных доходов основной массы населения и приведет к снижению уровня бедности. В области налоговой системы функция выравнивания доходов населения в нашей стране практически еще не реализована. Первым шагом в этом направлении должна явиться отмена, как не отвечающего принципу выравнивания доходов населения и мировой практике, единого 13%-ного подоходного налога с физических лиц.

Повышение зарплат могло бы быть стимулировано радикальным снижением единого социального налога (ЕСН) в сочетании с налоговой дискриминаци-

ей прибыли в зависимости от доли оплаты труда в добавленной стоимости (или в стоимости конечной продукции). Последнее подразумевает, что предприятия с заниженной долей оплаты труда в добавленной стоимости или в стоимости конечной продукции должны были бы выплачивать более высокий налог на прибыль, чем предприятия, где эта доля выше.

Кроме того, должны быть восстановлены налоговые льготы на инвестиции, а снижение ЕСН компенсировано повышением налогов на недвижимость. Фактически, социальный налог мог бы быть введен как конкретная дополнительная часть налогов на собственность, доходы от собственности и вторичные операции с недвижимостью и прочей собственностью. Дискриминационный налог на продажи, под который попадали бы только дорогие виды непродовольственных товаров и дорогие виды услуг, также мог бы быть использован на социальные цели и частично скомпенсировал бы избыточное неравенство доходов.

Дальнейшее увеличение или даже сохранение существующего уровня дифференциации доходов может свести на нет все преимущества экономического роста как средства повышения жизненного уровня населения. Поэтому **радикальное перераспределение налоговой нагрузки, не увеличивающее суммарный объем этой нагрузки, но перекладывающее ее на богатых во всех ситуациях, когда они не используют свое богатство для роста производства, могло бы существенно понизить экономическое неравенство, не снижая, а, напротив, повышая стимулы экономического роста.**

ВЫЗОВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Р. И. Нигматулин

О ЦЕНАХ, ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТИ И ДОХОДАХ, ИЛИ КАК СПАСТИ РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ

**Нигматулин Роберт Искандерович – академик РАН,
Председатель президиума Уфимского научного центра РАН.**

Для российской экономики огромное значение имеют три макроэкономические проблемы: перспектива цен на энергоносители; установление сбалансированных тарифов, покрывающих издержки производства; проблема сбалансированности экономики и спасения отечественного производства.

Проблема первая. Как будут меняться цены на нефть? Время от времени нас предупреждают, что нефть подешевеет и нужно копить стабилизационный фонд. Но анализ имеющихся нефтяных ресурсов в осваиваемых глубинах с учетом возможностей современных технологий поиска и добычи показывает, что мир приближается к периоду, когда мировая добыча нефти будет сокращаться. Этот вывод следует из большинства сценариев, которые сейчас разрабатываются, в том числе американскими специалистами. А Россия подойдет к падению добычи нефти даже на несколько лет раньше, чем мир в целом. В то же время потребность в нефти сейчас резко возрастает в связи с бурной индустриализацией Китая и Индии. Население этих стран равно населению «пяти Европ». Китай уже стал вторым потребителем нефти в мире, расходуя 300 млн. т в год. Россия добывает 470 млн. т в год (3,2 т на душу), потребляя менее 140 млн. т в год (примерно 0,9 т на душу), а остальные 330 млн. т (2,3 т на душу) вывозит. Индустриальные страны Европы, Япония, Южная Корея потребляют 2,2 т на душу в год. Большинство названных стран всю эту нефть импортируют и платят 450–500 долл. за тонну, хотя себестоимость (издержки) ее производства составляет менее 100 долл. за тонну. Почти столько же 15 лет тому назад потребляла индустриальная Россия (2 т на душу в год). Падение потребления нефти свидетельствует о том, что в России произошла обвальная деиндустриализация.

Надвигающееся падение мировой добычи нефти и быстрый рост потребности в нефти Китая и Индии приводят к важному выводу: цена нефти на мировом рынке будет расти. А это значит, что мы должны вывозить столько нефти и газа, сколько необходимо, чтобы обеспечить импорт товаров (45 млрд. долл.) и

оплату долгов (около 15 млрд. долл.). Для этого достаточно экспортировать 100–120 млн. т нефти вместо нынешних 330 млн. Нефть – самый надежный, высоколиквидный и дорожающий ресурс, и нет смысла конвертировать дорожающую нефть в дешевеющие доллары.

Ожидаемое падение мировой добычи нефти – это переломный период в истории; при свободном рынке нефтяными ресурсами будут обладать те страны и производители, которые наиболее эффективно используют их. Между тем эффективность использования нефти у нас низка, и мы рискуем потерять многие производственные возможности на собственной территории, так как при свободном перемещении капиталов и ресурсов Китай и юго-восток Азии обладают колоссальными преимуществами для получения инвестиций и энергоресурсов. Сегодня нефтегазовым компаниям России выгоднее вывозить нефть и газ на экспорт, чем снабжать отечественные производства и отечественных потребителей. В отличие от Китая и стран Юго-Восточной Азии, ориентированных на экспорт, российский производитель должен ориентироваться на внутренний рынок. Это, в свою очередь, означает, что для России особенно важно поднимать платежеспособность населения, более активно защищаться от избыточного импорта товаров и избыточного экспорта сырья.

Проблема вторая. У нас часто повторяют, что ВВП России растет быстрыми темпами и многих это успокаивает. Но чтобы заострить внимание на пагубности нынешнего экономического курса, следует со всей резкостью подчеркнуть: мы потеряли машиностроение и все производство товаров с высокой долей трудовых затрат. У нас работают сырьевые и полусырьевые отрасли: нефтедобыча, нефтепереработка, производство металлов, некоторые производства по их обслуживанию и те экономические сферы, которые занимаются экспортом сырья и импортом товаров потребления. Вот лишь некоторые примеры. Россия выпускала 125 гражданских самолетов в год, а сейчас мы выпускаем 5–6 штук и больше уже не в состоянии. Мы почти не шьем одежду, мало производим станков, электротехнических и радиотехнических товаров, в 20 раз сократили производство энергетического оборудования и мн. др. Сейчас уже дело не только в том, что нет покупательского спроса – рабочие ушли с заводов и никогда туда не вернуться. В строительном комплексе атомной промышленности было 76 тыс. рабочих, сейчас осталось всего 5 тыс. Выпускники авиационных университетов, в частности, в Уфе, Москве, Самаре, практически не идут работать в авиационную промышленность, которая многократно сократилась. Можно сказать, ее почти нет. В Уфе есть завод авиационных моторов (производит моторы для военных самолетов). Он сократил производство в 30 раз. В Уфе закрылся химический комбинат. Сейчас единственный химический завод там – это опытный завод Академии наук, на котором работают 200 человек. В десятки раз сократилось сельскохозяйственное машиностроение. Гибнет сель-

ское хозяйство под успокоительные речи политиков о грядущих инвестициях и хороших темпах роста ВВП. Теперь, чтобы восстановить производство, необходимо будет заново восстанавливать рабочий класс, т.е. обучить юношей в ПТУ.

Проблема третья. Экономика должна быть *сбалансированной*. Балансов в экономике много, но главные балансы, которые мы должны учитывать и которые должен знать каждый гражданин – это балансы трех макроэкономических компонентов.

Первый компонент – издержки производства. Второй – цена. Для сбалансированности и рентабельности цена должна быть примерно на 10% выше издержек производства. Третий компонент – оплата труда, или заработная плата. Она должна быть сбалансирована с ценами так, чтобы, во-первых, фонда зарплаты хватило выкупить все произведенные товары, во-вторых, чтобы в фонде зарплаты не было избытка, который приводил к дефициту товаров и услуг (это имело место в последние 20 лет советской власти). Сейчас у нас аномально занижены заработные платы. Так, доля зарплаты в транспортных расходах у нас составляет 20%, в других странах – 50%. Таким образом, доля заработной платы в транспортных издержках в России занижена в 2,5 раза. Так же обстоит дело в сельском хозяйстве и большинстве отраслей производства. Доля зарплаты в ВВП у нас занижена в два раза. Утверждается, что, если ее поднять, возникнет инфляция. Так ли это?

Заработная плата основной части населения настолько занижена, что она давит на цены жизнеобеспечивающих товаров и услуг (хлеб, услуги ЖКХ, электричество, тепло и транспорт). Это давление так сильно, что цены на товары и услуги указанных отраслей стали ниже, чем издержки. Все производственники жалуются на недофинансирование, из-за чего не происходит в необходимой мере обновления основных фондов. На это жалуются и сельские труженики, и работники ЖКХ, и энергетики, и, наконец, транспортники. Эти четыре главные жизнеобеспечивающие отрасли экономики особенно сильно страдают от недофинансирования из-за аномально заниженной заработной платы всех трудящихся, которые пользуются товарами и услугами этих отраслей. Недофинансирование угнетает экономику и раздирает страну, так как потребитель – рабочий, учитель, врач – негодует из-за роста цен. Партии левой ориентации требуют, чтобы, например, квартплата не превышала 10% доходов семьи, чтобы не дорожали хлеб, тепло, электричество, услуги транспорта. Но это усугубляет недофинансирование жизнеобеспечивающих отраслей и трудящихся, работающих в этих отраслях. Возникают дисбаланс и внутреннее противоречие, которые разрушают производство подобно тому, как несбалансированный ротор, вращаясь, разрушает машину. Чтобы спасти производства, надо сбалансировать экономику, подняв платежеспособность населения и сделав его способным платить сбалансированные цены, покрывающие производственные издержки.

В России самый дешевый хлеб – менее 20 руб. за кг, что равно стоимости одного литра бензина. И большинство населения больше заплатить не может. В других странах (со сбалансированной экономикой) хлеб стоит 3 долл. за кг, что равно стоимости четырех литров бензина. При таких ценах, как у нас, аграрный сектор обеспечивать свое производство не может. В Европе, Америке и Японии плата за метро или автобус составляет 2 долл. (3 литра бензина); в России люди едва могут платить 15 руб. (менее 1 литра бензина). Транспортник, таким образом, не может компенсировать износ техники, получать нормальную зарплату. Весь мир платит за киловатт-час электроэнергии дома и на производстве 0,1 долл.; мы платим около 1 руб., или 0,03–0,04 долл. И хотя это недофинансирование отчасти (только отчасти) для внутреннего потребителя компенсируется заниженной стоимостью газа – основного топлива в нашей электроэнергетике, но из-за заниженной (несбалансированной) цены на электроэнергию у нас не строятся и не обновляются электростанции. А это грозит авариями и энергетическим голодом в стране с холодным климатом.

То же самое происходит в ЖКХ. Нет стран, где за квартиру платили бы 50 долл. в месяц, везде платят 300–400 долл. Мы ругаем бесхозяйственность в ЖКХ (часто справедливо), но даже если мы наведем идеальный порядок в ЖКХ, оно не сможет содержать наше жилье за 50–100 долл. в месяц. Жилье будет разрушаться.

Из всего сказанного следует, что нужно четко представлять, сколько стоит по минимуму наше жизнеобеспечение по *сбалансированным* ценам, т.е. по ценам, *покрывающим затраты* жизнеобеспечивающих производств. Подобно тому как энергетик знает, сколько нужно топлива, чтобы получить 1 киловатт-час электроэнергии, так же и правительство должно знать, сколько стоит минимальное обеспечение жизни по сбалансированным ценам. Правительство и общество должны понимать, что зарплата – не только плата за труд, но и главный источник инвестиций для компенсации износа средств производства и его модернизации. Подчеркиваю, именно сбалансированная зарплата, а не кредиты.

Главный инвестор экономики – народ, получающий *сбалансированную* зарплату, т.е. достаточную, чтобы оплачивать жизнеобеспечивающие товары и услуги по *сбалансированным* (покрывающим издержки производства) ценам. Расчет минимальных затрат на поддержание современной жизни показывает, что минимальная зарплата, способная оплачивать по сбалансированным ценам питание, поддержание жилья, тепло, электричество и транспорт, равно стоимости 1000 литров бензина, что при нынешних ценах на бензин равно 17 тыс. руб. или 600 долл. в месяц. При этом цены на хлеб должны быть такими, чтобы на указанную минимальную зарплату можно было купить 250 кг хлеба.

Указанная минимальная зарплата нынешним правительственным стратегам кажется нереальной. Однако и теория, и мировая практика свидетельствуют:

как невозможен вечный двигатель, так невозможна и самоподдерживающаяся, не разрушающаяся экономика с зарплатами ниже указанной. Кстати, в индустриальных странах Европы, в США и Канаде минимальная зарплата составляет 1000–1500 долл. в месяц, что равно стоимости 1500 литров бензина или 400 кг хлеба.

Таким образом, для того чтобы спасти транспорт, сельское хозяйство, ЖКХ, энергетику, чтобы преодолеть заниженные тарифы и недофинансирование, нужно поднять долю оплаты труда в валовом внутреннем продукте (ВВП). Сделать это можно только за счет сокращения сверхдоходов очень богатых, получаемых главным образом за счет экспорта природных ресурсов и присвоения природной ренты. Не предлагаю разорять мультимиллионеров, но уровень их доходов, которые выводятся из отечественной экономики или тратятся на роскошь, неподъемен для страны. Мы живем как неразумная семья, которая все заработанное отдает одному ребенку, а родителям и остальным детям не хватает даже на пропитание. Ни в одной стране с благополучной экономикой нет такого *децильного коэффициента*, равного отношению доходов 10% населения, получающих наибольшие доходы, к 10% населения, получающих наименьшие доходы. У нас он официально равен 15, а по уточненным оценкам ученых даже 35. В странах с нормальной экономикой он не превышает 5–6. Там знают, что если децильный коэффициент больше 8, то это вызывает не только социальные проблемы, но и разрушение экономики. Избыток сверхдоходов, сосредоточенный в руках 3% населения, должен быть переведен в зарплату для того, чтобы компенсировать необходимое повышение цен на транспортные услуги, на продукты сельского хозяйства, на услуги жилищно-коммунального хозяйства и энергетики, чтобы сбалансировать издержки производства, в том числе на оплату труда в этих отраслях.

Только так можно сбалансировать экономику и создать условия для экономического роста в нашей стране. Других способов нет. Я настаиваю на том, что килограмм хлеба должен стоить столько же, сколько стоят 4 литра бензина. Если бензин, как сейчас, стоит 17 руб., или 0,6 долл. за литр, то хлеб должен стоить около 2,5 долл. или 70 руб. за килограмм. Для того чтобы хлеб стал дешевле, надо сделать дешевле бензин, тем более, что по издержкам на его производство стоимость бензина можно довести до 10 руб. за литр. Для этого необходимо сократить (нормализовать) прибыль с бензина на внутреннем рынке, минимизировать налоги с производителей и поставщиков бензина, контролировать издержки на его производство. Все это делается во всех развитых странах. Тогда хлеб может стоить 40 руб. за кг, а минимальная зарплата составлять 10 тыс. руб. в месяц.

В прошлом году правительство проводило монетизацию некоторых услуг и товаров. Оно оценило ее в 150 млрд. руб. в год. Это ничтожная сумма, и

больше у правительства денег нет, потому что оно «не смеет» перераспределить сверхдоходы. А реальная монетизация, способная сбалансировать экономику, требует 2000 млрд., т.е. 2 трлн. руб. Эти 2 трлн. руб. в экономике России есть, руководству государства нужна лишь политическая воля для того, чтобы их перевести в заработные платы трудящихся, которые смогли бы оплачивать равновесные, или как мы говорим, сбалансированные цены. Тогда эти 2 трлн. руб. станут инвестициями в жизнеобеспечивающие отрасли. Такова основная идея спасения экономики и ее инвестирования. Для реализации этой идеи нужен совершенно другой социально-экономический курс, другая налоговая политика. Конечно, не должно быть скачков цен и изменений действующих правил, но преобразования надо проводить решительно, ясно осознавая необходимость сбалансированности.

Е. В. Попова

**О МЕТОДОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ
(КАК РЕШИТЬ ЗАДАЧУ УДВОЕНИЯ ВВП?)**

**Попова Екатерина Витальевна – кандидат
экономических наук, помощник руководителя
Администрации Президента Российской Федерации.**

Одной из основных задач, поставленных Президентом перед Правительством России, является удвоение ВВП. Аналогичная задача ставилась и руководством других стран (Франции, Японии) и успешно выполнялась.

Очевидно, что тенденции и перспективы развития России, ориентированные как на удвоение ВВП, так и на выполнение других, не менее важных общенациональных задач, могут всесторонне и успешно рассматриваться только на основе системного подхода, т.е. в рамках общенациональной программы социально-экономического развития.

Очень важно подробнее остановиться на методологии формирования таких программ, так как именно отсутствие продуманной научной методологии препятствует решению важнейших общегосударственных задач и не позволяет с максимальной эффективностью реализовывать существующие среднесрочные программы социально-экономического развития России.

Прежде всего, общеэкономическая программа должна увязать в свете решения задачи удвоения ВВП научно-техническую, энергетическую, транспортную стратегии России; необходимо отразить в ней миграционную политику страны, схему размещения производительных сил. Оптимальный срок такой программы – пять лет, так как это средний срок воспроизводственного цикла в промышленности. (Тем более что перед правительством поставлена задача удвоить ВВП к 2010 г.)

И во Франции, и в Японии удвоение ВВП осуществлялось в результате реализации общенациональных программ социально-экономического развития (VI план экономического и социального развития во Франции, План удвоения национального дохода в Японии).

Этой цели необходимо подчинить и программу социально-экономического развития России, разрабатываемую Минэкономразвития. При этом для того,

чтобы сделать ее успешной и реализуемой, необходимо, чтобы она основывалась на методах современной экономической науки, широко используемых промышленно развитыми странами. К сожалению, у нас они не используются или используются неэффективно.

Необходимо отметить, что следование данным методам имеет чисто прагматическое значение, оно должно осуществляться в интересах развития страны и не иметь никакой политической окраски – «правой», «левой», «государственной» или «либеральной». Их использование не означает смену экономического курса, а наоборот, закрепляет движение в сторону успешного развития бизнеса и рыночных отношений. (Как известно, Франция и Япония являются странами с развитой рыночной системой.) Нельзя игнорировать достижения экономической науки XXI в. – это аналогично тому, как у нас в свое время игнорировались достижения генетики. Бессмысленно навешивать «правые» или «левые» ярлыки на экономико-математическое моделирование, межотраслевые балансы или экономические индикаторы.

Таким образом, механизм реализации общероссийской программы удвоения ВВП должен в максимальной степени опираться на использование современных информационных технологий, макроэкономического и межотраслевого моделирования, оптимизации развития отраслей, отраслевых и региональных комплексов. Эти методы повсеместно используются в промышленно развитых странах.

На первом этапе составления общенациональной программы удвоения ВВП необходимо, при использовании соответствующей макроэкономической модели, определить условия выполнения задачи удвоения ВВП, т.е. понять, как должна измениться динамика основных макроэкономических показателей и каковы должны быть основные пропорции развития экономики. Для этого международное экономическое сообщество уже довольно давно (кстати, опираясь и на наш отечественный опыт) использует комплекс экономико-математических моделей, непосредственно связанных с системой национальных счетов, в том числе:

1. Макромодели перспективного прогнозирования и среднесрочного планирования в разрезе нескольких десятков отраслей (с выделением материально-вещественного и стоимостного аспектов).
2. Модификации моделей первого типа, которые получаются на основе использования межотраслевых балансов и системы национальных счетов.
3. Одноуровневые динамические модели экономического роста.

Задача удвоения ВВП означает целенаправленную перестройку важнейших макроэкономических и структурных пропорций российской экономики. При постановке данной задачи все основные элементы системы планирования и прогнозирования, составляющие базу программы социально-экономического разви-

тия, должны быть направлены на ее реализацию. Например, решение задачи удвоения ВВП означает необходимость расчета соответствующего годового объема инвестиций в основной капитал, роста потребительского спроса в определенных пределах, соответствующего роста денежных доходов населения в ВВП.

Крайне важно определить пороговые значения доли доходов федерального бюджета в ВВП в свете постановки задачи удвоения ВВП.

В блоке управления внешнеэкономическими связями в целях удвоения ВВП необходимо предусмотреть сокращение размеров чистого экспорта. В развитых странах, имеющих положительное сальдо внешнеторгового баланса, доля чистого экспорта в ВВП не превышает 3–6%. У нас она составляет около 11%.

По расчетам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, только за счет, например, фактора развития экономической интеграции России со странами СНГ ВВП России может быть увеличен к 2010 г. по сравнению с 2000 г. в 1,3 раза.

Необходимо просчитать соответствующие требования к наиболее крупным хозяйствующим субъектам, финансово-промышленным группам на основе индикаторов, ориентирующих их на решение поставленной президентом и правительством задачи (такой подход уже реализуется в Татарстане); определить требования к субъектам Российской Федерации по увеличению валового регионального продукта.

Важнейшим элементом программы социально-экономического развития России должно стать развитие договорного взаимодействия федеральных органов управления с органами управления субъектов Федерации, финансово-промышленными группами и крупнейшими предприятиями страны. Такие договорные взаимоотношения наиболее широко применяются во Франции, где заключаются контракты государства и отрасли (на стороне отрасли выступает ассоциация крупнейших промышленников), государства и региона. Это позволит сформировать согласованную с регионами и промышленниками систему индикаторов, включающую индикаторы важнейших межотраслевых и межрегиональных поставок продукции и услуг.

Таким образом, стратегия развития страны должна строиться не только на статистических математических методах, но и, прежде всего, на основе стратегии развития крупнейших компаний, определяющих развитие отдельных отраслей.

Одной из важнейших функций общенациональной программы социально-экономического развития является достижение реального баланса экономических интересов различных слоев общества, государства и бизнеса, государства и регионов. Например, в пятилетних планах социально-экономического развития Франции были определены приоритетные программы и контракты, которые заключались между государством, регионами, отдельными государственными и частными предприятиями. Так, постоянно совершенствовался механизм согласо-

вания интересов различных социальных групп и постоянно расширялся круг включаемых в их работу представителей экономических субъектов. К обсуждению планов стали регулярно привлекаться региональные органы управления.

Следует подчеркнуть, что региональный аспект программы имеет для нашей страны особо важное значение. Даже в такой небольшой по сравнению с Россией стране, как Франция, в программах (или планах) общеэкономического развития огромное значение уделяется достижению сбалансированности экономического развития регионов, укреплению экономической целостности страны. Во Франции до начала формирования новой общенациональной социально-экономической программы региональные органы обязаны представить в правительство доклады по приоритетам в развитии экономики регионов. Очевидно, что российская общенациональная программа удвоения ВВП должна осуществлять взаимоувязку экономических программ регионального развития, например программу развития Сибири, Дальнего Востока и европейской части страны.

Представляется необходимым в качестве важнейшей составной части общероссийской программы разработать программу территориального развития России, которая должна носить комплексный характер и интегрировать в границах регионов стратегические цели государства, задачи региональных программ и местные возможности.

Одним из основных аргументов противников вышеуказанных методов является то, что, по их мнению, это вызовет дополнительную нагрузку на предприятия, ограничит свободу их действий. Данный аргумент не имеет никаких оснований, так как, помимо, например, положительного опыта Франции и Японии, можно привести положительный опыт Татарстана и Томской области, где использование методов стратегического планирования привело к значительному росту производства промышленной продукции. Сами предприниматели, как стало ясно из дискуссий, проведенных на тему стратегического планирования с участием Торгово-промышленной палаты (ТПП) и Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), считают необходимым его применение, так как оно дает хозяйствующим субъектам ясное представление об экономической политике государства на пятилетний период, а государству – необходимую информацию о реальных перспективах развития и возможность осуществить цели, поставленные руководством страны.

Важнейшим моментом является взаимосвязь общенациональной программы социально-экономического развития страны и бюджета. В промышленно развитых странах общенациональные программы социально-экономического развития разрабатываются совместно с бюджетом и предшествуют ему. В российской практике процесс разработки годового бюджета на основе трехлетнего прогноза развития экономики превратился, по сути, в основной инструмент регулирования экономических процессов.

Концепция реформирования бюджетного процесса, одобренная на заседании Правительства Российской Федерации 15 апреля 2004 г., может оцениваться как несомненный прогресс по сравнению со сложившимся в предшествующее десятилетие «сметно-бюджетным» финансированием «процесса углубления экономических реформ», когда в основу проводимой экономической политики закладывались цели «системной трансформации» советской экономической системы, а не достижение конкретных экономических результатов.

Реализация программно-целевого подхода (прогнозирование-программирование-бюджетирование) предполагает более четкое целеполагание для проводимой экономической политики, ориентированной на достижение конкретных экономических результатов с точки зрения, как темпов экономической динамики, так и ее структурного наполнения и качества. При таком подходе экономические реформы должны рассматриваться не как самоцель, а как инструмент достижения вполне конкретных результатов экономического прогресса.

Общий методологический принцип такого подхода представляет собой движение от общего к частному – от общенациональных приоритетов экономического развития и стратегических целей деятельности Правительства Российской Федерации к целям и задачам субъектов бюджетного планирования и реализуемым ими целевым федеральным и ведомственным бюджетным программам на трехлетнюю перспективу.

Однако данный подход, несмотря на свои очевидные достоинства, является недостаточным инструментом для формирования системы стратегического планирования. По сути, как и в предшествующие годы, единственной формой экономического регулирования предполагается оставить бюджетный процесс, хотя и модифицированный под программно-целевую идеологию. Прогнозы социально-экономического развития, разрабатываемые в настоящее время на государственном уровне, служат лишь узким задачам обслуживания бюджетного процесса. В закон о бюджете включаются лишь три показателя – объем ВВП, инфляция, мировые цены на нефть. В связи с отсутствием в данных прогнозах адресных показателей они не могут использоваться хозяйствующими субъектами (финансово-промышленными группами, корпорациями, крупнейшими предприятиями) для стратегического планирования своего развития.

По сути, в настоящее время используется наиболее примитивный подход к прогнозированию изо всех возможных, основанный на перенесении зависимостей, характерных для прошлого и настоящего, на будущее. Вряд ли этот процесс можно приравнять даже к начальной стадии стратегического планирования, осуществляемого в промышленно развитых странах.

В целях повышения эффективности реализации общероссийской программы социально-экономического развития представляется целесообразным возобновить работу над проектом Федерального закона «О внесении изменений и

дополнений в Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»», предусмотрев в нем разработку Долгосрочной стратегии развития страны на 15 лет, содержащей основные стратегические цели государственной политики на долгосрочную перспективу. В качестве такого документа может выступать и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, в которой, исходя из анализа гипотетических внешних и внутренних угроз, возможно формулирование долгосрочных стратегических целей и критериев внешней и внутренней политики страны.

Представляется также целесообразным продумать механизм утверждения общенациональной программы, чтобы избежать ситуации, когда правительство само себе устанавливает задачи и само же оценивает их выполнение.

В соответствии с мировой практикой общенациональные программы (или планы) утверждаются парламентами и/или правительствами, но тем не менее остаются для частного сектора ориентирующими, не превращаясь в директивные. Во Франции пятилетние планы имеют силу государственного закона. Они утверждаются Президентом Франции, премьер-министром, министром экономики и финансов, министром труда, а затем – парламентом Франции. Тем самым утверждаются общенациональные цели, приоритеты и программы развития, определенные в общенациональном плане (или программе). В отличие от директивных, индикативные, ориентирующие планы не могут быть выполнены или не выполнены; могут лишь быть достигнутыми или не достигнутыми цели, поставленные в них.

Таким образом, для решения задачи удвоения ВВП необходим комплексный, проверенный международной практикой подход, предусматривающий реализацию общенациональной программы (или плана) социально-экономического развития, основанной на вышеприведенной методологии.

С.С. Сулакшин

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПРОМЫШЛЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Сулакшин Степан Степанович – доктор физико-математических и политических наук, Генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования.

В данной статье отражены результаты исследования, проведенного научно-экспертной группой, созданной на базе ведущих институтов РАН, Торгово-промышленной палаты РФ и целого ряда региональных научных и практических центров*. Ключевые научные вызовы, которые мы будем рассматривать, следующие.

Первое. Удивительно, но что такое государственная промышленная политика, зачастую не только в научном, но и в практическом аспекте многие представляют себе с трудом. Самое печальное то, что иногда и на самых высоких государственно-управленческих уровнях. Ее путают с узкими инструментальными способами межотраслевого промышленного регулирования, с корпоративными интересами в ходе лоббистского нажима крупного бизнеса на российскую власть с целью удовлетворения этих интересов.

Второе. В нашем анализе два ключевых слова: государственная и промышленная. У государства есть система своих критериев хозяйственной деятельности и соответствующих интересов. Эта система предусматривает учет интересов частного бизнеса, но главное в ней ее ядро – обеспечение долгосрочного устойчивого социально-экономического развития, национальной безопасности, уровня жизни большинства населения. При таком подходе становится видна разница между категорией «промышленная политика» в обыденном понимании и тем, что является предметом настоящей работы – государственной политикой промышленного развития России. Кажется, что звучит похоже, но разница большая. Заметим, кстати, что промышленная политика как переводной термин с английского (*industrial policy*) достаточно узкий государственный инструмента-

* О высказанных предложениях более подробно см.: «Государственная политика промышленного развития России: От проблем к действиям». М., Наука, 2004; «О государственной промышленной политике России: Проблемы формирования и реализации». – М.: ТПП РФ, 2003.

рий, воплощенный в основном в виде структурных перестроек в развитых индустриальных и постиндустриальных странах, в которых задачи управления экономическим развитием существенно иные, чем в РФ. Если говорить о промышленной политике в международном понимании, то это лишь часть тех проблем и задач, которые нужно решать нам в своем экономическом развитии. Поэтому мы говорим о политике государства, нацеленной на решение задачи промышленного развития страны в целом.

Эта задача шире, чем просто промышленная политика. Она лежит в контексте формирующегося в России перехода от этапа финансовой стабилизации к этапу экономического роста и развития. Руководство страны начинает обозначать эти цели, включая в них, в том числе, удвоение ВВП. Учитывая, что 30% ВВП формируются в промышленном секторе экономики, то можно утверждать, что специальные макроэкономические и иные меры, посвященные именно промышленному развитию, вносят решающий вклад в стимулирование экономического роста и удвоение ВВП.

В нашем определении государственная политика промышленного развития – это согласованная система законодательных, административных, финансово-экономических государственных решений, мер и действий, позволяющих управлять развитием промышленности в стране в соответствии с поставленными целями такого развития. Цели в разные периоды могут быть разные, однако действенная промышленная политика не может ограничиваться частными и конъюнктурными аспектами, как мы, к сожалению, часто наблюдаем в государственной практике. Например, «всерьез» разрабатываются, как официальные документы, основы инновационной политики государства или стратегии развития какой-то отрасли. Чтобы государственная политика мер, как управленческий комплекс воздействия на развитие страны, могла бы быть реализована и, вообще говоря, именно на это нацеливалась – она должна включать как минимум три структурных блока.

Первый блок – это идейное и концептуальное позиционирование: чего хотим и куда движемся. Определение позитивистских ценностных установок. Второй – программа реализации промышленной политики в виде конкретных решений, мер и действия, порядок их осуществления как отражение управленческой задачи. Здесь важно подчеркнуть разницу между публичной декларативной политикой и конкретной государственно-управленческой деятельностью, которая должна приводить к позитивным и материализованным результатам. И, наконец, третий блок (это уже в рамках государственно-управленческой задачи) – пакет нормативно-правовых и организационно-управленческих актов по реализации указанной политики промышленного развития, очевидно, что при таком подходе промышленная политика является частью общегосударственных усилий, коррелирует и пересекается с макроэкономическим регулированием,

затрагивает отдельные сферы государственного управления – финансовую, банковскую, кредитно-валютную, таможенную – и предусматривает иные инструментальные возможности государства влиять на экономическое развитие. Вместе с тем, когда ставится задача формирования промышленных пропорций и исправления накопившихся диспропорций, то находится место и для промышленной политики в упомянутом узком смысле: это структурная реформа.

Представляется важной сама методология формирования государственной политики. Формировать ее нужно, начиная с определения целей и ценностных критериев. Только исходя из них, могут быть идентифицированы проблемы, которые мешают достижению этих целей. Не сказав, чего мы хотим, в итоге мы не сможем определить и то, что мешает нам. Следующий этап – выбор концептов решений, идейно-экономическое позиционирование, часто отражающее дискуссии в обществе и в политических кругах. Далее – перевод концепта решения в технологическую управленческую формулу и превращение этой формулы в требуемый регламентами процедур государственного управления и регулирования нормативно-правовой и распорядительный текст решения. Такая последовательность действий представляет собой классическую цепочку в системе управления. А именно: обозначение и задание функции цели, затем выбор инструментов управления системой, затем само управление и обратная связь с точки зрения оценки результатов и корректировки управленческих действий.

Итак, что же является функцией цели в современной промышленной политике России? Сама цель уже формулировалась: устойчивое долгосрочное социально-экономическое развитие, национальная безопасность и повышение уровня жизни большинства населения страны. Функция цели, которая нам кажется наиболее актуальной, – обеспечение пропорций, гармоничности и промышленного роста в стране с точки зрения отраслевых пропорций и пропорций в структуре экспорта. Вычисленные удельные показатели России сильно отличаются от среднемировых (по ведущим странам мира). В частности, доля сырья в экспорте России в шесть раз превышает показатели, характерные для устойчивых и эффективно развивающихся стран. На десятки, сотни процентов в негативную сторону отличаются по пропорциям развитости обрабатывающие отрасли промышленности. Чем они дальше удалены по шкале переделов от топливно-энергетического комплекса в сторону высоких технологий, тем хуже ситуация. Данные структурные диспропорции развитости по существу задают функцию цели государственного управления. Уменьшение и ликвидация диспропорций предусматривают выбор инструментария и конкретные шаги государственного управления.

Каковы же основные проблемы, которые в настоящее время необходимо ставить и решать?

Первая и основная – это разлаженный механизм воспроизводства, прежде всего в финансовой области, но также в сферах науки, инноваций, природо-

пользования. Вторая – дефицит и урезанность государственно-управленческого правового инструментария. У государства не хватает соответствующих прав для управления и регулирования, создания стимулов и мотиваций участников рынка, реализации доступных источников инвестирования и стимулирования роста, перераспределения ресурсов. И третья проблема – это ликвидация диспропорций, необходимость структурной перестройки, перелива капитала межсекторного – из финансового в реальный сектор; межотраслевого – из сырьевых в высокопередельные отрасли; межрегионального – из высокоразвитых в менее развитые регионы.

Можно дискутировать по поводу приоритетности этих проблем. Но самым объективным арбитром выглядят практикующие руководители промышленных предприятий, предпринимательство и бизнес России, являющиеся основой экономики. Опросы, которые проводит Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ, однозначно показывают, что от 50 до 90% руководителей практикующего предпринимательства называют недостаток собственных средств фактором № 1, торпедирующим экономическое развитие. Второй фактор (до 77%) – недостаточный спрос на внутреннем рынке. Третий фактор (до 65%) – неплатежеспособность заказчиков и, наконец, высокий процент коммерческого кредита. Но надо учесть, что кредитуются менее 30% промышленных предприятий, заимствования на фондовых рынках доступны только 3% промышленных предприятий. Первейшая задача государственной политики промышленного развития – восполнение недостатка оборотных средств и доступных промышленности с учетом ее реальной рентабельности инвестиционных ресурсов. Данный недостаток лежит на совести государства, потому что после основных фондов страны в частные руки оборотные средства не были ни переданы, ни индексированы в ходе либерализации цен. Не были также созданы условия, которые позволили бы наработать частному сектору эти ресурсы самостоятельно.

Выделив и обозначив указанные три проблемы как главные, мы неизбежно должны разбить их на целый ряд задач, сформировать так называемое проблемно-управленческое дерево. В своем основании оно в итоге распадается на обширный перечень атомизированных проблем, которые могут иметь конкретные решения в виде мер и действий управления. Например, если необдуманно лишили предприятия стимулов к самоинвестированию, изменив 25 главу Налогового кодекса, и налоговые инвестиции за счет этого упали, то надо вернуть и оосовременить данный механизм. Да к тому же ввести налоговую инвестиционную премию как стимул для развития предприятия за счет собственных или привлеченных самостоятельно ресурсов.

Таких неагрегированных по их решениям задач в российской повестке дня сотни, при укрупнении за счет некоторых перекрытий проблемных и управленческих полей – десятки. Когда приходится слышать, что можно одним законом

или одной мерой, или одной идеей решить проблемы промышленного развития в современной России – это трудно воспринимать серьезно.

Пожалуй, самая существенная задача, на которой нужно остановиться, – искусственный и разрушительный финансовый дефицит. Инвестиционный голод в стране является главным препятствием на пути стимулирования экономической реформы. Предполагалось, что в результате борьбы с инфляцией, принятия мер финансовой стабилизации будет создан инвестиционно-привлекательный климат, и в Россию придут массивированные иностранные инвестиции. К 2004 г. стало совершенно ясно, что это ошибочная ставка, которая не состоялась. Трансграничный баланс потоков инвестиций в 2004 г. для России составил минус 9,2 млрд. долл. при том, что зарубежных инвестиций было 29,7. Но из них тут же на обслуживание и прибыль ушло обратно за рубеж 15,6 млрд. долл. В то же время собственные российские инвестиции за рубежом составили 23,3 млрд. долл. М. Фрадков верно поставил вопрос о необходимости найти внутренние источники роста. Выполняя эту задачу, мы провели корреляционный анализ и убедились, что главным фактором прироста ВВП в стране являются инвестиции на входе национальной экономики. Коэффициент корреляции в российских условиях за последние 13 лет составил 0,92–0,94. Для сравнения: коэффициент корреляции между сокращением доли госрасходов ВВП и приростом ВВП в этот же период составляет всего 0,13. Это означает, что никакой причинно-следственной связи здесь нет, и идея сокращения государственных расходов неработоспособна. Точно так же неработоспособна и опасна идея ликвидации естественных монополий, освобождения их тарифов и создания так называемой конкурентной среды в этой сфере. Коэффициент корреляции подобного фактора с приростом ВВП составляет минут 0,82. Это означает, что разрушительные и стагнационные явления в экономике будут неизбежны.

Очень интересны вычисления, которые показывают, что условная рентабельность, отклик национальной экономики в виде прироста ВВП на прирост инвестиций на ее входе достигает 0,76, что представляет собой очень высокий коэффициент. Лаг времени до отклика экономики на прирост инвестиций составляет менее года. Следовательно, задача удвоения ВВП конкретизируется: найти источники инвестиции и механизм ввода дополнительных средств в национальную экономику.

В структуре средств, которые в России инвестируются по факту, собственные средства предприятий составляют около половины. Вложения банков составляют менее 5%, иностранные инвестиции – около 5%, заимствования на фондовых рынках – от 10 до 15%, средства государственного бюджета – лишь 19%.

Неудовлетворенную инвестиционную потребность можно подсчитать, в частности, по выставленным инвестпроектам естественных монополий, малого биз-

неса, строительства жилья, регионов и отраслей. Для строительства требуемого в стране жилья по рыночной стоимости необходимы 350 млрд. долл. Никакими поправками к законам, мелкими решениями не решить главный вопрос – откуда возникнут эти ресурсы? Суммарная потребность в инвестициях составляет около 100 млрд. долл. в год, дополнительно к существующим. Вместе с тем, если у российских банков все их активы, включая Центробанк, меньше 200 млрд. долл., то понятно, что банки не в состоянии решить поставленную задачу. Точно также не решают ее ни внешние инвестиции, ни все другие известные на сегодняшний день источники.

Но тем не менее источники есть, и прежде всего это недостаточная монетизация российской экономики. В цифрах она выглядит на сегодняшний день таким образом: коэффициент М2 – денежный агрегат, отнесенный к ВВП в России, составляет 24%, в Японии – 150, в Китае – 215, в США – 55, среднемировой – 50%. Что это означает в абсолютных цифрах? Если Россия монетизирует свою экономику хотя бы на уровне Англии, то она могла бы ввести в хозяйственный оборот 343 млрд. долл. по пропорциям прошлого года. Вот он искомый порядок цифр. Можно ли их реально найти? Да, можно. Во-первых, расчеты инфляционных последствий показывают, что они не превысят 1–3%, если в хозяйственный оборот будет введена эмиссионная денежная масса исключительно инвестиционного назначения. На семилетний период инвестиционной ремонетизации сумма составит до 42 млрд. долл. ежегодно. Не используется в России, замораживается в стабилизационном фонде до 8 млрд. долл., неведомо зачем нужен профицит бюджета, не используются пассивы банка с государственной долей капитала как источник прибыли. На инвестиции можно направить часть прибыли Центробанка, часть золотовалютного резерва, который по экономическим законам уже превысил на многие десятки процентов уровень, который необходим для национальной безопасности и устойчивости валютно-денежной системы страны. Есть другие источники, включая природную ренту, доходы от приватизации, пенсионные накопления. По минимальным оценкам, застрахованный от инфляционных последствий объем вложений из национальных источников составляет до 82 млрд. долл. в год. Нужно отметить, что по опыту многих стран и по нашим расчетам в условиях, когда денежная масса вводится в инвестиционный контур национальной экономики с лагом времени менее года, на рынке увеличивается предложение, а баланс спроса и предложения работает в сторону снижения инфляции.

Конечно, главная проблема, которая при этом изучалась, – это инфляционные последствия и последствия в отраслевом и региональном росте, в выправлении диспропорций развитости. Расчеты показали, что коэффициент корреляции между приростом денежной массы, агрегатом М2 и совокупной инфляцией потребительского спроса в России составил всего лишь 0,15. Поэтому звучав-

шие в 90-е годы заявления о том, что сжатие денежной массы и внутреннего спроса в стране представляет способ борьбы с инфляцией, являются не более чем мифом. Реально действуют другие, более существенные факторы инфляции: импортизация российского рынка и подтягивание внутренних цен к мировым; неадекватно регулируемые цены услуг естественных монополий как основной фактор издержек производства и ценообразования в отраслях промежуточного спроса. Это инфляционные ожидания и лишь на 1/5 – монетарный фактор.

Таким образом, источники для инвестирования внутреннего происхождения существуют, расчеты и прогнозы показывают, что инфляционные последствия управляемы и невелики, составляя не более 1–3% прироста к инерционному прогнозу за восемь лет. Вместе с тем восемь лет ВВП с ежегодным темпом роста 9% удваивается, более чем в два раза растут оборотные средства частных рыночных субъектов. Это и есть реализация обязанности государства создавать частному капиталу возможности прирастить собственные средства. Почти удваиваются доходы консолидированного бюджета и доходы занятого населения.

Возникает существенный вопрос – каким образом дополнительные инвестиционно-кредитные ресурсы ввести в национальную экономику? Анализ семи возможных государственных инвестиционно-кредитных механизмов, начиная от бюджетного кредитования и кончая уполномоченным Российским банком развития, несостоявшимся в этой роли, показывает, что наиболее готовой и эффективной формой, просчитанной по механизмам реализации, является государственный внебюджетный фонд. Мы дали ему рабочее название Ссудного фонда промышленности.

Основная формула подхода в этом отношении следующая. Если мы признаем за государством его основные миссии и сферы ответственности, а также принимаем создаваемые им в этих сферах инструменты для обеспечения старости (пенсионный фонд), здоровья нации (фонд обязательного медицинского страхования, социальной устойчивости – фонд соцстраха), то мы должны согласиться и с тем, что ответственность государства за устойчивое социально-экономическое развитие в долгосрочной перспективе не менее важная миссия. Соответственно, в ряду трех государственных внебюджетных фондов вполне может появиться еще одна концепция, которая будет детально разработана с точки зрения структуры управления, источников поступления средств, механизмов администрирования и направлений расходования.

В направлениях расходования выделим следующие. Самое главное – кредитование промышленности, поддержка высокотехнологического экспорта, приоритетных отраслей и проектов. Далее, кредит населению под строительство жилья, который способен активизировать и запустить ипотеку в масштабах близких к тем, которые выражают реальную потребность в жилье. Кредит малому бизнесу. Кредитование лизинговых компаний, которые разместят заказ в

станкостроительной и авиационной промышленности, транспортном машиностроении, сельхозмашиностроении, затем передадут эту продукцию в лизинг отечественным же отраслям, потребляющим ее. Все это не только оживит промышленность, способствуя загрузке мощностей, но и даст возможность модернизировать основные фонды, обеспечит рост.

Очень важно инновационно-венчурное направление расходования высокорисковых средств. Кредит самого государства необходим для исправления диспропорций в государственном заказе, включая оборонный заказ. Актуальность этого направления очевидна: закупки вооружения и военной техники в США на одного военнослужащего по современным военным нормативам составляют более 50 тыс. долл. в год, в России – около 1,5 тыс. долл. в год. Выводы очевидны.

Благодаря возможностям вычисляемой модели национальной экономики, разработанной в Центральном экономико-математическом институте РАН, были рассчитаны с точностью по ВВП до 4% в год прогнозы последствий создания ссудного фонда промышленности. Показано, что реализуем вариант дополнительного инвестирования в год около 60 млрд. долл. Средства расходуются исключительно на инвестиции при сроках возвратности до десяти лет и учетных ставках в единицы процентов зависимости от приоритетности направления расходования. Прогнозы показывают, что за восемь лет от начала включения механизма ВВП может удвоиться не за счет накачки ценовым ростом или увеличения экспорта сырья, а за счет развития, капитализации средств, создания новых рабочих мест, обновления фондов, увеличения конкурентоспособности, выхода на новые или утраченные сегменты мирового рынка.

Роль и ответственность науки, научно-экспертного сообщества заключается в том, чтобы подставить плечо помощи в виде квалифицированных предложений, расчетов, прогнозов, составления проектов управленческих документов правительству, которое, на наш взгляд, все более склонно разделить идеи нахождения реально действующих источников исправления диспропорций и стимулирования экономического роста в стране.

М.И.Гельвановский

НАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ КАК ОСНОВА ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Михаил Иванович Гельвановский –
доктор экономических наук,
Институт экономики РАН,
Национальный институт развития РАН.

Промышленная политика и конкурентоспособность

В условиях разворачивающегося процесса глобализации мировой экономики парадоксальным образом растет конкурентное напряжение на мировых рынках. При этом формы конкурентной борьбы становятся все более жесткими, а утрата конкурентных позиций становится все более опасной, так как современная мировая экономическая динамика оставляет все меньше шансов для их возврата. Особенно остро проблема повышения конкурентоспособности национальной экономики стоит перед Россией, потерявшей за истекший период последнего десятилетия ушедшего века значительные свои конкурентные преимущества¹.

Необходимо отметить, что сегодня именно *теоретическая постановка задачи* повышения конкурентоспособности национальной экономики представляет собой важный стратегический прорыв в сфере государственного управления.

Это связано с тем, что в самой такой постановке задачи уже заключено сочетание достижения, по крайней мере двух важнейших целей: с одной стороны, повышения эффективности функционирования всей хозяйственной системы страны и, с другой – обеспечения ее национальной безопасности. В целом же повышение уровня конкурентоспособности национальной экономики является не чем иным, как интегрированной формой решения практически всего комплекса задач, отражающих национальные интересы страны.

1. См.: Гельвановский М.И. и др. *Конкурентоспособность России в 90-е годы. Межстрановой макроэкономический анализ*. – М.: ИМЭМО РАН, 2000. – С. 116–118.

Совершенно очевидно то, что задача выработки эффективной промышленной политики должна ставиться как часть общей концепции повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Три уровня и три типа факторов конкурентоспособности

Конкурентоспособность отдельной страны формируется на трех уровнях:

- конкурентоспособность товаров, производимых в данной стране (*микрo-конкурентоспособность*);
- конкурентоспособность предприятий и фирм национального базирования, производящих товары и услуги и поддерживающих результатами своей коммерческой деятельности государственный бюджет страны (*мезоконкурентоспособность*);
- конкурентоспособность (эффективность) функционирования всей совокупности государственных и общественных институтов и организаций, обеспечивающих согласованность работы всего хозяйственного организма страны и его эффективное взаимодействие с другими странами, что создает условия для положительной экономической динамики и социальной стабильности и позволяет предприятиям работать с максимальной эффективностью (*макроконкурентоспособность*).

Из всех трех уровней обеспечения конкурентоспособности, главным является макроуровень, поскольку именно здесь формируются фундаментальные предпосылки эффективности экономической системы страны, такие как историко-культурные традиции, воспитание, образование, фундаментальный научный и культурный потенциал, структура национальной экономики и промышленности, обусловленная природными и историческими особенностями, а также факторы ее безопасности. Однако реализация этих предпосылок зависит от того, как они используются на мезоуровне и к каким результатам это приводит на микроуровне.

К этим трем уровням можно еще добавить *гипермакроуровень*, когда в качестве субъектов конкурентной борьбы выступают не отдельные страны, а *объединения нескольких стран*, которые предварительно договариваются проводить согласованную экономическую политику, т.е. создают *совокупные конкурентные преимущества на макроуровне*. Наиболее яркий пример – Евросоюз. Но есть и другие – НАФТА, АСЕАН. В принципе, совокупные конкурентные преимущества более надежны и дело постепенно идет к тому, что конкуренция постепенно будет переходить на этот гипермакроуровень, хотя процесс этот не простой и не быстрый.

Кстати, в отличие от наших конкурентов мы (имеется в виду бывший СССР, а сегодня – Россия) от своих совокупных конкурентных преимуществ

фактически добровольно отказались, позволив развалить общее экономическое пространство СЭВ и СССР. При этом пока практически не прилагаются достаточно серьезные усилия по его восстановлению (этого пространства, а не СССР и СЭВа, конечно). Совершенно очевидно, что утрата этих совокупных конкурентных преимуществ на руку нашим конкурентам.

К сфере макроконкурентоспособности можно отнести и развитие *региональных хозяйственных* комплексов на национальном уровне, поскольку принцип формирования их конкурентных преимуществ будет очень близок (своего рода макроуровень второго порядка). Однако здесь есть некоторые особенности относительно связи такой макроконкурентоспособности с экономической безопасностью.

Все факторы, обеспечивающие конкурентоспособность национальной экономики, можно сгруппировать в *три основных блока, характеризующих тип конкурентных преимуществ*:

ресурсные – наделенность субъектов конкуренции (например, страны или фирмы) различными видами ресурсов, позволяющих им производить *товары соответствующего качества*, более высокого, чем у конкурентов, которые вынуждены закупать недостающие ресурсы на мировом рынке;

операционные – совокупность организационных, экономических и научно-технологических факторов, позволяющих субъектам конкуренции (стране или фирме) добиваться *высокой эффективности использования имеющихся в ее распоряжении ресурсов*, и на этой основе *снижать издержки и цены*, повышая конкурентоспособность своих товаров;

стратегические – совокупность стратегических решений и принятых на их основе программ развития фирмы, предприятия, экономики страны, позволяющих оптимально сочетать их ресурсную базу и операционные преимущества (а для страны еще и ее историко-культурные особенности) для *формирования уникального пути ее развития*, которые делают субъекты конкуренции недостижимыми для глобальных конкурентов.

Каждый уровень и каждый тип конкурентных преимуществ должен описываться своей системой показателей. Рассмотрим это подробнее.

Из трех уровней конкурентоспособности, рассматривающих проблемы промышленной политики, для нас наибольший интерес представляют мезо- и макроуровни.

Мезоконкурентоспособность

На мезоуровне, как отмечалось выше, анализируется конкурентоспособность предприятий и фирм, а также различного рода объединений производителей товаров. Мезоуровень – это сфера, где собственно происходит процесс

формирования конкурентных преимуществ товаров, их совокупной конкурентоспособности. Решающими факторами в этом процессе являются общий потенциал предприятия или фирмы, система организации производства, качество используемого оборудования, эффективность его использования, квалификация кадров, применение современных технологических схем. Очень много зависит от внедрения новых технологий, наиболее передовых форм и методов организации производственных процессов, а также умения управляющих структур компаний адекватно выстраивать свои стратегии, чтобы переигрывать своих конкурентов, постоянно оказываться впереди, предугадывая развитие ситуации на рынках, а если это удастся, то в значительной мере *формировать эту ситуацию, исходя из своих стратегических целей.*

Главной целью конкурентной борьбы здесь являются не только деньги потребителя, но и более широкие потребности – устойчивое получение инвестиционных средств для удержания занятых рыночных ниш, а также для развития деятельности компании, освоения новых рынков.

Из трех типов конкурентных преимуществ – ресурсных, операционных и стратегических – в отношении данного уровня и с позиций промышленной политики нас интересует прежде всего стратегия, которая как стержневая линия поведения фирмы практически всегда предполагает **выбор в пользу решения главной задачи и отказа от всего того, что этому мешает.** В сущности выстраивание конкурентной стратегии и заключается в выборе видов деятельности, отличных от видов деятельности конкурентов. Подбор правильной комбинации видов деятельности является более существенным фактором конкурентного преимущества, чем многие полагают. С позиций отраслевой специализации он является наиболее значимым.

Еще один важный аспект системной организации деятельности необходимость высокого уровня координация и четкого и регулярного обмена информацией. Это неперемные условия предотвращения операционной избыточности и минимизации потери сил, времени и средств. *Принцип системности имеет наивысший приоритет при формировании конкурентной стратегии компании или группы компаний, проводящих общую конкурентную политику.*

Однако при анализе конкурентоспособности на мезоуровне важно учесть, что стратегическая составляющая и стремление быть непохожим создают объективные препятствия для проведения сравнительных оценок конкурентных позиций фирм, поскольку *стратегические компоненты конкурентоспособности, как правило, не квантифицируются, т.е. не поддаются количественному измерению, а следовательно крайне трудно сравнимы.* Более того, стратегическая компонента заставляет аналитиков, помимо проведения традиционных сравнений, искать пути разгадки стратегических замыслов конкурентов и с учетом этого оценивать конкурентоспособность своих противников, что является задачей далеко

непростой, потому что компании, особенно крупные, выстраивают свои стратегические планы на достаточно длительный период, иногда на десятилетия.

Макроконкурентоспособность как главная проблема промышленной политики

Макроуровень – это основа, на которой формируются конкурентоспособность предприятий и фирм, их корпоративных объединений, отраслевых комплексов, согласованное взаимодействие не только между ними, но также между государственными и общественными институтами, что создает условия для положительной экономической динамики и социальной стабильности и позволяет предприятиям работать с максимальной эффективностью.

Понятие макроконкурентоспособности или конкурентоспособности страны поначалу связывалось с ее внешнеэкономической деятельностью. Вся история современных теоретических исследований в области конкурентоспособности стран показывает, что заложенные классиками основы развивались по пути углубления отмеченных выше положений. Наряду со сравнением факторов, формирующих внешнеэкономические секторы стран, которые внешне и выступают конкурентами на мировых рынках, постепенно начал складываться более широкий подход к понятию конкурентоспособности. В целом конкурентоспособность страны стала рассматриваться как показатель, интегрирующий три составляющие: ценовую, технологическую и структурную.

Дальнейшее развитие этот подход получил в начале 90-х годов в рамках программы ОЭСР «Технология и экономика» (TEP)². Это исследование еще более изменило, по сравнению с традиционным, подход к понятию конкурентоспособности. Ее главными опорами были признаны технология, инновационные системы, а также *общая институциональная и социальная среда* наряду со стратегией корпораций и эффективным использованием человеческого капитала. Другую опору по-прежнему образуют затраты и цены, хотя их роль постепенно уменьшается.

Особый взгляд на проблему конкурентоспособности страны формулирует М. Портер. В основе его концепции национальной конкурентоспособности лежит, как и у его предшественников, эффективность использования факторов производства. Однако, в отличие от своих предшественников, он считает, что «успех в международной конкуренции определяют не столько сами эти факторы, сколько то, кто, где и насколько продуктивно их применяет»³. М. Портер исходит из того, что основной на международном рынке является *конкуренция*

2. TEP. *The Tehnology / Economy Programme. Tehnology and the Economy. The Key Relationships.* OESD, Paris, 1992.

3. Портер М. *Международная конкуренция.* – М., 1993. – С. 33.

фирм, а не стран. Он считает, что «при попытке ответить на вопрос о конкурентоспособности на национальном уровне мы пытаемся давать ответ *на неверно поставленный вопрос*». «Понятия, которыми мы должны здесь оперировать, – полагает он, – это детерминанты производительности и скорости роста производительности. Для поиска ответов необходимо фокусировать свое внимание не на экономике как целом, а на определенных отраслях и сегментах отрасли»⁴.

Аргументы такой позиции, на первый взгляд, могут показаться убедительными: с одной стороны, «преимущества, которых страна достигает в конкуренции на международном уровне, часто концентрируются во вполне определенных сегментах промышленности», а с другой – «во многих отраслях и сегментах компании, достигшие реальных успехов в международных масштабах, базируются только в нескольких странах». Это верно. Поэтому свои исследования конкурентоспособности стран М. Портер строит на изучении этих отраслей⁵. Более того, М. Портер считает, что в современных условиях постулаты, на которых зиждется классическая теория сравнительных издержек, объясняющая более высокую конкурентоспособность стран в отдельных отраслях на основе так называемых факторов производства (земля, т.е. природные ресурсы, труд и капитал) в современный период *требуют пересмотра*. Как мы видели, согласно этой теории, страны получают конкурентные преимущества лишь в отдельных отраслях, в которых наиболее интенсивно задействованы те факторы, которыми они обеспечены в большей мере, чем другие страны. Однако в условиях развития современной экономики в целом и, особенно, высоких технологий, а также в условиях глобализации конкурентной борьбы эта основа формирования конкурентных преимуществ, по мнению автора, размывается.

Не давая ответа на вопросы, поставленные новыми условиями, М. Портер выдвигает ряд задач перед новой теорией конкурентоспособности, которая должна учесть тот факт, что в современном международном соревновании различные компании конкурируют в рамках глобальной стратегии с вовлечением не только трудовых ресурсов, но и иностранных инвестиций. Новая теория должна объяснить, *в силу каких причин определенное государство оказывается предпочтительным для базирования компаний, участвующих в международной конкурентной борьбе*. «Страна базирования, – поясняет М. Портер, – это та страна, в которой создаются и поддерживаются основные конкурентные преимущества предприятия. Это та страна, где вырабатывается стратегия компании, в которой создаются и поддерживаются базовый продукт и технологические процессы;

4. Портер М. *Международная конкуренция*. – М., 1993. – С. 169.

5. Одна из основных и фундаментальных работ М. Портера 1990 г. «Конкурентные преимущества стран», в русском переводе: «Международная конкуренция» (М., 1993) как раз базируется на таком подходе.

там же локализованы наиболее производительные работы и сконцентрирована самая квалифицированная рабочая сила»⁶. Последним утверждением, однако, ученый невольно как бы опровергает свое собственное утверждение, поскольку, например, квалифицированная рабочая сила, особенно в современных условиях высокой экономической и производственно-структурной динамики, – есть результат работы не одной или нескольких компаний и даже отраслей, а *всей системы образования в стране*. И это только одна из многих позиций, по которым точка зрения, предлагаемая М. Портером, является в лучшем случае спорной.

Мне уже доводилось высказывать в печати свое мнение о том, что по существу М. Портер ушел от реального рассмотрения проблем макроконкурентоспособности, переведя их фактически на мезоуровень, что позволило ему уклониться от анализа многих трудных проблем, не относящихся непосредственно к экономике, и сконцентрировать внимание на прагматичных вопросах отдельных фирм и их отраслевых объединений⁷.

По существу, взгляды М. Портера отражают новую, еще только формирующуюся идеологию мировой хозяйственной системы – глобальную. Поэтому у него компании становятся уже не национальными, а «*национального базирования*»; т.е. подразумевается, что характер их в основном транснациональный. Как бы предвзято развитие событий в направлении усиления и углубления глобализма, М. Портер предлагает подумать над тем, что могли бы сделать страны для привлечения транснациональных компаний, дабы те воспользовались их территорией для своего базирования. Из этого вытекает и главное направление межстрановой конкуренции: более конкурентоспособной будет та страна, которая сможет предоставить ТНК наиболее благоприятные условия для их базирования. При этом фирмы у него уже представители не какой-либо страны, а отрасли или ее сегмента. «Страна добивается успеха тогда, когда условия в стране благоприятствуют проведению наилучшей стратегии фирмами какой-либо отрасли или ее сегмента. Многие из особенностей страны облегчают или, наоборот, затрудняют проведение той или иной стратегии»⁸.

Сосредоточив свое внимание на анализе конкурентных преимуществ в виде благоприятной среды на уровне комплексов отраслей, М. Портер отмечает, что «*нации преуспевают не в изолированных отраслях, а в комплексах отраслей, связанных отношениями по вертикали и горизонтали*. Национальная экономика

6. Одна из основных и фундаментальных работ М. Портера 1990 г. «*Конкурентные преимущества стран*», в русском переводе: «*Международная конкуренция*» (М., 1993) как раз базируется на таком подходе. – С. 170–171.

7. Гельвановский М.И. и др. *Конкурентоспособность в микро-, мезо- и макроуровневом измерениях* // *Российский экономический журнал*. – М., 1998. – С. 70.

8. Портер М. *Международная конкуренция*. – М., 1993. – С. 33.

состоит из системы комплексов, чьи характеристики и источники конкурентных преимуществ (или слабостей) отражают состояние экономики»⁹. Другими словами, у него уже национальная экономика – это часть глобальной экономики, специализирующаяся на какой-либо отрасли в глобальном масштабе.

Анализ эволюции взглядов на конкурентоспособность страны дает основание сказать, что они строятся на трех основных подходах к этой категории. Первый подход исходит из *значимости и эффективности внешнеэкономической деятельности* страны и требует сопоставления издержек, цен и факторов производства, связанных именно с этой деятельностью. Другой подход *расширяет круг этих факторов до анализа и учета характера общей институциональной и социальной базы, формирующей хозяйственную систему страны*. Третий подход вообще *переносит акцент со страны на фирмы, отрасли и комплексы отраслей*, а странам фактически отводит функцию их обслуживания; тем самым конкурентоспособность стран сводится к их способности привлечь эти фирмы, отрасли и комплексы их базирования. По существу это *отрицание макроконкурентоспособности как таковой*, подмена ее конкурентоспособностью фирм и отраслей.

При этом крайне сомнительна целесообразность лишения отдельно взятой страны тех характеристик конкурентоспособности, которые сам М. Портер считает чрезвычайно важными для отдельно взятой фирмы. Если правильный выбор и неукоснительное следование стратегии *препятствуют разрушению целостности компании* – это тем более важно для страны! Особенно, если учесть, что конкуренты, сталкиваясь с четкой стратегической линией, нередко бывают вынуждены принять ее, отказываясь от собственной стратегии, что неизбежно ведет к снижению их конкурентоспособности. Кроме того, общие цели экономической деятельности намного важнее, нежели задачи ее отдельных направлений. Конкурентные преимущества вырастают из комплекса всех видов деятельности, а принцип системности имеет наивысший приоритет при формировании конкурентной стратегии компании. Если все это важно для отдельной компании, то насколько это более важно для отдельной страны!

Данные положения являются принципиальными для выработки единой для страны промышленной политики. Если они отвергаются или подвергаются сомнению, тогда подвергается сомнению сама идея промышленной политики.

Конкуренция и монополия

Отметим еще одно важное обстоятельство, связанное с формированием конкурентной стратегии и вытекающей из нее промышленной политики. При-

9. Портер М. *Международная конкуренция*. – М., 1993. – С. 73.

нято считать, что конкурентоспособность страны формируется как *совокупность конкурентоспособности ее товаров, предприятий и фирм*. На этом основании часто строится подход к проблемам повышения национальной конкурентоспособности, представляемой как *конкурентоспособность отечественных товаропроизводителей*. Но это лишь *внешнее* представление и достаточно поверхностный подход.

На самом деле конкурентоспособность товаров и фирм формируется на национальной социокультурной и исторической базе. Именно этот социокультурный фундамент создает предпосылки для формирования структуры национального хозяйства, образа хозяйственного поведения, специализации страны на производстве тех или иных продуктов и услуг.

Фактически происходит накопление факторов формирования конкурентоспособности от макро- к микроуровню. Продукты и услуги, как уже отмечалось выше, лишь *венчают* этот сложный процесс формирования конкурентоспособности.

Из этого вытекает очень важный вывод: в *системе*, где формируются конкурентные преимущества, к проблеме конкурентной организации производства необходимо подходить крайне осторожно. В ряде случаев в такой системе конкуренция *либо вообще не должна иметь место, либо она должна носить ограниченный характер*.

Это связано также с тем, что конкуренция имеет не только положительные стороны (создание стимулов к росту эффективности производства), но и *серьезные отрицательные стороны*, связанные с характеристиками, отражающими деструктивные действия конкурирующих субъектов и их стремлением получить преимущества за счет подрыва потенциала конкурентов. Именно по этой причине в развитых рыночных хозяйственных системах наиболее распространенной рыночной структурой является олигополия – нечто среднее между атомистической и монополистической рыночными структурами.

Кроме того, есть сферы, где сама конкуренция носит скорее символический, чем реальный характер. Фактически ее организация является искусственной затеей в угоду догматическим либеральным установкам, по своему императивному характеру сильно напоминающим требования плановой организации всех хозяйствующих субъектов в советской экономике. Утверждается, что «эффективность рынка» требует создания альтернативных систем газо-, тепло-, водо- и электроснабжения, параллельно действующих транспортных систем, других систем инфраструктуры. Ясно, что *шаблонный подход к конкуренции как универсальному средству повышения эффективности может завести в тупик*.

Крайне опасно переносить методологию организации производства и сбыта товаров в национальном хозяйстве на организацию систем жизнеобеспечения. Ведь в этих сферах конкуренция может принести больше вреда, чем пользы, особенно, если учесть суровые климатические условия России, ее огромные

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

пространства, неотработанность юридического и финансового сопровождения таких преобразований. Разрушение систем жизнеобеспечения не только способно подорвать конкурентные преимущества национальной экономики, но может вообще лишить ее способности к воспроизводству. Непонимание этого важного положения девальвирует усилия по обеспечению национальной безопасности страны.

В этой же связи следует отметить и закономерность процесса, при котором рост конкурентоспособности и череда побед в конкурентной борьбе, в конечном итоге, ведут... *к образованию монополии*. А монополия в рыночной экономике, подавляет конкуренцию, ведет к снижению заинтересованности фирмы в развитии конкурентных преимуществ, поскольку исчезает сам побудительный мотив к этому – конкурент.

Это относится как к отдельной фирме, так и к отдельной стране. И такое развитие событий ведет к застою и деградации. Поэтому в условиях рыночного хозяйства противоречия между тенденциями монополизации (следствием естественного роста мощи отдельных компаний и стран) и необходимостью сохранения конкурентного климата как основной движущей силы экономического развития хозяйственной системы, основанной на рыночных принципах, обычно преодолевается путем **внешнего (внерыночного) регулирования**. Как правило, эти функции берут на себя государство и/или общественные органы управления. Их задача состоит в нахождении и установлении в каждом конкретном случае оптимального соотношения допустимого уровня монополизации и степени конкурентного напряжения.

Другим аспектом этой проблемы является обеспечение все той же экономической безопасности. Именно внерыночное регулирование позволяет реализовать учет требований экономической безопасности в хозяйственной практике страны. При этом главную роль в реализации этой функции должно брать на себя государство.

Здесь мы сталкиваемся с *проблемой выбора между частной и государственной монополией*. Многие специалисты (экономисты, юристы, не говоря уже о социологах и политологах) вообще такого разделения не проводят и, как правило, любую монополию считают злом. Это категорически неверно. Особенно в отношении государственной монополии.

Любая частная компания стремится создать монопольные условия своего существования *для получения монопольной сверхприбыли*. Иначе такое стремление теряет всякий смысл. Но частная монополистическая компания, работающая под контролем государства или общественности, уже оказывается в условиях ограничения в получении монопольной прибыли. Тем более это относится к государственной монополии.

Государство, беря в руки монопольное право установления цен, одновременно *берет на себя и ответственность перед населением страны за справед-*

ливое использование этого права, т.е. ту ответственность, которой начисто лишена частная монополистическая фирма.

Таким образом, государственная монополия отличается от частной тем, что, как правило, она сопровождается социальной ответственностью, включающей и решение проблемы обеспечения экономической безопасности страны. У частной же монополии такая ответственность практически отсутствует.

Это обстоятельство крайне важно учитывать при формировании макростратегии конкурентного развития, поскольку *социальная стабильность в стране и ее экономическая безопасность являются определяющими условиями конкурентоспособности на всех трех – микро-, мезо- и макроуровнях.*

Задача повышения экономической эффективности в рыночной экономике может войти (и часто входит) в противоречие с социальной эффективностью, создавая проблемы безработицы, излишней экспортной ориентации (в ущерб национальным потребностям и интересам) или импортной зависимости и т.п. Все эти проблемы решаются в рамках реализации экономической политики государства, несущего ответственность перед населением страны за внутреннюю социальную стабильность и внешнюю безопасность.

Поэтому конкурентная стратегия на макроуровне, тесно связанная с решением экономических, социальных и политических проблем, фактически является неким общим итогом, результатом согласования этих стратегических линий.

О.Г.Голиченко

РОССИЙСКАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА НА ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ

**Голиченко Олег Георгиевич – доктор
экономических наук, профессор,
заместитель директора Российского
научно-исследовательского института
экономики, политики и права
в научно-технической сфере.**

Экономическую основу общества, базирующегося на знаниях, составляет национальная инновационная система, в которой налажены эффективные взаимоотношения между наукой, промышленностью и обществом. Инновации здесь служат основой развития экономики и общества, а потребности инновационного развития, в свою очередь, во многом определяют и стимулируют важнейшие направления научной деятельности. При формировании такой системы страны трансформационного периода сегодня сталкиваются с серьезными проблемами. В полной мере это относится и к России.

В качестве базовых задач государства по созданию эффективной модели элементов инновационной системы и их взаимодействия принимаются:

1. Сохранение и развитие исследовательской среды, обладающей высокой квалификацией, исследовательским духом, стимулами к сотрудничеству с предпринимательской средой.

2. Формирование предпринимательской конкурентной среды, субъекты которой обладали бы стратегическим мышлением, способностью к обучению, усвоению и использованию знаний.

3. Участие в формировании и развитии научно-исследовательской среды (НИС) как механизма взаимодействия этих двух сред, определяющего, с одной стороны, трансфер знаний, их распределение и трансформацию в предконкурентные технологии для предпринимательской среды, а с другой – ориентацию исследовательской среды на удовлетворение инновационных потребностей производства.

1. Исследовательская среда

Со стороны мирового научного сообщества наблюдается рост интереса к результатам научной деятельности в странах Восточной Европы и СНГ*. Индикатор значимости (1) публикационной активности данных регионов составляет 91% уровня внешнего мира. Это выше значений показателя для Северной Америки (79% от внешнего мира). В регионах стран Восточной Европы и СНГ Россия обеспечивает около 50% публикаций в журналах, анализируемых Институтом научной информации США (Institute for Scientific Information). Россия занимает достаточно активную позицию в международном научном сотрудничестве. С 1994 г. она входит в число основных 15 стран, активно сотрудничающих в совместных научных публикациях с США. Регион в целом почти в полтора раза больше «экспортирует» знаний, чем их «импортирует».

Если масштаб произведенной российской научной продукции оценивать по количеству статей, то по сравнению со странами Восточной Европы и СНГ он все еще достаточно велик. Но сам масштаб производства знаний в Восточной Европе и СНГ невысок. Достаточно сказать, что количество научных статей там в 2001 г. было примерно в семь раз меньше соответствующего показателя в Западной Европе. Кроме того, наблюдается устойчивая тенденция падения публикационной активности как региона в целом, так и России в частности. Не удивительно, что число значимых публикаций составляет только 23% от среднего по ОЭСР уровня.

Низкий уровень публикационной активности России в значимых журналах международного сообщества объясняется рядом причин, в том числе невысоким уровнем общей сопряженности и взаимосвязанности исследований и разработок (33% от уровня внешнего мира), плохим знанием английского языка, старением научного потенциала и как следствие – снижением доли исследователей высшей квалификации. Возрастная структура исследователей внушает особую тревогу. На это указывает число исследователей высшей квалификации (ВК) в наиболее продуктивном возрасте. Значение этого индикатора весьма низко и составляет для России только 40% от среднего значения по ОЭСР.

Эти средства в первом приближении можно оценивать как уровень обеспечения активности ИиР, направленной на производство собственно базовых знаний. При существующем уровне финансирования достаточно высоким кажется

* В качестве источника библиометрических данных для расчетов используются данные Института научной информации США (Institute for Scientific Information), приводимые Национальным научным фондом США в выпусках «Индикаторы развития науки и техники» за 2002 и 2004 гг.

количество российских статей в значимых журналах. Их число в журналах, анализируемых Институтом научной информации США, на 1 млн. долл. валовых внутренних затрат на ИиР в 1,4 раза больше, чем в среднем по ОЭСР, и в 1,6 раза больше, чем в США (2001).

Для масштабов производства базовых знаний важен не только уровень финансирования, но и то, каким образом заработок ученого связан с получаемыми им фундаментальными и практическими результатами. Несомненное влияние на масштабы публикационной активности оказывает низкое качество и невысокая скорость перехода от «базового» (институционального) финансирования к выделению средств на проекты на конкурентной основе. Как известно, реальная связь между качеством и оплатой труда может возникнуть только при условии объективной экспертизы проектов и результатов их выполнения. Среди эффективно действующих систем научной экспертизы следует указать российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) и российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ). Однако доля государственных средств, распределяемых внебюджетными фондами, во внутренних затратах на исследования и разработки невелика (в 2003 г. для России составляла всего 2,7%).

2. Предпринимательская среда

Низкий уровень государственных расходов на проведение базовых исследований обусловлен также вынужденно избыточным присутствием государства в предпринимательском секторе. Об этом свидетельствует доля в ВВП работ, финансируемых предпринимательским сектором (ПС) и выполняемых государственным сектором науки. Здесь мы сталкиваемся с неожиданным фактом: значения данного индикатора оказываются слишком высокими. Они выходят за пределы максимального для ОЭСР уровня. Превосходство России над странами ОЭСР, на первый взгляд, несомненно. При этом уровень финансирования предпринимательским сектором академического (под академическим сектором мы понимаем объединение традиционной системы академий наук и сектора высшего образования) очень низок и почти совпадает с минимальным уровнем для стран ОЭСР. Иными словами, средства ПС при сотрудничестве с госсектором науки преимущественно расходуются на работу с системой отраслевых НИИ, находящихся в государственной собственности.

В чем же причина неожиданного абсолютного превосходства над странами ОЭСР по доле в ВВП расходов предпринимательского сектора на работы, выполняемые отраслевыми НИИ? Она предельно проста: в странах ОЭСР отраслевая наука в основном находится в собственности предприятий, и поэтому расходы на нее относятся к их внутренним затратам на ИиР. У нас она пока, в основном, находится в госсобственности, т.е. во внешнем по отношению к предприятиям мире.

В то же время заметное взаимодействие между государственной отраслевой наукой, находящейся во многом на содержании у государства, и промышленностью указывает на то, что сегодня даже при достаточно низком уровне инновационной активности российских предприятий, отраслевая наука все-таки им нужна. Это свидетельствует о возможности создания и развития продуктивных институтов путем приватизации отраслевых НИИ и, в первую очередь, тех, у которых уже выявлены установившиеся рабочие взаимодействия с бизнесом. Но процедура приватизации не должна быть скоропалительной, она должна действовать на базе продуманного регулярного механизма, основанного на постоянном мониторинге, оценке эффективности действующих, налаживания стимулирования и развития новых связей государственных отраслевых НИИ и бизнеса. Пока же рано говорить о том, что наша промышленность готова к масштабной приватизации отраслевых НИИ для развития своей конкурентоспособности (см. 2, 3). На это, в частности, указывают чрезвычайно низкие значения индикатора предпринимательской активности и общего уровня затрат на ИиР российского предпринимательского сектора по доле ВВП. Увеличение значений этих индикаторов возможно только при значительном расширении ареала инновационно-активных предприятий и масштабов их инновационной деятельности.

Слабая инновационная деятельность предпринимательской среды препятствует созданию системы взаимодействия науки и инноваций. В российской обрабатывающей промышленности в 2003 г. удельный вес инновационно-активных организаций, взвешенных с учетом численности занятых, был равен 34,4%. Страна занимает позицию, близкую к наименее активным в инновационном плане странам, таким как Португалия (25%) и Турция (33%). Невысок уровень кооперации при выполнении научно-технических проектов в промышленности. Доля зарубежных организаций среди кооперирующихся сторон составляет всего около 4%, а доля стран СНГ меньше 2%. В целом же низкий уровень инновационной активности объясняется прежде всего тем, что не созданы рамочные условия для инновационной деятельности (недостаточно благоприятен предпринимательский климат, отсутствует конкурентная среда, неэффективен крупный собственник и т.п.).

Государство пытается подменить инновационную инертность бизнеса собственной активностью. В частности, в России прослеживается все большая ориентация государственного финансирования на «быстрые результаты». На фундаментальные исследования в 2003 г. приходилось 15,1% внутренних текущих затрат на ИиР, на прикладные исследования – 15,6%, на разработки – 69,4% (доля одна из самых высоких в мире). В США в 2002 г. на фундаментальные исследования приходилось 17,9%, на прикладные исследования 23,5%, на разработки – 58,6%. Но из этого мало что получается, о чем, в частности, свидетель-

ствуется падение изобретательской активности к концу цепочки: изобретение – полезная модель – промышленный образец. Так, в 2003 г. структура выданных охранных документов на промышленную собственность выглядела следующим образом⁷: патентов на изобретения было выдано 70,3% от общего количества, свидетельств на полезные модели – 23,6 и на промышленные образцы – 6,1%. Для сравнения укажем, что в Германии данная цепочка в том же году выглядела следующим образом: на патенты на изобретения пришлось 19,5%, на полезные модели – 19,2, а на промышленные образцы – 61,3%.

Но даже в этих неблагоприятных условиях наиболее интенсивна в России инновационная деятельность наукоемких видов производств – групп высокотехнологических и средне-высокотехнологических предприятий. Для первой из этих групп число инновационно-активных предприятий более чем в два раза превосходит средний по России уровень, для второй группы доля инновационно-активных предприятий почти на три процентных пункта выше средней по стране. Научеёмкость инновационной продукции также наиболее высока в этих двух группах производств.

Иными словами, в стране имеются определенные предпосылки для развития связей науки и производства. Но чтобы предпосылки превратились в факторы развития, нужна эффективно действующая система взаимосвязей исследовательской и предпринимательской среды и государства.

3. Система взаимосвязей

Для возникновения этой системы взаимосвязей необходимы институциональные реформы, которые должны обеспечить оптимизацию как двухсторонних отношений науки и государства, так и трехсторонних взаимодействий государства, науки и бизнеса.

3.1. Институциональные реформы: государство и наука

Необходимы разработка и принятие в качестве юридической нормы таких полновесных институциональных инструментов, как государственный грант и контракт на выполнение ИиР; порядок бюджетного финансирования государственных исследовательских организаций на основе оценки качества проводимых исследований; стандарты независимой научной экспертизы проектов ИиР и полученных результатов.

⁷Здесь не учитывается еще один вид интеллектуальной собственности – программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем. Объектом правовой охраны данного вида интеллектуальной собственности является авторское право.

Для существенного повышения качества проводимых в госсекторе работ и обеспечения эффективного действия вышеперечисленных институциональных инструментов необходимо также введение следующих институтов: независимой научной экспертизы для оценки качества научно-исследовательских проектов (в том числе выведение экспертизы из-под министерств и ведомств); мониторинга и сравнительной оценки качества работы государственных НИИ; сопряжение междисциплинарных, прикладных и фундаментальных исследований.

Государственный грант на выполнении ИиР в промышленно-развитых странах легализует важную форму отношений между государством и научно-исследовательским сектором, а именно – поддержку или стимулирование научных исследований и разработок финансами, собственностью, услугами или чем-либо еще значимым для проведения ИиР. Отсутствие в России соответствующего институционального инструментария является существенным препятствием не только для развития самой науки, но и для повышения уровня конкурентоспособности промышленности страны.

Понятию «государственный грант на проведение ИиР» нужно придать особый статус. Необходимо учитывать, что со стороны государства грант на ИиР используется, если результаты работ неопределенны или не смогут принести непосредственную выгоду в ближайшем будущем. Грант включает в себя требование публичности полученных учеными результатов, определяет и гарантирует им права на свободное их использование. В процессе выполнения работ по гранту государство в лице своих представителей не занимается мелочной опекой грантополучателя. Срок выполнения работ оговаривается специально. Это позволяет обеспечить нормальные условия научного творчества при проведении работ по гранту. Статус этого вида поддержки должен освобождать его получателя от уплаты «лишнего» налога на «предпринимательскую прибыль», которая образуется у грантополучателя в случае, если он в срок (в течение, например, квартала) не потратил средств, выплаченных по гранту в этот период. Чтобы не было злоупотреблений (чего, по-видимому, так опасаются сегодня соответствующие российские органы), необходимо законодательно определить и требования к оценке итогов работы, проведенной грантополучателем (обязательные публикации в журналах, входящих в список ВАК, научная экспертиза полученных результатов и т.д.).

Те же проблемы возникают и с таким институциональным инструментом, как государственный контракт на проведение ИиР. В законодательстве нашей страны нет четкого определения контракта по отношению к взаимодействиям с участием сферы науки. Применение государственных контактов (заказов) по отношению к научно-технической продукции не отработано и недостаточно обеспечено необходимой законодательной базой. При разработке и введении этих

инструментов необходимо определить границы их использования в зависимости от статуса научно-исследовательского проекта.

Специальный статус госзаказа на ИиР должен законодательно закрепить зону действия и предъявить требования к оценке полученных результатов. Последнее, в частности, означает, что при заключении контракта на прикладные исследования в определенных случаях необходимо предусмотреть требование получения патентоспособного результата, а если он касается разработок, то – опытного образца. При определении статуса также необходимо учитывать, что данный вид институционального инструмента используется в ситуации, когда результат в достаточной степени определен и может принести непосредственную выгоду или пользу государству. Должно быть также зафиксировано, что в процессе работ по контракту представитель государства имеет право контролировать процесс выполнения работ и корректировать их.

Разработка, законодательное оформление и введение в практику стандартов независимой научной экспертизы проектов и их результатов является сегодня первоочередной задачей. Без ее решения невозможно эффективно развивать грантовый и контрактный способ финансирования науки, организовывать кооперативные процессы между государственным сектором науки и промышленностью. Без этого развитие и дальнейшее распространение существующей системы распределения финансовых ресурсов приведут к существенному росту коррупционного потенциала механизмов распределения, к росту риска превращения науки в зону «намывания» бюджетных денег.

По мере введения в практику институтов независимой экспертизы и мониторинга научной деятельности резко возрастет актуальность приведения системы финансирования государственных научных организаций в соответствие с реально осуществляемой ими деятельностью по удовлетворению государственных нужд, включая:

а) сдвиг от базового финансирования научной деятельности организаций к финансированию, основанному на участии организации в научных проектах, значительное увеличение относительных объемов финансирования РФФИ и РГНФ;

б) обеспечение финансовой прозрачности (для учредителей) хозяйственной деятельности и четкая регламентация использования доходов от деятельности организации;

в) приведение в действие положения Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», касающегося включения в размер бюджетного финансирования арендной платы от сдачи помещений;

г) регулярную оценку качества научно-исследовательской деятельности организации. Она должна производиться, исходя из двух критериев – качества проводимых ИиР и их соответствия проблемной ориентации организации. Ре-

левантная составляющая устанавливается по оценке вклада организации в решение задач в зонах ответственности государства (в том числе объемы финансирования грантов и контрактов) и вклада организации в повышение конкурентоспособности экономики страны (патентная и лицензионная деятельность, кооперация с промышленностью);

д) установление зависимости решений о финансовой поддержке государством организации от присвоения организации определенного ранга в результате проведения процедуры оценки качества и релевантности проводимых научно-исследовательских работ.

3.2. Институциональные реформы: государство, наука и бизнес

Для организации и развития тройственной связи – государства, науки и бизнеса в области ИиР нужны, в первую очередь, следующие институциональные инструменты: кооперативные соглашения типа CRADO или CRAFT; правила передачи зависимых изобретений; открытые процедуры формирования научно-технических программ или подпрограмм, основанные на интерактивном общении представителей науки, промышленности и правительства; налоговые послабления бизнесу при проведении ИиР. Актуальна и задача развития в России таких институтов, как трансфер зависимых изобретений; партнерство и кооперация государства и бизнеса; диффузия технологий, готовых к использованию; поддержка, включая необходимую инфраструктуру малых технологических предприятий и стартовых фирм (спин-оффов). Необходимо, чтобы упомянутые инструменты и институты стимулировали развитие международного сотрудничества. Возможно, что нужна разработка специальной рамочной программы сотрудничества стран СНГ в области науки и инноваций.

Несмотря на некоторые успехи в диверсификации и специализации инструментария участия государства в создании интеллектуальной собственности, по-прежнему отсутствует столь необходимый институциональный инструмент, как кооперативное соглашение. О нем вообще нет упоминаний в нашем законодательстве (в том числе и в Законе о науке).

Между тем в США оно сначала вводилось как инструмент поддержки, не требующий, как и грант, заранее жестко заданного и сиюминутно полезного результата, но отличающийся от него тем, что в нем государству принадлежало право контроля за ходом работ и четко распределялись права участников соглашения, их вклад в ресурсное обеспечение работ. Постепенно значение данного соглашения усиливалось. Оно стало рассматриваться как важный инструмент организации кооперативных процессов между частным и государственным секторами. Для исследований и разработок в США было введено специальное

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Кооперативное соглашение об исследованиях и разработках – CRADA (Cooperative Research and Development Agreement). Оно, кроме всего прочего, определяло принципы раздела интеллектуальной собственности для работ, выполняемых в рамках кооперативных отношений между государством и частным сектором. Важность такого рода инструмента была осознана и в Европе, где в контексте рамочных программ Европейского союза возник аналогичный инструмент – CRAFT (Cooperative Research Action for Technology).

Сегодня в России нет законодательно определенного механизма трансфера промышленной собственности, созданной на средства государства в секторе ИиР, формирующего стимулы (в первую очередь материальные) для научно-исследовательских организаций ее изобретателей к подобного рода деятельности. Отсутствуют законодательно установленные процедуры распределения прав участников процесса на зависимые изобретения, роялти и прочие выплаты ее создателям, государственным организациям, где она была создана, государственному бюджету и фирмам, осуществляющим коммерциализацию этой собственности. Нет стимулирующих схем распределения дохода от зависимых изобретений, в соответствии с которыми доходы государственных организаций от трансфера созданных в них технологий используются на вознаграждение разработчикам, на развитие и углубление исследований и разработок, на поощрение сотрудников и на возврат в бюджет.

В системе программирования прежде всего должны найти место такие институциональные инструменты, как контракт и грант. Эти инструменты и зоны их применения, как говорилось выше, должны быть законодательно определены. Что же касается самих процедур формирования федеральных программ в зонах традиционной ответственности государства, то система целей при формировании таких программ не должна быть линейной (или прямолинейной). Новое поколение программ в зонах традиционной ответственности государства должно основываться на большем системном подходе, устанавливающем рамки участия рыночных сил и инициативы снизу при определении целей программ. Необходима максимальная корреляция целей и задач данной роли государства с другими целями государственной инновационной и технологической политики (например, целью повышения конкурентоспособности промышленности). Поэтому даже при разработке новых систем вооружений должны учитываться и другие цели государства и общества, отдавая приоритет разработкам и технологиям двойного назначения. В частности, это означает, что задачи перед наукой должны ставиться так, чтобы новые знания, которые генерируются в результате их решения, создавали и формировали родовые (предконкурентные) технологии, которые могли бы получить развитие при решении широкого круга технологических задач в разных областях деятельности. Ведь мы не столь богаты, чтобы тратить деньги дважды на решение сходных научных и технологических проблем.

Сам процесс формирования проблем и задач, которые решаются в рамках государственных программ, должен носить интерактивный и, по возможности, максимально открытый характер. Он должен быть основан на выработке согласованных решений на базе активных и организованных информационных потоков «сверху» и «снизу». И главное – всегда нужно искать возможности не приказной, а кооперативной организации решения проблем, важных для государства. Весьма часто их решение (или процессы их решения) выгодны и для негосударственных структур, в том числе обладающих значительными ресурсными возможностями.

Потенциальное воздействие реализации государственных программ на инновационную деятельность вне зоны традиционной ответственности государства сводится к трем следующим направлениям:

- коммерциализация путем организации спин-оффов;
- создание родовых технологий, имеющих многоцелевое назначение;
- уменьшение барьеров к инновациям путем разработки надежных стандартов для некоторых видов продуктов.

На масштабы проведения исследований и разработок предпринимательской средой существенное влияние оказывает применение методов косвенного стимулирования инвестирования в научно-исследовательскую деятельность. Эти методы, получившие широкое распространение (5), сводятся к следующим: налоговые послабления (см. подробнее 6), займы по сниженным кредитным ставкам, финансовая поддержка процессов лицензирования государственных научно-исследовательских организаций и высших учебных заведений.

Считается, что налоговые послабления – наиболее рыночный способ стимулирования. Этот способ не искажает сигналы рынка, поскольку инвестор в основном самостоятельно выбирает направление инвестирования и не требует высоких накладных административных расходов. О его растущей популярности свидетельствует тот факт, что всего за пять лет (с 1996 по 2000) число стран ОЭСР, практикующих данный вид стимулирования, увеличилось с 12 до 17.

На сегодня известны следующие виды налоговых послаблений: налоговый кредит; списание из налогооблагаемой базы; отсрочка налогообложения (налоговая скидка на амортизацию и временные скидки); вычет расходов на ИиР в год, когда они были произведены из корпоративного дохода.

Для России актуальной задачей является создание следующих институтов:

- трансфер зависимых технологий;
- партнерство государства и бизнеса;
- диффузия технологий, готовых к использованию.

Институт трансфера зависимых (созданных с участием средств бюджета) технологий предполагает создание саморазвивающегося механизма передачи технологий с соответствующей инфраструктурой. Этот механизм включает про-

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

цессы лицензирования патентов на изобретения, передачи прав на них, выращивания новых технологических фирм (воспитание старт-апов, венчурный бизнес). Он нацелен на то, чтобы облегчить переход через трудно преодолимую потенциальную яму (так называемую «долину смерти»), которая всегда возникает между идеей (чисто научным результатом) и инновацией (т.е. ее экономической реализацией).

Институт партнерства государства и бизнеса можно разделить на две составляющие: институт стратегического партнерства государства и бизнеса, институт приватизации избыточной части государственных научно-исследовательских организаций, наиболее близких к бизнесу.

Первая из них в национальной инновационной системе может охватывать разнообразные формы кооперативных взаимодействий экономических агентов. Практика ОЭСР (см. 7) показывает, что отношения должны быть формализованными. Наиболее рациональным является оформление этих отношений в рамках некоторой программы. Эта программа может состоять из подпрограмм, каждая из которых посвящена решению достаточно частных специфичных проблем. Представители государственных органов управления курируют программу в целом, активно занимаясь ее организацией, а в оперативное управление подпрограмм активно вовлекаются государственные научно-исследовательские организации и вузы. Организационные формы управления партнерским проектом определяются его направленностью (децентрализованное сетевое управление, специально создаваемые консорциумы и исследовательские центры). Государство должно выступать в качестве партнера, оно в этих случаях не должно быть катализатором или регулятором активности частного сектора. Процессы соинвестирования в рамках программ касаются не только долевого финансирования, но и совместного использования информации, результатов ИиР, интеллектуальной собственности, новых технологий, кадров, мощностей.

Что касается второй составляющей, то в условиях России институт приватизации должен быть нацелен на решение проблемы «врастания» деятельности НИИ в промышленность, поиск необходимых для этого «врастания» институциональных форм. Можно было бы, например, пока без изменения типа собственности передавать эти организации в управление промышленным предприятиям или их объединениям (аналогично тому, как это делается в США для некоторых государственных лабораторий). То, что такой процесс идет, подтверждают и некоторые публикации (см., например, 8). Но в то же время очевидно, что широкая кампания поспешной приватизации государственного имущества, находящегося в ведении отраслевой науки, является серьезным фактором риска потери отраслевой науки (см. 8, с. 75). В нынешних условиях существует опасность, что при приватизации отраслевых НИИ верх возьмет та часть инновационно-пассивного бизнеса, интерес которого лежит не в сфере инноваций, ис-

пользовании интеллектуального потенциала научно-исследовательского коллектива, а в обладании принадлежащей ему дорогой собственностью (землей и зданиями). Поэтому неподготовленность и спешка здесь могут обернуться потерей исследовательского потенциала прикладной науки. Все это еще раз подчеркивает необходимость усиления инновационной активности российских предприятий, включая организацию взаимодействия бизнеса и науки в рамках института стратегического партнерства государства и бизнеса.

Для создания и развития института диффузии технологий, готовых к применению, можно было бы интенсивнее использовать бывшие государственные отраслевые НИИ, превращая их в действенный инструмент при организации:

- обучения для менеджеров и инженерно-технического состава близких им по профилю предприятий;

- инфраструктуры для распространения новых технологий (развитие технологических центров диффузии новых технологий, сетей технической кооперации по адаптации технологий, центров информации и технической экспертизы технологий, демонстрационных площадок для технологических брокеров и т.д.).

Литература

1. Голиченко О.Г. Российская инновационная система: проблемы развития // Вопросы экономики. – М., 2004. – № 12.
2. Голиченко О.Г. Инновационная система России: состояние и пути развития. – М.: Наука, 2005.
3. Варшавский А.Е. Научный потенциал – основа инновационного развития: проблемы реформирования российской науки // «Инновационный менеджмент в России: Вопросы стратегического управления и научно-технологической безопасности» / Рук. авт. кол. В.Л. Макаров, А.Е. Варшавский. – М., Наука, 2004.
4. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. – М.: Наука, 2004.
5. Public Funding of R&D: Emerging policy issues – 2001, March, DSTI/STR.
6. Китова Г.А., Черкасов В.В. Государственная политика в сфере науки и технологий: Новые задачи и старые решения // Инновации, 2004, № 3(70).
7. OECD Science, Technology and industry Outlook 2004, Paris: OECD, 2004.
8. Голова И.М., Суховой А.Ф. Сохранение отраслевой науки как необходимого элемента отечественной инновационной системы // Инновации, 2005, № 3(80).

Л.Б.Вардомский

ИННОВАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В РФ¹

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук, заведующий Центром постсоветского экономического сотрудничества Института экономики РАН.

С конца 90-х годов в списке стратегических приоритетов России все более высокое место занимают вопросы активизации инновационной деятельности, формирования государственной инновационной политики и перехода к инновационному развитию экономики.

Особенностью России, как известно, является ее топливно-сырьевая специализация в мировой экономике при крупном интеллектуальном потенциале, унаследованном от советского времени. В ходе рыночных реформ произошли упрощение промышленной структуры и рост зависимости экономики и финансов России от экспорта топлива и сырья. Опасность такого развития показал финансовый кризис в августе 1998 г. Резкое понижение мировых цен на энергоносители и сокращение поступлений в бюджет вынуждало покрывать растущий разрыв между расходами и доходами бюджета за счет внутренних и внешних заимствований, что в конечном итоге вызвало дефолт. В последующие годы конъюнктура на рынках топлива и сырья принципиально изменилась, обеспечивая устойчивое улучшение финансового положения России. Однако топливно-сырьевой флюс создает серьезные структурные, финансовые и социальные проблемы, сдерживающие рост конкурентоспособности страны и делающие неустойчивым ее экономическое и геополитическое позиционирование в мире.

Перечисленные выше проблемы можно смягчить, а в более отдаленной перспективе и устранить, диверсификацией экономики и экспорта на основе перехода к **инновационному типу развития**. Под ним понимается развитие на основе постоянного и расширяющегося внедрения новых технологий и производства новых продуктов с последующим выходом с ними на национальный и мировой рынки. **Инновационная экономика** означает превращение технологи-

1. Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ «Структурная модернизация стран СНГ в контексте глобальных вызовов» № 05-02-02132а.

ческих и организационных нововведений в главный фактор количественной и качественной динамики российской экономики².

Созданный в советское время научно-технический потенциал России формировался в условиях централизованной, административно-командной системы на основе исключительно бюджетного финансирования и закрытости от внешнего мира. У исследователей, разработчиков и производителей не было проблем ни с финансированием, ни с внедрением и реализацией технологий и продукции. При этом большая часть НИОКР была связана с решением задач укрепления обороноспособности страны. Научно-технический потенциал СССР обеспечил ему ракетно-ядерный паритет с США, но не смог предотвратить нарастающее технологическое отставание от стран Запада.

С началом рыночной трансформации, децентрализацией экономики и власти бюджетное финансирование НИОКР резко сократилось. За 1992–2003 гг. доля ассигнований из федерального бюджета по разделу фундаментальных исследований и содействия научно-техническому прогрессу сократилась с 2,43 до 1,71%³. Внутренние затраты на исследования и разработки в России составили в 2004 г. 196 млрд. руб. (43% в постоянных ценах от уровня 1990 г.). Доля в ВВП затрат на исследования и разработки в 2004 г. равнялась 1,17% (в 1990 г. – 2,03%)⁴.

Одновременно выяснилось, что научно-инновационный сектор экономики крайне слабо адаптируется к рынку. Программы конверсии не дали ожидавшихся результатов. Научные и технологические заделы из-за отсутствия необходимого менеджмента и финансирования в 90-е годы не могли быть реализованы. Многие из них к настоящему времени устарели. Значительная часть унаследованного **инновационного потенциала** страны, который составляют фундаментальная и прикладная наука, высшее образование, опытно-конструкторские учреждения, была утрачена. Персонал, занятый в НИОКР, за 1992–2004 гг. уменьшился с 1533 тыс. человек до 839 тыс. человек⁵. Сегодня лишь в немногих секторах инновационной сферы Россия сохраняет ведущие позиции в мире⁶.

2. См. об этом подробнее: Комков. Н.И. Анализ динамики и условий перехода к экономике основанной на знаниях: Материалы семинара «Создание национальной инновационной системы: Российская и европейская практика» 12.07.2005. Наука и коммерциализация технологий, <http://www.ras-stc.ru/storage/>

3. Россия в цифрах. – М., 2005. – С. 292.

4. Проект «Стратегии РФ в области развития науки и инноваций на период до 2010 г.» (www.mon.gov.ru).

5. Россия в цифрах. – М., 2005. – С. 287.

6. Иванова Н.И. Инновационные системы России в глобальном контексте. Наука и коммерциализация технологий (<http://www.ras-stc.ru/storage/>).

Особую проблему создал распад СССР и его единого научно-технического комплекса на отдельные государственные сегменты. Унаследованный Россией потенциал оказался асимметричен относительно потребностей национальной экономики и социальной сферы. Отдельные его части оказались избыточны, а другие недостаточны.

Уровень инновационной активности страны, как известно, определяется не только наличием необходимой базы знаний для инноваций, но и развитостью механизмов реализации имеющегося интеллектуального потенциала. В 2000-е годы в России началось формирование элементов **национальной инновационной системы (НИС)**, под которой понимается совокупность экономических субъектов, а также государственных и общественных институтов, обеспечивающих условия для производства новых знаний и их охраны, преобразование в новые продукты, услуги и технологии, распространение и рыночную реализацию⁷.

Однако масштабы и темпы создания НИС пока явно недостаточны. В ней по-прежнему явно преобладает государственный сектор, плохо поддающийся маркетингу. Отдельные стадии инновационных переделов (циклов) разрозненны. Сравнительно сильные позиции России в фундаментальной науке сочетаются с откровенно слабым выходом на национальный и мировой рынки с новыми технологиями и продуктами⁸. Инновационная сфера России, по мнению ряда специалистов, неконкурентоспособна ни на внутреннем, ни на внешнем рынках⁹. На мировом рынке услуги научного сектора и научно-техническая продукция страны слабо востребованы. Их доля там крайне мала (около 0,3%) и неадекватна научно-техническому потенциалу стран. Одновременно исследователями отмечается низкая восприимчивость российских компаний, действующих в сфере производства, к инновациям, что вызывает нарастание технологического отставания России от развитых стран¹⁰. А при наличии выбора между российскими и зарубежными технологическими новшествами российские компании в большинстве случаев отдают предпочтение зарубежным.

В 2000 г. экспорт и импорт технологий были примерно равны по объемам – 11,9 млрд. руб. В 2004 г. стоимость сделок по импорту технологий составила 53,9 млрд. руб. и существенно превысила экспорт – 31,1 млрд. руб. В структуре экспорта технологий преобладают инжиниринговые услуги – 67,1% и научные

7. В основе этого понимания лежит понятие НИС, сформулированное в проекте «Стратегии РФ в области развития науки и инноваций на период до 2010 г.» (www.mon.gov.ru).

8. Из выступления Д. Ливанова на круглом столе «Научные организации и рынок: Эффективность для инноваций» 3.08.2005. Национальный информационный центр по науке и инновациям (<http://www/sciencenf.ru/client/>).

9. Ibid.

10. Ibid.

исследования – 11,9%; в импорте – также инжиниринговые услуги – 72,8, товарные знаки – 15,5 и патентные лицензии – 4,6%¹¹.

Структура торговли технологиями отражает современные особенности российской НИС. В 2004 г. было заключено на 2,5 млрд. руб. соглашений по приобретению за рубежом патентных лицензий, а соглашений по продаже лицензий за рубеж на 0,13 млрд. руб. В то же время российские организации заключили соглашения по проведению научных исследований для иностранных заказчиков на сумму 3,7 млрд. руб., а заказали за рубежом исследований на 0,4 млрд. руб.¹²

Таким образом, российские научные организации в значительных объемах проводят научные исследования для зарубежных заказчиков, а российские компании расходуют немалые средства на приобретение технологических нововведений за рубежом.

В НИС России до последнего времени преобладали такие инструменты реализации новых знаний, как федеральные целевые программы и госзаказ. Налоговые льготы для учреждений НИОКР, которые особенно важны для рыночных компонентов НИС, пока невелики и труднодоступны. Инвестиционно-налоговый кредит, который может быть предоставлен организациям, проводящим НИОКР и занимающимся внедренческой и инновационной деятельностью, требует довольно сложных процедур. Решение о нем принимается первым заместителем министра Министерства финансов. Для получения кредита необходимо представить бизнес-план инвестиционного проекта и экспертное заключение МЭРТ о качестве проекта и его экономической целесообразности.

Налоговый кодекс предусматривает также освобождение от НДС, выполнение НИОКР за счет бюджета, а также средств от определенных фондов, например Российского фонда фундаментальных исследований. Кодекс также предоставляет льготы научным организациям по земельному налогу¹³.

Имеющиеся федеральные законы «Об авторском праве и смежных правах», «О науке и государственной научно-технической политике», «Патентный закон РФ» и др. в ряде отношений слабо увязаны между собой и другими законодательными актами страны, отдельные нормы изложены недостаточно четко, что не создает необходимого стимулирующего эффекта для развития инновационной деятельности¹⁴. Наибольшие проблемы создает правовая нерешенность воп-

11. *Россия в цифрах*. – М., 2005. – С. 297.

12. *Ibid.*

13. Из выступления Ю. Сазыкиной на круглом столе «Научные организации и рынок: Эффективность для инноваций» 3.08.2005. Национальный информационный центр по науке и инновациям (<http://www/sciencerf.ru/client/>).

14. Ерохин Д.В., Ларичева Е.А. Государственное стимулирование инновационной деятельности в России и зарубежных странах // *Вестник московского психологического социального института*. – 2004. – № 1. – С. 10–13.

росов интеллектуальной собственности, а именно, определения четких юридических критериев прав на нее государства, организаций-разработчиков и отдельных исследователей и разработчиков.

Для успешного развития информационных технологий требуют упорядочивания процедуры валютного, налогового и внешнеторгового регулирования экспорта программного продукта. Это один из наиболее активно развивающихся в России сегментов ИТ-рынка. В 2003 г. экспорт программного обеспечения составил 546 млн. долл., а в 2005 г. достиг 1 млрд. долл.¹⁵. Однако существующие регламентации, вытекающие из российских правовых актов, вынуждают отечественных производителей программного продукта обращаться к западным компаниям-посредникам, предлагающим более конкурентные условия¹⁶.

Немаловажным тормозом развития НИС являются ограничения для научных учреждений по осуществлению рыночных операций. Большинство научных организаций существует в форме унитарных предприятий и государственных учреждений. Хотя Гражданским кодексом РФ унитарные предприятия отнесены к коммерческим организациям, однако их правоспособность не позволяет полноценно участвовать в гражданском обороте. Имущество этих предприятий не принадлежит им на праве собственности, оно закрепляется за ними на хозяйственное ведение или оперативное управление. Унитарные предприятия не вправе создавать свои дочерние предприятия со статусом юридических лиц, поскольку создание другого предприятия и выделение для него имущества разрешаются только с согласия собственника. Унитарное предприятие не может быть участником коммерческих и некоммерческих организаций¹⁷.

В связи с этим государственные научные центры сталкиваются с множеством проблем при создании внедренческих фирм, вхождении в состав учредителей инжиниринговых компаний, сотрудничестве с венчурными фондами и т.д. Что касается госучреждений, то поскольку финансовые ресурсы выделяются им по смете, они могут их тратить только в соответствии со сметой. Все остальные действия осуществляются только с согласия федерального собственника.

Формирование НИС затруднила также централизация управления и финансирования инновационной сферы, которая связана с принятием Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ. Он внес большое количество

15. Наумов В. *Бремя российского ИТ-бизнеса снизится вдвое (2.08.2005, <http://www/snews.ru/reviews/>)*.

16. Анненков А. *Байты на доллары // «Время новостей»*. – 29.08.2005. – С. 6.

17. Из выступления Ю. Сазыкиной на круглом столе «*Научные организации и рынок: Эффективность для инноваций*» 3.08.2005 Национальный информационный центр по науке и инновациям (<http://www/sciencrf.ru/client/>).

изменений в действующее законодательство, в том числе, и в Закон «О науке и государственной научно-технической политике». Законом № 122-ФЗ субъекты Российской Федерации были лишены некоторых своих полномочий. В частности, они утратили полномочия по формированию научных и научно-технических программ на уровне субъектов, а также по участию в выработке и реализации государственной научно-технической политики. Это не согласуется с «Основами политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 г.», утвержденными указом Президента в 2002 г., который в качестве одной из своих важнейших задач определил как раз сбалансированность интересов центра и регионов в области реализации инновационных проектов.

В 2005 г. наметилась активизация инновационной политики России. Это связано с притоком в страну нефтедолларов и скорым вступлением в ВТО. И, конечно, с более отчетливым пониманием руководством страны тех геополитических, военно-стратегических, социальных и экономических проблем, которые вызовет дальнейшая деградация инновационной сферы.

Активизация выразилась в принятии в июле 2005 г. Федерального закона «Об особых экономических зонах в РФ». Закон предусматривает учреждение технико-внедренческих зон, в которых осуществляется выпуск научно-технической продукции, доведение ее до промышленного применения, включая изготовление и испытание опытных партий, а также создание программ для ЭВМ и баз данных. В том же году на основе конкурса были учреждены четыре технико-внедренческие зоны в Дубне, Зеленограде, Томске и Санкт-Петербурге. Согласно нормам закона, резиденты ОЭЗ в течение первых пяти лет освобождены от уплаты налога на имущество и земельного налога. Кроме того, для резидентов технико-внедренческих зон предусмотрена пониженная ставка единого социального налога – 14%. Для резидентов ОЭЗ вводятся режим свободной таможенной зоны.

Несколько ранее, в конце 2004 г., Правительством России была одобрена разработанная Мининформсвязи РФ «Концепция развития рынка информационных технологий в РФ». Согласно концепции, уже к 2010 г. общий объем производства российской ИТ-отрасли вырастет более чем в пять раз по отношению к 2003 г. Занятость в отрасли составит не менее 5% работающего населения страны. Россия войдет в тройку лидеров на мировом рынке экспорта ИТ-услуг, а в целом по развитию информационных технологий – на уровень стран ЕС.

Создание и развитие технопарков в сфере информационных технологий является центральным элементом реализации концепции (во всем мире ИТ-парки дают до 60% инноваций в информационных технологиях и телекоммуникациях). В марте 2006 г. было подписано распоряжение Правительства РФ об утверждении программы создания в РФ технопарков высоких технологий. Программа имеет среднесрочный характер и рассчитана на реализацию в те-

ние 2006–2010 гг. На первом этапе реализации Программы – в 2006–2007 гг. предполагается создание органов управления технопарками, проведение предпроектных и проектных работ для начала строительства, подготовка базовой инфраструктуры, строительство объектов, разработка программы, направленной на продвижение российских высокотехнологичных предприятий на мировой рынок, реализация маркетинговых и других организационных мероприятий.

На втором этапе в 2008–2010 гг. акцент будет сделан на развитие инфраструктуры технопарков, привлечение ведущих мировых высокотехнологичных компаний для размещения своих производств, реализация программы, направленной на продвижение российских высокотехнологичных предприятий на мировой рынок.

Первые технопарки будут созданы в Московской, Калужской, Нижегородской, Новосибирской и Тюменской областях, Санкт-Петербурге и республике Татарстан. Объемы бюджетного финансирования по каждому из проектов будут определяться соответствующим решением Правительства РФ¹⁸.

Летом 2005 г. были внесены поправки в Налоговый кодекс в части облегчения налогового бремени для малого бизнеса и упрощения налоговых процедур. МЭРТ принял программу поддержки малого бизнеса по четырем направлениям, среди которых для формирования НИС особое значение имеет «Создание и развитие инфраструктуры поддержки малых предприятий в научно-технической сфере». Предприятия малого бизнеса на конкурсной основе и на основе софинансирования из региональных бюджетов и фондов программы могут получать, по предъявлению мотивированной заявки средства на реализацию проектов.

В 2005 г. концептуально оформилась политика перехода России к инновационному развитию. Об этом свидетельствует разработка двух документов: Министерством образования и науки «Стратегия РФ в области развития науки и инноваций на период до 2015 г.» и Министерством экономического развития и торговли «Программа социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2005–2008)».

«Стратегия РФ в области развития науки и инноваций на период до 2015 г.» содержит подробную характеристику современного состояния инновационной сферы, вскрывает главные проблемы и предлагает пути их решения. В документе излагаются план действий и комплекс мероприятий по активизации инвестиционной деятельности в России.

Реализация «Стратегии» предполагает реформирование научной сферы, формирование крупных научно-исследовательских центров («национальных лабораторий»), институциональную концентрацию расходов по НИОКР, инвента-

18. *Коммерсантъ*, 13.03.06, с. 2.

ризацию имущественного комплекса, включая права на результаты интеллектуальной деятельности.

В документе определяются национальные приоритеты в научно-технической сфере, именуемые как **«технологические коридоры»**, рассматриваются два сценария реализации стратегии – **инерционный и активный**, оцениваются условия, механизмы, риски и результаты их осуществления. Причем Министерство образования и науки в качестве основного рассматривает активный сценарий, в котором приоритет отдается поддержке фундаментальной науки и концентрации ресурсов на ограниченном числе приоритетных направлений прикладных исследований, развитии ограниченного числа **«технологических коридоров»**, в рамках которых конкурентоспособность отдельных выбранных секторов российской экономики достигается преимущественно за счет отечественных технологий.

Реализация **«Стратегии»**, по мнению разработчиков, позволит повысить долю инновационных продуктов как в общем объеме продаж промышленной продукции (с 5% в 2004 г. до 8% в 2007 г. и 15% в 2011 г.), так и в ее экспорте (с 6% в 2004 г. до 9% в 2007 г. и 20% в 2011 г.).

Намечается также устранить законодательные прорехи, сдерживающие развитие НИС. В частности, будет разработан закон **«О передаче технологий»**, уточнены с учетом современных требований законы об охране интеллектуальной собственности, о коммерческой тайне и др.

В **«Программе социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочную перспективу (2005–2008)»** инновационная деятельность перечислена в числе приоритетов Правительства РФ. В документе указывается на необходимость повышения **«...роли научных исследований и разработок в экономическом развитии страны и отдельных предприятий, превращение научного потенциала в один из основных ресурсов устойчивого экономического роста. Реформа науки и стимулирование инноваций должны быть нацелены на рост предложения инновационной продукции и услуг путем: формирования рынков инновационного капитала и информационно-консультационных услуг в инновационной сфере; развития нормативно-правовой системы оборота интеллектуальной собственности и ее защиты; расширения системы кадрового обеспечения инновационной экономики. Необходимо создавать благоприятные условия для внедрения в производство передовых технологий»**.

В прогнозном (до 2015 г.) разделе Программы **«инновационно-активный» сценарий развития фактически рассматривается как единственно приемлемый для России**. Этот сценарий призван обеспечить устойчивое повышение конкурентоспособности и эффективности российской экономики. Он опирается на малый и средний бизнес, сильную социальную политику, рост человеческого капитала, повышение эффективности государственного управления, развитие рыночных институтов и широкое включение страны в глобальную экономику.

Одним из проявлений реализации инновационно-активного сценария должно стать повышение в экономике доли информационного и высокотехнологичного сектора (к нему отнесены высокотехнологичные отрасли промышленности и виды социальной деятельности, связанные с инвестициями в человеческий капитал – образование, медицина, наука и научное обслуживание, информатика) с 8,6% в 2003 г. до 17% ВВП в 2015 г.

Для реализации инновационной политики Правительство РФ предполагает в 2005–2008 гг., помимо федеральных целевых программ, использовать следующие инструменты: 1) частно-государственное партнерство, правовые основы применения которого пока не разработаны; 2) фонды содействия развитию научных исследований и их внедрению, в том числе венчурные; 3) государственную поддержку экспорта, в том числе инновационного; 4) государственную поддержку малого бизнеса; 5) снижение налоговой нагрузки на компании инновационной сферы; 6) ускоренную амортизацию расходов на НИОКР и на покупку нового оборудования, включая импортное; 7) особые экономические зоны и технопарки.

Таким образом, оба документа нацелены на расширение инновационного потенциала России и повышение эффективности его использования путем решения трех взаимосвязанных задач по созданию а) правовой базы инновационной деятельности; б) системы финансирования исследований, разработок и внедрения; в) инфраструктуры инновационной сферы. Решение двух последних задач предполагает усилия как государственных структур, так и бизнеса, в том числе на основе частно-государственного партнерства.

Принятые и обсуждаемые документы, осуществляемые меры свидетельствуют о готовности руководства России увеличить объемы ресурсов, направляемых в сферу науки и разработок. Однако поможет ли это ускорить развитие инновационной сферы, преодолеть разобщенность как внутри инновационного цикла, так и между ними и российскими потребителями технологических инноваций?

Сегодня можно говорить о следующих препятствиях реализации планов перехода на инновационный тип развития. Первое связано с расхождением между отдельными федеральными ведомствами в вопросах целей, приоритетов, а также выделяемых под них государственных ресурсов и инструментов инновационной политики. Эти расхождения тормозят принятие программных документов, предоставление налоговых преференций и выделение необходимых бюджетных ресурсов для данной сферы.

Другое препятствие обусловлено инерцией сырьевой модели развития и развитием «голландской болезни», тем более что усиление государственного контроля за экономикой страны и стремление бюрократии подчинить себе бизнес отбивают у него охоту осуществлять модернизацию производства на основе современных технологий.

Еще одна проблема связана с централизацией власти и усилением государственного контроля за инновациями, что может ухудшить условия развития инновационной сферы, несмотря на расширение ее бюджетного финансирования. Инновационная сфера по определению сопряжена с творчеством и рисками. Усиленное государственное регулирование и финансирование не вполне готово считаться с этими особенностями появления инноваций. Есть опасность подмены деятельности НИС, работающей на рыночных принципах, деятельностью какого-либо федерального ведомства.

Сложность государственного регулирования инновационной сферы и выделения общенациональных научно-технических приоритетов заключается также в том, что значительная и наиболее эффективная часть инновационного потенциала страны в том или ином виде включена в систему международных НИОКР, выполняя исследования и разработки по отдельным заказам, проектам, грантам как в России, так и за рубежом. Участие российских научных учреждений, отдельных лабораторий и исследователей в глобальной сети получения и распространения инноваций, безусловно затруднит формирование национальных «технологических коридоров».

Еще один фактор, добавляющий неопределенности и рисков – старение кадров, занятых в науке и разработках. Средний возраст занятых в российской науке составляет 56 лет.

Действие последних двух факторов можно смягчить путем возрождения научно-исследовательских связей России со странами СНГ. Россия сохранила кооперационные связи с Украиной в производстве авиационно-космической техники, а с Белоруссией – в производстве электронной техники и техники связи, а также комплектующих для них. Со многими странами Содружества сохранена производственная кооперация в системе оборонно-промышленного комплекса¹⁹.

Инновационный потенциал стран СНГ за годы реформ и суверенного существования сильно сократился. Тем не менее он располагает определенными возможностями роста. Путем согласования или совмещения национальных приоритетов в научно-технической сфере Россия могла бы подключать отдельные страны к планируемым «технологическим коридорам». Для более полного использования этих возможностей необходимо создание (на двух- и многосторонней основе) соответствующего институционального и финансового механизма в виде международных фондов поддержки научных исследований и инновационных проектов, развития международной системы технопарков и венчурного финансирования, снятия барьеров на пути международной кооперации

19. Вашанов В.А. *Россия–СНГ: Экономические отношения.* – М., 2002. – С. 9.

в инновационной сфере, гармонизации или унификации законодательства, регулирующего научно-исследовательскую и инновационную деятельность и взаимное сотрудничество в этой сфере. Иными словами, для этого необходимо поэтапное формирование общего инновационного пространства России и заинтересованных стран Содружества. Необходимо отметить, что в «Основах политики РФ в области развития науки и технологий на период до 2010 г.», ставится задача создания единого научно-технического и информационного пространства только в рамках Союза Беларуси и России. В проекте «Стратегия» указывается на необходимость «выбора и согласования с партнерами в рамках СНГ приоритетных направлений научного взаимодействия», а также «развития международных академических ассоциаций в рамках СНГ, создания совместных научных и технологических центров».

В то же время в проекте «Стратегия» ставится задача формирования концепции общего пространства науки и образования Россия – ЕС и перспективного плана действий по ее реализации, разработке гармонизированной нормативно-правовой базы. Представляется, что, несмотря на громадные различия в инновационном потенциале ЕС и СНГ, нельзя снимать с повестки дня создание общего пространства науки и образования в рамках Содружества.

Это важно и с той точки зрения, что Россия могла бы возглавить процесс модернизации постсоветского пространства на основе инновационной экономики, а идея согласованной модернизации на основе технологических нововведений, разработанных в странах СНГ, могла бы стать привлекательной и консолидирующей для всех стран.

ПРОБЛЕМЫ СНГ

От редакции

В декабре 2006 г. исполняется полтора десятилетия со времени создания Содружества Независимых Государств. Этот период принес знаменательные перемены в жизни всех стран и народов, которые до того составляли единое целое – Советский Союз. Опыт их сотрудничества и взаимодействия на совершенно новой, принципиально иной основе нарабатывался одновременно с формированием и развитием институциональных основ СНГ. Организационные рамки Содружества в огромной мере способствовали укреплению экономических, политических и других связей постсоветских государств к взаимной выгоде, хотя на каждом этапе возникали сложные проблемы, расхождения в позициях, противоречия. Не имея возможности опубликовать исследования всех аспектов истории и итогов деятельности СНГ на его 15-летнем рубеже, наш журнал предлагает вниманию читателей статьи, показывающие некоторые тенденции, немаловажные для судеб Содружества.

Л. С. Косикова

ЕВРОВОСТОК КАК ПОЛЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА

Косикова Лидия Серафимовна – ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, научный руководитель исследовательского проекта «Соседство Евросоюза как новый фактор развития России и стран СНГ».

Важнейшим фактором в развитии постсоветского пространства в настоящее время становится усиление геополитического соперничества между Россией и ведущими мировыми центрами силы, особенно США и Евросоюзом. Это ведет к окончательному превращению региона из российского «ближнего зарубежья» в арену международной конкуренции и в политике, и в экономике. В этих условиях претензии Российской Федерации на особые отношения со странами СНГ и ранее не встречавшие понимания, отвергаются мировым сообществом. Конкуренты России громко заявляют о своих национально-государственных

интересах в странах Содружества и предпринимают все более активные действия для утверждения там собственных позиций, вплоть до попыток доминирования в отдельных субрегионах. Это обстоятельство является одним из существенных факторов фрагментации постсоветского пространства, что, в свою очередь, вызывает необходимость разработки и практической реализации более дифференцированной политики России по отношению к новым независимым государствам. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают вопросы развития ситуации в восточноевропейских странах СНГ – на Украине, в Белоруссии и Молдове, которые в последние годы все сильнее испытывают влияние непосредственного соседства с Евросоюзом.

1. Евровосток, или «общее ближнее зарубежье» России и ЕС. Суть европейской политики соседства в отношении стран СНГ

После восточного расширения ЕС 1 мая 2004 г. образовался новый геополитический сектор «Евровосток» – контактная зона между Россией и ЕС, включающая в себя восточноевропейские страны СНГ. Этот регион становится объектом особенно ожесточенной конкуренции между устремлениями состоявшегося европейского интеграционного объединения в составе 25 стран-членов и интеграционными проектами на пространстве Содружества. Новые члены ЕС – государства Центрально-Восточной Европы (Польша, Словакия, Венгрия) и страны Балтии (Эстония, Латвия и Литва) имеют сейчас общие границы с одной или несколькими странами СНГ. Таким образом, значительная территория бывшего «ближнего зарубежья» России отныне стала «общим ближним зарубежьем» ЕС и РФ. Ожидаемый в 2007 г. прием Румынии в состав ЕС сделает непосредственным соседом Евросоюза также и Молдову.

Евросоюз ответственно подходит к планированию собственного будущего. Еще в 2003 г. Брюссель принял концепцию «Широкая Европа – новое соседство: новые рамки отношений с нашими восточными и южными соседями»¹. На основании этой концепции ЕС уже приступил к практической реализации европейской политики соседства (ЕПС)² – важной составляющей скоординиро-

1. *Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours, Commission Communication COM(2003), 104 final, Brussels, 11.3.2003.*

2. Английская аббревиатура этого термина – ENP (*European Neighbourhood Policy*). Наряду с понятием «европейская политика соседства» в русскоязычной литературе иногда встречается термин «политика европейского соседства», «европейская политика добрососедства», или просто «политика добрососедства», что подразумевает то же самое.

ванной внешней политики и инструмента утверждения Евросоюза в роли активного игрока на международной арене. Цель ЕПС, как официально сформулировано в документах Еврокомиссии (исполнительного органа ЕС), – «обеспечить соседним с ЕС государствам выгоды от расширения Евросоюза и избежать появления новых разделительных линий в Европе». Поставлена задача создать «кольцо друзей» из числа государств, непосредственно граничащих с расширенным ЕС. Эту задачу Евросоюз хотел бы достичь, не присоединяя к себе новых соседей, не предоставляя им членства в ЕС, а лишь путем формирования «территории общих ценностей, стабильности, безопасности и процветания в странах – соседях ЕС по образцу Евросоюза»³. Пояс новых соседей включает три основные географические группы стран: восточноевропейскую, южнокавказскую и средиземноморскую. В первую и вторую группу вошли семь стран СНГ: Белоруссия, Молдова, Украина, Россия (как особый случай), Армения, Грузия, Азербайджан.

Более тесное сотрудничество, но без членства в ЕС – вот что предложено восточноевропейским странам СНГ. Именно поэтому распространилось ходячее выражение о том, что «сейчас существуют три Европы: старая, новая и другая».

Главное содержание ЕПС – это переход к более тесному сотрудничеству Евросоюза с соседними государствами во внешней политике, обеспечении региональной безопасности, а также в экономике, образовании и культуре, экологии по сравнению с уже достигнутым уровнем взаимодействия в рамках двусторонних Соглашений о партнерстве и сотрудничестве этих стран с ЕС. В экономической области ЕПС предусматривает активизацию торговли и подготовку стран – новых соседей к постепенному усилению их позиций на внутреннем рынке ЕС. Особый интерес Евросоюз проявляет к сотрудничеству в развитии энергетики, транспорта, средств информации и коммуникаций, инфраструктуры, а также к региональному и трансграничному сотрудничеству. Уровень взаимодействия ЕС со странами-соседями в рамках политики добрососедства будет определяться тем, насколько эти государства разделяют «общие ценности» ЕС: принципы демократии, прав человека, рыночной экономики, устойчивого развития, а также насколько их национальные интересы совпадают с общими интересами государств Евросоюза.

Статус страны – «соседа ЕС» не означает для какой-либо из этих стран четкой и определенной перспективы присоединения к Евросоюзу. Он, однако, не означает и полного отсутствия такой перспективы. Представитель ЕС на Украине, в Молдове и в Белоруссии, господин Ян Бог, комментируя в декабре 2004 г. данное положение ЕПС, заявлял: «...то, что дверь еще не открыта, не означает, что она непременно заперта»⁴.

3. <http://www.w-europe.org/EU-nn>

4. Информационный сайт Республики Молдова «Время» (<http://www.vremea/net/news/2004-12-17/html>).

Основным механизмом реализации европейской политики соседства стали индивидуальные «Планы действий по сотрудничеству», разработанные органами ЕС и переданные для исполнения странам – «новым соседям». «Планы действий» (ПД) дополняют основную юридическую базу отношений ЕС со странами-соседями, которую составляют двусторонние Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС). В отличие от этих пока еще действующих соглашений, индивидуальные *Планы – не международно-правовые документы, а всего лишь совместные программы действий ЕС с государствами, добровольно принимающими принципы европейской политики соседства*. Это своего рода «протоколы о намерениях», не имеющие юридической силы. Срок их действия три года с момента утверждения. В течение первых двух лет ЕС намерен регулярно оценивать, насколько успешно, с точки зрения Еврокомиссии, совместный с той или иной страной План воплощается в жизнь, а в конце третьего года будут подводиться окончательные итоги.

В 2005 г. Евросоюз подписал совместные «Планы действий» по сотрудничеству с семью странами, после чего политика добрососедства стала приобретать реальные очертания. В число первых семь стран, получивших индивидуальные ПД, вошли пять государств Северной Африки и Ближнего Востока – Марокко, Тунис, Иордания, Израиль, Палестинская Автономия (средиземноморские соседи ЕС), а также две страны СНГ – Молдова и Украина (восточноевропейские соседи).

Знакомство с первыми username, составленными для стран СНГ – «Планом действий ЕС–Украина» и «Планом действий ЕС–Молдова», показывает, что это во многих отношениях типовые документы, так как они воспроизводят положения, ранее включенные в Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Евросоюзом. Но в то же время каждый отдельный план исходит из конкретных условий в данной стране, а главное – из конкретного интереса к ней со стороны ЕС. Поэтому важнейший первый раздел – «Приоритеты сотрудничества» – в каждом username свой. Так, например, в username для Украины на одно из первых мест среди политических приоритетов Евросоюз поставил вопрос о проведении в стране «демократических парламентских выборов» в марте 2006 г. В username действий для Молдовы⁵ особое внимание уделено мерам по урегулированию конфликта с Приднестровьем, причем на основе пятисторонних переговоров.

Развитие европейской политики соседства будет осуществляться как через различные механизмы консультаций и политического диалога, так и путем повышения финансовой помощи странам-соседям. Согласно существующим бюджетным статьям, в рамках программ TACIS и MEDA партнеры по ЕПС получают

5. Опубликован 25 февраля 2005 г. (www.nt.md).

8,5 млрд. евро в течение 2000–2006 гг. На период с 2007 по 2013 г. Еврокомиссия предложила увеличить эту сумму почти вдвое и выделить в рамках нового Инструмента европейского соседства и партнерства (ИЕСП) еще около 15 млрд. евро.

В конце 2005 г. появились первые отчеты Еврокомиссии о ходе выполнения Планов действий. Представляя эти отчеты, специальный Комиссар ЕК по внешним связям и европейской политике добрососедства Бенита Ферреро-Вальднер охарактеризовала Планы действий как свидетельство «новых, особенных взаимоотношений», а 2005 г. назвала «годом реализации политики соседства». Она отметила, что задача, стоящая перед ЕС и его партнерами в этой связи, – «превратить обязательства и стремления, отраженные в Планах, в реальные действия путем проведения реформ, приносящих конкретную пользу странам – соседям ЕС и их гражданам». Еврокомиссар Б. Ферреро-Вальднер считает, что успех этого процесса будет всецело зависеть от политической воли и возможностей стран – партнеров ЕС, равно как и от способности самого Евросоюза реализовать эти планы.

2. Российское восприятие политики добрососедства

Принятие концепции и политики европейского соседства означает некое вмешательство, хотя и в рамках очерченных ЕПС, в дела стран СНГ, ставших объектами этой политики. Отныне Евросоюз как бы получил право оценивать стран-соседей, судить о том, насколько успешно они продвигаются к неким параметрам общеевропейских ценностей.

Российское отношение к ЕПС сегодня неоднозначно. Следует напомнить, что первоначально ЕПС была предложена также и России. Однако российское правительство отказалось от участия в новой политике ЕС, аргументируя свой отказ тем, что Россия уже поддерживает с ЕС отношения «стратегического партнерства», значение которых не должно обесцениваться. Россия намерена сближаться с Евросоюзом в рамках концепции «четырех общих пространств», конкретизированной в мае 2005 г. на саммите РФ – ЕС. Весьма распространено мнение, что российская сторона отнюдь не заинтересована в более активной политике Европейского союза в отношении своих непосредственных соседей.

Нередко ЕПС воспринимается как фундаментальный вызов российскому присутствию и влиянию в регионе в долгосрочной перспективе. Отношение России к возможности европейского вмешательства тем более негативно, что параллельно создается равноправное глобальное партнерство в сфере безопасности, необходимость которого признается пока не всеми странами ЕС.

Осознавая слабые стороны ЕПС, российское руководство все-таки озабочено тем, что в случае успеха политика добрососедства, инициированная ЕС,

может способствовать окончательному выходу этих стран из российской сферы влияния. Выраженное влечение стран региона «общего соседства» в сторону ЕС и его модели развития усиливает беспокойство России по поводу собственных позиций в качестве региональной державы и возможной угрозы оказаться «на задворках» Европейского союза.

Начало реализации политики соседства в отношении восточноевропейских и закавказских стран СНГ воспринято как вызов российскому присутствию на постсоветском пространстве. В политических дебатах, в научной литературе, в широких общественных дискуссиях последнего времени высказываются вполне обоснованные опасения, что в результате реализации политики соседства в Европе могут появиться новые разделительные линии. Многие российские эксперты, комментируя еще только ожидавшееся восточное расширение Евросоюза, писали, что ЕС будет всячески стремиться не допустить роста влияния России на постсоветском пространстве⁶. Сам термин «ближнее зарубежье» после расширения ЕС окончательно утрачивает свой прежний смысл. В течение всего постсоветского периода он применялся для обозначения постсоветских государств, или бывших республик СССР, подразумевая их особую близость России в историческом, культурном, ментальном, политическом и экономическом отношениях. Западные эксперты все чаще говорят не о ближнем зарубежье России, а об *общем ближнем зарубежье* РФ и ЕС⁷.

Широко распространено мнение, что главная цель ЕС в зоне общего «ближнего зарубежья» – создать буфер между Большой Европой и Россией, изолировать Россию от Запада. Известный германский политолог Александр Рар, руководитель программ по России и странам СНГ в Германском совете по внешней политике, так прокомментировал ситуацию в своем интервью американскому изданию *Washington Profile* в июле 2004 г.: «В ближайшие годы на европейском континенте будет идти ожесточенная борьба между Европой, которая намерена превратить Европу в “ЕС – Европу”, и Россией, которая хочет поделить европейский континент между СНГ и ЕС».

Это стремление Евросоюза включить в зону влияния Восточно-Европейский регион СНГ, отодвинув Россию от своих новых границ как можно далее на восток, подкрепляется встречной политической позицией ряда стран СНГ, во внешней стратегии которых приоритетным направлением признается сближение

6. Белов Е. *Евросоюз против России* // *Российские вести*, 2003, 17–23 декабря; Казин Ф. *Какая «Большая Европа» нам нужна? Взгляд из России на стратегию нового соседства ЕС* // www.tpa.ru

7. См.: Эмерсон М. *Слон и медведь. Европейский союз, Россия и их ближнее зарубежье.* – М., 2002.

и интеграция с ЕС и НАТО. Таких приоритетов придерживаются Украина, Молдова, Грузия, отчасти, Азербайджан (региональный союз ГУАМ).

Белоруссия и Армения в настоящее время больше ориентируются на связи с Россией и формирование с ней общей системы коллективной безопасности. Белоруссия входит в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), заключила с Россией Договор о создании Союзного государства РФ и РБ (1999), подписала четырехстороннее соглашение о формировании Единого экономического пространства (2003). Армения также государство – член ОДКБ и страна – наблюдатель в ЕврАзЭС.

Таким образом, в новых политических условиях пояс стран – «новых соседей», входящих в данный момент в СНГ, становится зоной борьбы за влияние между Россией и ЕС. Этот факт, по сути, заглушается, дипломатично сглаживается в официальных межгосударственных отношениях и в контактах на самом высоком уровне. Экспертное сообщество, напротив, все настойчивее обращает внимание политических лидеров на новые реалии в геополитическом треугольнике, образовавшемся на востоке Европы. Показательны в этом отношении титульные наименования некоторых недавно вышедших работ европейских ученых, посвященных проблемам отношений в треугольнике Россия – СНГ – ЕС. Так, Французский институт международных отношений в Париже (IFRI) опубликовал в электронной версии несколько докладов, выполненных в рамках Программы исследований по России и СНГ. Один из них, посвященный отношениям с Молдавией, называется «Общее соседство или новая линия фронта? Молдавский перекресток»⁸. Автор работы Дав Линч весьма откровенно пишет о «...разногласиях по поводу сотрудничества в направлении стран этого региона, который на протяжении 90-х годов оставался на периферии интересов ЕС, но был провозглашен Россией «сферой ее жизненных интересов». Отныне пространство общего соседства превратилось в новую линию фронта (курсив наш. – Л.К.)»⁹.

Анализируя ситуацию на восточных границах расширенного Евросоюза, категориями из военной стратегии оперируют и другие западноевропейские исследователи. Недавно вышедшая в свет монография трех немецких авторов Е. Пиля, П. Шульце и Х. Тиммерманна называется «Открытый фланг Европейского союза»¹⁰. Авторы последовательно рассматривают ситуацию в европейс-

8. *Russie. Cei. Visions*, N 2, avril, 2005. – info/russie/cei@ifri.org

9. *То же*.

10. *Piehl E., Schulze P.W., Timmermann H. Die offene Flanke der Europäischen Union. BWV – Berliner Wissenschafts-Verlag, 2005.*

кой группе стран – в России, на Украине, Белоруссии и Молдове, анализируют их экономическое и политическое развитие, а также внешнеполитический курс, с тем, чтобы выработать политические подходы к этим «новым соседям» со стороны ЕС.

Хотелось бы надеяться, что новые разделительные линии между Россией и Западом все-таки не возникнут, а их общее «ближнее зарубежье» превратится в зону интенсивных контактов РФ – ЕС. Для этого необходимо активизировать поиск новых, конструктивных подходов к взаимодействию по линии Россия – ЕС – СНГ (страны общего «ближнего зарубежья»), изучая конкретную ситуацию в государствах – новых соседях, их отношения как со странами Евросоюза, так и с Россией и другими странами СНГ.

Европейский союз – основной экономический партнер России. Его доля во внешней торговле нашей страны составляла в 2002 г. 37%, а после расширения приблизилась к 50% (по итогам 2004 г. – 48% всего товарооборота). Около 60% накопленных и 45% прямых иностранных инвестиций в российской экономике приходится на долю входящих в Евросоюз стран.

К Европейскому союзу присоединились страны, с большинством которых у России в течение длительного периода времени были особые политические и экономические отношения (это бывшие члены СЭВа и Организации Варшавского Договора – Польша, Чехия, Словакия, Венгрия). А три государства Балтии и вовсе входили в состав СССР, правопреемницей которого стала современная Россия. Ввиду этого, «восточное расширение» ЕС не могло не оказать непосредственного воздействия на трансформацию экономических и политических отношений в Центрально-Восточноевропейском регионе, а следовательно и на будущую динамику сотрудничества нашей страны с присоединяющимися к ЕС странами и с «Большой Европой» в целом. В то же время Россия и восточноевропейские страны СНГ, так же как и ряд государств Юго-Восточной Европы, остаются за границами расширившейся интеграционной группировки ЕС с ее огромным внутренним рынком, вмещающим 450 млн. жителей.

3. Взаимодействие восточноевропейских стран СНГ с Евросоюзом (на примере отношений Украина – ЕС)

Украина – наиболее крупное по размерам территории и демографическому потенциалу государство из числа новых соседей ЕС. В рамках восточной политики Евросоюза специально для Украины Европейская Комиссия (высший исполнительный орган ЕС) разработала «План действий ЕС – Украина»¹¹. Он был

11. EU / Ukraine Action Plan (Брюссель, 21 февраля 2005 г.).

принят 21 февраля 2005 г. в Брюсселе на очередном заседании Совета по сотрудничеству ЕС – Украина.

Этот трехлетний план рассчитан на реализацию до конца 2007 г. Нынешний план – обновленный вариант более раннего проекта, согласованного обеими сторонами еще в июле 2004 г., т.е. при президенте Л. Кучме. Корректировка Плана была проведена с учетом итогов «оранжевой революции» на Украине и избрания новым президентом страны Виктора Ющенко. Новое политическое руководство Украины за период своего нахождения у власти уже неоднократно продекларировало отказ от прежней «многовекторной» политики в пользу форсированного курса на европейскую и евроатлантическую интеграцию, другими словами, на сближение с ЕС и НАТО вплоть до полноправного членства. Украина сегодня настойчиво стучится в двери ЕС. Но Евросоюз пока ограничился принятием упомянутого Плана действий в отношении Украины. По сравнению с первоначальным проектом 2004 г. он был дополнен десятью новыми пунктами.

План действий ЕС – Украина теоретически предусматривает возможность начала переговоров с Евросоюзом об ассоциированном членстве после 2008 г., при условии, если заявленные в плане обязательства будут выполнены украинской стороной в срок. Тем самым, для Украины не закрыта возможность развивать в будущем отношения с ЕС на более высоком уровне, чем просто «новое соседство». Такая перспектива, однако, не может быть реализована автоматически, к тому же далеко не все страны – члены ЕС на момент принятия Плана действий были единодушны во мнении относительно целесообразности членства Украины в Евросоюзе.

При всем скепсисе, царящем в странах Западной Европы (особенно в государствах – старых членах ЕС – Франции, Нидерландах, Германии) в отношении необходимости дальнейшего расширения Евросоюза на восток и возможностей адаптации новых стран-членов, совершенно очевидно, что политика ЕС «затягивает» Украину в свою орбиту. Образно говоря, План действий и гипотетическая возможность будущей ассоциации с ЕС – это тот «короткий поводок», на котором Запад удерживает Украину от сближения с Россией, не принимая на себя конкретных обязательств в отношении будущего членства. Такой механизм, конечно, менее эффективен, чем механизм ассоциированного членства, применявшийся для стран Центрально-Восточной Европы, которых поставили на «лист ожидания» и примерно десять лет держали «в предбаннике ЕС». Тем не менее он способен оказывать сдерживающее воздействие на интеграционные инициативы России в рамках СНГ.

Сама Украина заявляет, что хотела бы иметь добрососедские связи с Россией, что предполагает, с ее точки зрения, достаточно высокий уровень развития экономического сотрудничества при независимой от России внутренней и внешней политике. В отношениях же с ЕС Украина готова к самой тесной

экономической и военно-политической интеграции. Промежуточные итоги первого года выполнения Плана действий были подведены во время IX саммита Украина – ЕС, состоявшегося в Киеве 1–2 декабря 2005 г. На нем присутствовали: Премьер-министр Великобритании Тони Блэр – руководитель страны-председателя в ЕС на этот момент, Глава Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу, Генеральный секретарь Совета министров ЕС, Верховный представитель ЕС по вопросам общей внешней политики и политики безопасности Хавьер Солана, комиссар ЕС по внешним связям и европейской политике соседства Бенита Фереро-Вальднер и другие официальные лица.

Общая атмосфера взаимных отношений Украины и Евросоюза, по единодушному мнению участников саммита, заметно улучшилась за прошедший год, а контакты между переговорщиками стали менее формальными. На брифинге с журналистами первый замминистра иностранных дел РУ Антон Бутейко рассказал, что многие вопросы, которые при администрации Л.Кучмы решались долго и посредством официального обмена дипломатическими нотами, сегодня можно разрешить, позвонив в Брюссель по мобильному телефону. «Такого внимания к нам и желания помочь мы никогда раньше не ощущали». Эти высказывания представителей украинской управленческой элиты, регулярно общающихся с Брюсселем, приводит украинская интернет-газета «Обозреватель»¹².

Все наблюдатели и эксперты сходятся во мнении, что нынешнее руководство Украины и особенно президент В. Ющенко лично получили на саммите Украина – ЕС безусловную политическую поддержку Евросоюза в намерении твердо продолжать внешнеполитический курс на сближение Украины с ЕС и НАТО, вплоть до перспективы членства в этих структурах общеевропейской интеграции и евроатлантического сотрудничества. В опубликованном совместном заявлении по итогам саммита приветствуется «твердая преданность Украины общим ценностям демократии, верховенства права и уважения к правам человека», а также признается прогресс в осуществлении экономических реформ. Обращает на себя внимание формулировка о том, что лидеры ЕС не «выражают надежду», как в былые времена, что грядущие парламентские выборы в марте 2006 г. «будут проведены в соответствии с международными стандартами», а высказывают «уверенность» в этом.

Главными итогами киевского саммита стали следующие:

Еврокомиссия пришла к выводу, что Украина выполнила все необходимые требования и отвечает техническим критериям для предоставления ей рыночного статуса. Окончательное решение о наделении Украины этим статусом будет принято после завершения формальных процедур в 2006 г.

12. http://www.obozrevatel.com.ua/news_print/2005/12/3/67271/htm

Были подписаны три важных соглашения – о стратегическом сотрудничестве между Украиной и Евросоюзом в энергетике и в сфере воздушного сообщения, а также об участии Украины в глобальной европейской системе наблюдения из космоса «Галилео».

Первый документ в форме меморандума, подписанного Виктором Ющенко и Тони Блэром, профильные эксперты оценивают очень высоко и считают его началом энергодиалога Украины с ЕС на высшем уровне. Интеграция украинской энергетической инфраструктуры в соответствующую инфраструктуру ЕС рассматривается как важнейшая предпосылка будущей полномасштабной интеграции страны в Евросоюз. Считается также, что переход сотрудничества Украины с ЕС в энергетической сфере на более высокий, чем ранее, уровень будет способствовать разрешению российско-украинских противоречий в этой сфере.

Второй документ – Соглашение о некоторых аспектах воздушного сообщения РУ – ЕС подписали премьер-министр Украины Юрий Ехануров и Ж.М. Баррозу. Это соглашение предоставляет юридическую возможность любой европейской авиакомпании совершать авиарейсы между любой страной Евросоюза и Украиной. Документ признает существование единого рынка авиаперевозок между Украиной и ЕС и является первым шагом на пути к расширению сотрудничества в области гражданской авиации.

Третий документ – Соглашение о сотрудничестве в области глобальной навигационной спутниковой системы «Галилео» также подписали Ю. Ехануров и Ж.М. Баррозу. Данная система наблюдения из космоса за различными видами наземного и воздушного транспорта имеет гражданское назначение и начнет действовать в 2008 г.

По оценкам европейских экспертов, уже через несколько лет объем транзакции в этой области будет превышать 230 млрд. евро¹³. По мнению украинских специалистов, подписание соглашения с ЕС создает необходимые предпосылки для участия Украины в реализации первой космической программы ЕС и ее членства в Европейском космическом агентстве.

Важной вехой в отношениях Украины и ЕС в рамках Плана действий стало начало переговоров об упрощении визового режима (иногда этот процесс неверно трактуют как переговоры о либерализации визового режима для Украины). Европейская сторона действует в этой области весьма осторожно, избегая называть какие-либо даты.

ЕС с вниманием отнесся к просьбам об упрощении процедуры выдачи украинцам въездных виз в свои пределы, их поддержали многие страны, в частности Германия, куда через немецко-польскую границу проникают нелегальные мигранты, в том числе и с Украины (в 2003 г. – 1400 человек)¹⁴. Офици-

13. http://www.obozrevatel.com.ua/news_print/2005/12/3/67271/htm

14. По данным Посольства ФРГ в Украине. – Сайт proUA.com? 10/08/2005

альные переговоры тем не менее еще долго не начинались, поскольку требовалось соблюсти все принятые для этого в Евросоюзе процедуры. Только в начале сентября страны – члены ЕС согласились предоставить Европейской Комиссии мандат на проведение переговоров об ослаблении визовых требований для ее граждан¹⁵.

Существенных сдвигов в этой сфере отношений следует ожидать не ранее, чем после заключения Украиной комплекса соглашений с ЕС и отдельными странами-соседями, а также соглашений о возвращении нелегальных мигрантов (соглашения о реадмиссии).

Со своей стороны Украина пошла на беспрецедентную либерализацию визового режима для граждан ЕС, а также ряда других стран (США, Канада, Япония), приняв в одностороннем порядке соответствующие решения. Первоначально отменили визы для граждан из стран ЕС и Швейцарии на период с 1 мая по 1 сентября 2005 г. в связи с проведением юбилейного международного песенного конкурса «Евровидение» (май, г. Киев). В июле месяце Украина ввела безвизовый режим для въезда граждан США и Японии, а впоследствии продлила сроки его действия. Начиная с 1 сентября 2005 г. на Украине действует безвизовый режим въезда в страну и транзитного проезда через территорию Украины для граждан государств – членов ЕС, Швейцарской Конфедерации, Княжества Лихтенштейн и Канады, если срок их пребывания в Украине не превышает 90 дней¹⁶. После того, как был завершён первый раунд переговоров с ЕС в конце ноября, Украина сделала еще один шаг вперед, распространив действующий безвизовый режим на граждан еще шести стран Европы: Княжество Андорра, государство-город Ватикан, Республика Исландия, Княжество Монако, Королевство Норвегия и Республика Сан-Марино¹⁷. Все решения в сфере визового режима на Украине принимались по указам президента.

В ответ на односторонние шаги Украины в сторону отмены виз для граждан ЕС и Швейцарии наибольшие послабления в визовом режиме сделала Чехия. Она ввела сначала на период с 1 мая по 31 августа 2005 г. бесплатную выдачу транзитных и кратковременных виз для украинцев. А впоследствии МИД Чехии объявил, что этот визовый режим продлевается еще на два года, до вступления в силу на территории Чехии Шенгенского соглашения¹⁸.

Евросоюз заинтересован в том, чтобы обезопасить себя от въезда из Украины нелегальных мигрантов. Поэтому в рамках Европейской политики сосед-

15. <http://www.charter97.org/bel/news/2005/09/07>

16. На основании Указов В. Ющенко от 26 июля 2005 г. – По материалам пресслужбы Президента РУ.

17. Безвизовый режим вводится Указом Президента В. Ющенко от 29 ноября 2005 г.

18. Грани плюс, Киев, 25.08.2005.

ства ЕС выделил Украине 3,8 млн. евро на создание двух пунктов временного содержания нелегальных мигрантов в Волынской и Черниговской областях. Деньги выделены по проекту ЕС «Укрепление потенциала в сфере управления миграционными процессами». Согласно концепции нового соседства, одним из условий является подписание о реадмиссии (взаимном возвращении нелегальных мигрантов) со всеми странами-соседями и организация на их территории фильтрационных лагерей¹⁹.

В 2005 г. Украина добилась для себя некоторых результатов в сфере экономического взаимодействия, прежде всего в торговых отношениях с ЕС. В начале года было подписано Соглашение о торговле сталелитейными изделиями на двухлетний период (2005–2006). В соответствии с ним квота на ввоз украинской стали в страны ЕС увеличивается до 1004,5 тыс. т. Другое важное Соглашение о торговле текстильной продукцией между Украиной и ЕС позволило сохранить на перспективу бесквотный режим экспорта в ЕС для украинских производителей. Таким образом, провозглашенные принципы политики добрососедства – облегчение доступа на рынок ЕС для товаров из стран-соседей – в отношениях с Украиной начинает постепенно реализовываться.

В первый же год выполнения Плана действий Европейский инвестиционный банк заключил соглашение с Украиной, дающее ей возможность получить кредитные ресурсы на сумму около 250 млн. евро. Тем самым усиливается финансовая поддержка украинских реформ со стороны ЕС.

В целом руководители Евросоюза и лидеры государств – членов ЕС, подписавшие итоговое заявление Киевского саммита в декабре 2005 г., отметили «значительный прогресс» в выполнении «Плана действий ЕС–Украина». Такая высокая оценка со стороны Евросоюза приятно удивила даже украинских экспертов. Она была расценена скорее как политическое одобрение политики В. Ющенко, проводимой в соответствии с приверженностью нынешней администрации «европейскому выбору Украины», нежели крупный реальный прогресс на этом пути. В ходе «круглого стола», организованного осенью 2005 г. Центром имени А. Разумкова в Киеве, украинские эксперты оценили выполнение Плана действий ниже, чем на «четверку». Высший балл (3,5) получил раздел «Политический диалог и реформирование», а ниже всего было оценено выполнение раздела «Экономические и социальные реформы и развитие»²⁰.

Лидеры ЕС выразили свою готовность безотлагательно начать консультации по новому усиленному соглашению между Украиной и ЕС, которое должно заменить нынешнее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС, 1998 г.), как только будут выполнены политические приоритеты Плана действий. Что же

19. <http://www.kreml.org/opinions/> 22.11.2005

20. Спецвыпуск журнала «Национальная безопасность и оборона», 2005. – № 7.

касается создания зоны свободной торговли (ЗСТ) Украины с ЕС, то представители Евросоюза в очередной раз подтвердили, что будут готовы начать переговоры по этому вопросу после того, как Украина станет членом Всемирной торговой организации. Тем самым алгоритм движения к начальной стадии экономической интеграции Украины с Евросоюзом остается неизменным: получение статуса страны с рыночной экономикой – затем вступление в ВТО и после этого подключение к ЗСТ с ЕС. В течение всего этого периода (как долго он продлится сегодня сложно прогнозировать), Украина намерена ограничивать свое участие в интеграции с Россией и другими странами СНГ уровнем зоны свободной торговли, как того требует ЕС.

Итак, в конце 2005 г. Евросоюз впервые заявил, что готов повысить уровень отношений с Украиной, начав разработку «усиленного» соглашения, которое сменит СПС. Украинские эксперты уже поспешили высказать мнение, что новое «усиленное» соглашение они видят как документ об ассоциации с Евросоюзом. Более того, политологи в Киеве считают, что если Украина выполнит в 2006–2007 гг. политические приоритеты Плана действий, она тем самым вплотную приблизится к соответствию первому из так называемых «копенгагенских критериев», а это даст ей все законные основания для подачи официальной заявки на членство в ЕС.

На наш взгляд, это слишком оптимистичные ожидания. Евросоюз пока не определился с тем, какой смысл следует вкладывать в понятие «усиленное соглашение». Политическая элита ЕС далеко не единодушна во мнении относительно ключевого вопроса: стоит ли вообще принимать Украину в ЕС? Пока что в Брюсселе на неопределенный срок хотели бы ограничиться сотрудничеством в формате «нового соседства». В то же время нельзя не отметить подвиг общественно-мнения европейцев в сторону Украины. Так, социологическая компания TNS-Sofres, по заказу международной организации «Ялтинская европейская стратегия» провела очередной опрос в шести странах Евросоюза, охвативший 75% жителей ЕС. Его итоги показали, что более половины респондентов поддерживают присоединение Украины к Евросоюзу.

4. Проблемы координации экономического сотрудничества в треугольнике Украина - Россия - ЕС

Сотрудничество России с Украиной в новом международном контексте имеет, на наш взгляд, особое значение. Это – центральное звено в отношениях России с группой стран, обозначаемых нами как «Евровосток», или контактная зона с ЕС. Политические подходы и конкретный инструментарий, вырабатываемый сейчас для российско-украинских отношений, могут, на наш взгляд, рас-

смагиваться в качестве модельных механизмов для будущих отношений в треугольнике Россия – ЕС – страны СНГ (общие соседи).

Существенные различия во внешних стратегиях РФ и РУ имеют принципиальное значение для перспектив формирования их межгосударственных отношений в целом, но в особенности – для экономических связей двух стран. Совершенно очевидно, что российской стороне нет смысла далее заниматься самообманом и пытаться, как это было до сих пор, выстроить отношения с Украиной в рамках российской стратегии евразийской интеграции государств постсоветского пространства. Все предыдущие попытки были со знаком минус²¹. Украина не хочет объединяться с Россией на почве идеологии «евразийства», она сделала «европейский выбор».

Поэтому в двусторонних отношениях с Украиной необходимо стремиться в самое ближайшее время выработать модель экономического взаимодействия, адекватную изменившимся внутри- и внешнеполитическим условиям развития обеих стран. Одним из главных внешних факторов, воздействующих на развитие экономических связей Украины с Россией и другими странами СНГ, становится фактор притяжения Евросоюза как мощной интеграционной группировки, продолжающей наращивать свой экономический потенциал.

Сложность выработки конструктивных подходов к взаимодействию в треугольнике РФ – РУ – ЕС состоит еще и в том, что в общем «ближнем зарубежье» отсутствует международно-правовая база, регулирующая взаимные отношения всех трех сторон, адекватная новым условиям. Основополагающие международные договоры между сторонами, как правило, безнадежно устарели, срок их действия вскоре истекает, а формально продлить эти соглашения не представляется возможным в силу их несоответствия современным тенденциям развития в Европе и СНГ.

Напомним, что отношения между Россией и ЕС регулирует Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Срок его действия формально истекает

21. Устав СНГ Украина не подписывала, в Договоре об экономическом союзе стран СНГ (1993) участвовала как ассоциированный член. На приглашение присоединиться в качестве третьего члена к Союзу России с Белоруссией и всем вместе создать Славянский Союз в СНГ (была такая идея в 1996–1997 гг.), Леонид Кучма ответил резким отказом, заявив что «мы не дадим загнать Украину в третий славянский угол». Наконец, приглашение вступить в Евразийский Экономический Союз (ЕврАзЭС), образованный в 2000 г., Украина также отклонила, хотя это давало ей право на режим свободной торговли в отношениях с Россией и другими странами СНГ, которого она добивается и сегодня. Многих сбilo с толку подписание Украиной в сентябре 2003 г. четырехстороннего Соглашения о формировании Единого экономического пространства (ЕЭП). Но ведь ЕЭП пока еще – даже не межгосударственная организация, а лишь рамочный документ об экономическом сотрудничестве, да и то Украина ратифицировала его с оговорками.

1 декабря 2007 г., если не будет достигнута договоренность о продлении или замене²². Принятые на майском (2005) саммите Россия – ЕС «дорожные карты» по четырем общим пространствам многие эксперты оценивают как «инструкции по сближению сторон», но не как юридические документы, способные заменить или дополнить СПС²³.

Межгосударственные отношения России с Украиной развиваются на основе Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве (так называемый «Большой Договор»), который был подписан президентами Б. Ельциным и Л. Кучмой в мае 1997 г. сроком на десять лет. В пакете к нему имеется Соглашение о разделе Черноморского флота и оговорены условия аренды Россией военноморской базы в Севастополе. В настоящее время многие эксперты считают весьма вероятным вступление Украины в НАТО до 2008 г.²⁴. Это поставит под вопрос и пролонгацию двустороннего соглашения о ЧМФ.

В экономической сфере действует Программа экономического сотрудничества между Украиной и Россией на период 1998–2007 гг., включающая ряд отраслевых подпрограмм. В феврале 2000 г. во время рабочей встречи президентов Л. Кучмы и В. Путина в г. Днепропетровске была подписана Долгосрочная программа межрегионального и приграничного сотрудничества на период 2001–2007 гг.

Что касается отношений Украины и ЕС, то несмотря на упоминавшийся выше совместный План действий до 2007 г., в Брюсселе пока не принято принципиальное политическое решение, будет ли продолжено расширение ЕС на восток после 2007 г. Во всяком случае, пока Украине настоятельно рекомендуют не подавать заявку на членство в ЕС, что встречает непонимание и искреннюю обиду политической элиты страны.

Как видно из приведенного краткого обзора правовой базы отношений в треугольнике Россия – Евросоюз – Украина, ближайшие два года – 2006–2007 – это период юридической и политической неопределенности во взаимных связях партнеров. До конца 2007 г. истекает срок всех основных действующих международных договоров и соглашений. Что придет им на смену? – Пока не ясно. Этот факт, на наш взгляд, может негативно отразиться на экономических связях, поскольку стабильное и долгосрочное сотрудничество возможно только на прочной международно-правовой основе. Но в то же время нельзя не сказать о том, что лимит времени еще не исчерпан, поэтому для экспертов открывается

22. РИА НОВОСТИ, 11.05.2005 г. (Из интервью с заместителем министра иностранных дел РФ Владимиром Чижовым по итогам майского саммита Россия – Евросоюз, 2005 г.).

23. Труд, 11.05.2005.

24. Glavred.info 25/05/2005.

широкое поле деятельности. Право на жизнь могут иметь самые разнообразные конструкции, главное, чтобы они не разделяли, а сближали государства и народы.

5. Последствия соседства с ЕС для экономических отношений России со странами СНГ

Новый внешнеполитический контекст развития стран СНГ в связи с активизирующимся влиянием ЕС на постсоветском пространстве создает определенные вызовы и даже угрозы как двусторонним направлениям сотрудничества России с государствами Евровостока, так и многосторонним проектам интеграции в регионе.

На сегодняшний день под угрозой реализации оказался главный проект интеграции России с Украиной – формирование Единого экономического пространства (ЕЭП-4). Здесь мы имеем дело с ситуацией, которую можно определить как «конкуренция интеграций»: модель европейской интеграции в рамках ЕС выглядит для некоторых восточноевропейских партнеров России предпочтительнее, чем модели евразийской интеграции – вступление в организацию ЕврАзЭС, или сотрудничество в проекте ЕЭП вместе с Россией, Беларуссией и Казахстаном. Ни Украина, ни Молдова при всех очевидных для этих стран преимуществ сотрудничества с Россией не соглашаются быть членами региональных союзов постсоветских государств, в которых участвует Российская Федерация.

Стратегический курс на вступление в ЕС диктует современной Украине необходимость ограничиться в своем сотрудничестве с другими странами формирующейся «четверки» ЕЭП лишь начальным этапом интеграции, а именно – созданием многосторонней зоны свободной торговли без изъятий и ограничений в передвижении товаров и услуг (ЗСТ). Это явно противоречит интересам России, Казахстана и Беларуссии в ЕЭП – сформировать таможенный союз и общие рынки не только по товарам и услугам, но и в области движения капиталов и рабочей силы. Несмотря на то, что и российский, и украинский бизнес заинтересованы в работе на более обширном общем рынке СНГ, в согласовании налоговой и тарифной политики, в расширении инвестиционных возможностей (это показывают все социологические опросы), государственная внешняя политика Украины препятствует этому.

Разные подходы российской и украинской сторон к интеграции по модели Единого экономического пространства уже второй год тормозят принятие законодательной базы в «четверке», а, следовательно, снижают заинтересованность всех остальных потенциальных участников этого проекта. Ведь на стадии формирования ЗСТ Россия несет финансовые потери – от 800 млн. до 1 млрд. долл., и наша страна пошла на это сознательно, только в интересах дальнейшего

продвижения проекта ЕЭП. Для России вариант односторонних потерь в пользу Украины на начальном этапе приемлем только в том случае, если будет достигнута твердая договоренность о дальнейшем участии украинской стороны в проекте. Но такой договоренности в настоящее время нет, а следовательно, ЕЭП может преобразоваться из «четверки» в «тройку», без Украины. В этом случае он как новый проект интеграции на постсоветском пространстве вообще теряет смысл, поскольку «тройка» стран – Россия, Казахстан и Белоруссия уже работают над созданием таможенного союза в рамках региональной группировки ЕврАзЭС, которая в 2005 г. существенно расширилась: к ЕврАзЭС присоединились Узбекистан и другие страны ОЦАС.

Нынешняя неопределенность перспектив проекта ЕЭП грозит в будущем неминуемыми потерями и для самой Украины. Это произойдет в том случае, если ее экономическое сотрудничество с Евросоюзом ограничится лишь некоторыми преференциями в рамках «нового соседства», а от таможенного союза с Россией и Казахстаном Украина окончательно откажется. Так, вряд ли ЕС компенсирует Украине огромные финансовые потери от перехода с начала 2006 г. в ее торговле с Россией на европейский уровень цен на газ и нефть.

Очень многие направления торгово-экономического сотрудничества Украины с ЕС зависят от благоприятных условий ее экономического взаимодействия с Россией и другими странами СНГ. Это касается, в первую очередь, возможностей получения транзитных доходов от экспорта газа и нефти в Европу через украинскую трубопроводную систему. Они непосредственно связаны с количественными объемами поставок этих энергоносителей из России, Казахстана, Туркмении, а также от общих договоренностей между всеми добывающими странами о путях транзита этих ресурсов на мировой рынок и о тарифах на перекачку трубопроводным транспортом (по газо- и нефтепроводам).

В этой связи Евросоюз, как нам представляется, должен быть заинтересован в установлении долгосрочных экономических отношений Украины с Россией в рамках СНГ. Так, в частности, трехстороннему сотрудничеству с Европой не противоречит, а наоборот, может только способствовать инициатива России и Казахстана по формированию общего энергетического пространства в рамках ЕЭП. Однако украинская сторона, ссылаясь именно на перспективу сближения с ЕС, отказывается составлять общие балансы производства и потребления энергоресурсов стран «четверки», проводит линию на уменьшение импортной зависимости от России, особенно по газу, на строительство альтернативных путей экспорта нефти в Европу.

Украина хотела бы стать основным звеном в экспорте «легкой» каспийской нефти в Европу, в обход российской территории. С этой целью, как известно, был построен нефтепровод Одесса – Броды, рассчитанный на перекачку 9 млн. т сырой нефти, но из-за отсутствия поставщиков сырья он простаивал более трех

лет (2001–2004), пока Россия не предложила использовать «трубу» в реверсном направлении, от пункта Броды до Одессы. Соответствующий контракт был подписан летом 2004 г. сроком на три года компанией ТНК-Бритиш Петролеум (с российской стороны) и украинским «Нефтегазом». Сейчас в правительстве Украины этот договор критикуется как не отвечающий национальным интересам Украины (неужели простаивающий трубопровод, не приносящий никаких доходов от транзита, больше соответствовал национальным интересам?). Конечно, все дело в неприятии самой идеи «энергетической привязки» к России. В случае с нефтепроводом Одесса–Броды следует подчеркнуть, что российско-британская ТНК-БП тоже недовольна эффективностью реверсного маршрута. Нет сомнений, что в перспективе Одесса–Броды будет использоваться по прямому назначению. Но для этого предстоит все-таки достроить нефтепровод от местечка Броды на украинско-белорусской границе до города Плоцка (Польша) и далее до порта на Балтийском побережье – Гданьска, а также договориться со странами – потенциальными экспортерами каспийской нефти (Азербайджан, Казахстан). Этот проект транспортировки мог бы стать сферой тесного сотрудничества ЕС, Украины и стран СНГ, включая Россию.

Теснейшим образом взаимосвязаны также условия сотрудничества в металлургической отрасли, где Россия и Украина как производители стали и труб конкурируют не только на внутреннем рынке СНГ, но и на внешних рынках, в том числе при экспорте в ЕС и США. На наш взгляд, интересам всех сторон отвечали бы согласование программ выпуска металлургической продукции в России и на Украине, а также договоренности, касающиеся внутриотраслевой специализации в рамках отраслей черной и цветной металлургии, разделения ассортиментных программ, что могло бы благоприятно сказаться и на взаимной торговле, и на поставках в ЕС.

Областью тесного сотрудничества России с Украиной, вызывающей серьезную озабоченность российской стороны в связи с политикой ЕС, является сфера энергетики. Эта сфера относится к стратегической области экономических интересов и экономической безопасности любой страны, но тенденции и перспективы взаимодействия России и ЕС требуют особого внимания. Россия, как известно, намерена проводить независимую энергетическую политику. При этом нет никакого сомнения в том, что Евросоюз будет и далее стремиться к диверсификации поставщиков энергии.

Третья область – это транспортно-транзитные проекты России. Здесь также сталкиваются интересы трех сторон, а, следовательно, придется искать пути взаимодействия, особенно в вопросах контроля над трубопроводной системой.

Четвертая область – сотрудничество в сфере высоких технологий. Здесь у российской стороны самые большие опасения вызывает на сегодняшний день то обстоятельство, что сближение Украины с ЕС и параллельно с НАТО нарушит

кооперацию во многих отраслях, в первую очередь в ракетно-космической и авиационной, а также в электронике.

6. Предварительные выводы

Отношения Российской Федерации с постсоветскими государствами – «новыми соседями» ЕС должны выстраиваться на перспективу принципиально иначе, чем это было до момента восточного расширения ЕС. Развивать далее эти отношения на двусторонней основе исключительно в рамках СНГ, а также пытаться вписать их в многосторонние региональные союзы, формирующиеся в духе концепции евразийской интеграции (ЕврАзЭС, ЕЭП, Союзное государство России и Белоруссии), очевидно не удастся. Нужны новые подходы и новые формы сотрудничества, отвечающие новым реалиям, а именно наличие «треугольника» интересов Россия – Евровосток – ЕС.

В первую очередь, российской стороне необходимо пересмотреть подходы к сотрудничеству с теми странами, которые позитивно восприняли европейскую политику соседства и добровольно соглашались на всестороннее взаимодействие с ЕС на предлагаемых им со стороны Евросоюза принципах. Речь идет о таких странах-соседах, как Украина, Молдова, Грузия, Азербайджан (группировка ГУАМ). Политические и экономические отношения России с этими странами стремительно перемещаются из геополитического сектора «РФ – страны СНГ» в новый сектор «РФ – Евровосток»²⁵. Особое значение приобретает поиск новых подходов к отношениям с Украиной – ключевым государством в СНГ и в Восточно-Европейском регионе.

Взаимодействие в новом геополитическом секторе «РФ – Евровосток» должно в полной мере учитывать твердое стремление «новых соседей» сближаться с ЕС, вплоть до интеграции в Евросоюз в тех или иных формах²⁶, но одновременно и сотрудничать с Россией там, где это взаимовыгодно. В этой связи чрезвычайно актуальной представляется инициатива выдвижения общих проектов международного сотрудничества, отвечающих интересам всех трех сторон: России, ЕС и их общих соседей на Евровостоке.

Отношения России с ЕС после начала реализации политики добрососедства также потребуют корректировки. Как известно, в сотрудничестве с Евросоюзом Россия выбрала принципиально иную концепцию и иные механизмы

25. Напомним, что к этой группе стран мы относим восточноевропейские и закавказские государства СНГ.

26. В последнее время все чаще говорится о согласии этих стран на форму «интеграции без членства», которая пока что не конкретизирована, а потому не ясно, возможно ли в принципе такое сотрудничество с ЕС и что оно будет означать.

сближения, нежели восточноевропейские и закавказские страны СНГ. В результате этого траектории сближения РФ – ЕС и СНГ – ЕС не вполне совпадают.

Российская Федерация действует в юридических рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1994 г., что предполагает «стратегическое партнерство», но без членства в ЕС. Россия согласовала с Евросоюзом концепцию формирования четырех «общих пространств» и не намерена отказываться от этой концепции в пользу «нового соседства». Концепция «общих пространств» получила содержательное развитие в мае 2005 г., когда на 15 саммите Россия – ЕС были утверждены соответствующие «дорожные карты» по четырем пространствам.

Постсоветские государства – «новые соседи» ЕС, в свою очередь, однозначно приняли предложенную им концепцию отношений добрососедства (кроме Белоруссии). В этом формате они либо уже взаимодействуют с Евросоюзом по индивидуальным планам (как Украина и Молдова), либо готовятся к этому (как Армения, Грузия и Азербайджан). Восточноевропейские соседи ЕС соглашались на условия Евросоюза («Делай, как мы!»), они ориентируются на максимальную адаптацию к его стандартам в области демократии, прав человека, экономики, образования, экологии и т.п. Для этого эти страны уже изменяют свои законодательства, а также принимают в полном объеме политические требования ЕС.

Россия, следуя логике «общих пространств», не готова однозначно принять нормы, стандарты и законы ЕС. Российская сторона в процессе сближения с ЕС надеется на компромиссные варианты и на совместную разработку условий сотрудничества. Между тем идея «общих пространств» в двусторонних отношениях между Россией и Евросоюзом выглядит все еще очень абстрактной, как некий набор пожеланий. В противоположность этому **Планы действий** последовательно влияют на создание новых политических и экономических условий в странах-соседях, а главное – **все больше втягивают эти страны в орбиту европейской внешней политики и общей политики безопасности ЕС**. Воздействие ЕПС на внутренние реформы в странах СНГ обеспечивается комплексом взаимоувязанных мер, а также все возрастающей финансовой помощью.

Для соблюдения российских национально-государственных интересов чрезвычайно важно постоянно отслеживать и анализировать реальные процессы в зоне «нового соседства». Мониторинг европейской политики нового соседства и ее конкретной реализации в странах – общих соседях России и ЕС позволил бы российской стороне лучше понимать мотивацию действий своих восточноевропейских и закавказских соседей по СНГ в вопросах международного сотрудничества.

Новый международный контекст отношений России с государствами постсоветского пространства побуждает активизировать поиск конструктивных под-

ходов к взаимодействию в геополитическом треугольнике Россия – ЕС – страны СНГ. Нельзя допустить, чтобы «общее ближнее зарубежье» России и ЕС превратилось в зону конфликтов. Оно может и должно быть зоной интенсивных контактов между всеми сторонами. Проблема поведения России в отношении ЕС и общих соседей заключается в том, что, по выражению министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова, «членство в Евросоюзе для Российской Федерации даже в теоретической плоскости не рассматривается». Но в то же время внешнеполитическая стратегия России признает важность развития сотрудничества одновременно по двум приоритетным направлениям: и с ЕС, и с СНГ. Поэтому **Россия не должна самоустраняться от активного взаимодействия с «новыми соседями ЕС», даже если они не готовы к евразийским моделям интеграции.** Ошибочным был отказ от приглашения принять участие в Форуме Содружества Демократического Выбора в Киеве (декабрь 2005 г.).

России следовало бы чаще выступать с инициативами крупных трехсторонних проектов в экономике, участниками которых могли бы стать хозяйствующие субъекты России, Евросоюза и стран, входящих в пояс добрососедства. Подобные многосторонние проекты экономического сотрудничества могут касаться таких областей общей заинтересованности, как энергетика и энергетическая безопасность, модернизация и расширение транспортной инфраструктуры, охрана окружающей среды в приграничных регионах. Эти области сотрудничества потребуют, очевидно, создания новых международных механизмов трехсторонних консультаций. Необходимость таких механизмов уже ощущается в сфере масштабного энергодиалога, к которому приступили Россия – ЕС и Украина – ЕС.

Российской стороне целесообразно в самое ближайшее время начать разработку Концепции отношений России с ЕС в общем «ближнем зарубежье», или в поясе «нового соседства». Ее составной частью должны быть модели экономического взаимодействия в геополитическом треугольнике РФ – ЕС – СНГ. Эта работа потребует, очевидно, объединения усилий многих государственных и правительственных ведомств, представителей деловых кругов, а также четкой координации со стороны МИДа РФ и Совета Безопасности, консультативного участия Российского союза промышленников и предпринимателей.

Важно при этом чтобы Евровосток не стал в ближайшие годы буферной зоной, новым лимитрофом, полем геополитической и экономической конкуренции России с ЕС. Политика в духе «конкуренции интеграций», которую Россия пыталась реализовать до сих пор с Украиной и Белоруссией, пытаясь в частности противопоставить проект ЕЭП проекту ЕС, оказалась совершенно неэффективной. Ее следует постепенно заменять подходами в духе конвергенции и формирования взаимопроникающих «общих пространств», а также делать упор на совместные международные проекты, в которых бы участвовали и Россия, и ЕС, и страны СНГ.

А. В. Шурубович

РАЗВИТИЕ ИНТЕГРАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ЕВРАЗЭС

**Шурубович Алексей Викторович –
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Института экономики РАН.**

Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) в составе России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, к которым в январе 2006 г. присоединился Узбекистан, является наиболее «продвинутым» субрегиональным многосторонним объединением на пространстве СНГ. В нынешних условиях, когда стала очевидной нереальность задачи формирования полноценной интеграционной группировки в масштабе всего Содружества, именно от деятельности ЕврАзЭС, где достигнут достаточно высокий уровень экономического взаимодействия стран-участниц, в решающей степени зависят перспективы интеграции постсоветских государств.

Этапы развития ЕврАзЭС

Многостороннее, ориентированное на интеграцию, взаимное сотрудничество стран ЕврАзЭС имеет уже более чем десятилетнюю историю. На первом этапе его существования (1995–2000) в формате Таможенного союза (ТС)¹ соответствующими соглашениями он был определен как экономическое объединение государств, основывающееся на принципах единой таможенной территории и наличия однотипного механизма регулирования экономики, базирующейся на рыночных принципах хозяйствования и гармонизированном законодательстве.

На их основе был проведен ряд мероприятий по развитию интеграционных процессов в экономике и других сферах общественной жизни. Были, в частно-

1. В 1995 г. в него вошли Россия, Белоруссия и Казахстан. В 1996 г. к ним присоединилась Киргизия, в 1999 г. – Таджикистан.

сти, отменены тарифные и количественные ограничения во взаимной торговле стран-участниц, согласованы импортные таможенные тарифы России, Белоруссии и Казахстана по большинству товарных позиций, сделаны первые шаги по пути координации экономической политики. Активизировалось взаимодействие национальных финансовых систем, успешно развивалось сотрудничество стран – участниц ТС в гуманитарной сфере.

Важной вехой на пути развития взаимодействия стало подписание 26 февраля 1999 г. Договора о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве, предусматривающего поэтапное формирование единого экономического пространства России, Белоруссии, Казахстана, Киргизии и Таджикистана.

Вместе с тем, достигнуть большинства намеченных целей в области экономической интеграции не удалось. В конце 90-х годов произошел «откат» назад в формировании Таможенного союза: в результате пересмотра Россией, Белоруссией и Казахстаном в одностороннем порядке своих импортных тарифов уровень согласования тарифных ставок в ТС значительно снизился по сравнению с 1996 г., когда они были почти полностью унифицированы. Таможенные тарифы Киргизии и Таджикистана сильно отличались от тарифов первых трех стран. Серьезным испытаниям подвергся установленный между странами ТС режим свободной торговли без изъятий и ограничений: неоднократно отмечались случаи одностороннего введения отдельными государствами ограничений на ввоз тех или иных товаров из стран-партнеров (или на вывоз в эти страны). Вопреки принятым решениям не была создана эффективная система взаиморасчетов между хозяйствующими субъектами стран-участниц. Не удалось заметно продвинуться в гармонизации национальных хозяйственных законодательств, что во многом было обусловлено различиями подходов стран ТС к содержанию экономической политики.

Развитие интеграции в ТС осложнялось и отсутствием согласованной политики в отношениях с внешним миром, что особенно наглядно продемонстрировало вступление в 1998 г. Киргизии во Всемирную торговую организацию (ВТО) без согласования с другими участниками ТС.

Неудачи в формировании Таможенного союза и в развитии интеграции в рамках «пятерки» выявили настоятельную необходимость новых подходов к сотрудничеству, создания эффективного многостороннего организационно-правового механизма реализации интеграционных договоренностей. В этих целях 10 октября 2000 г. в Астане был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), в соответствии с которым Таможенный союз был преобразован в международную экономическую интеграцию с четкой структурой и детально прописанным механизмом принятия решений. Весной 2001 г. после ратификации парламентами данных стран Договор вступил в силу, а в конце мая 2001 г. на встрече руководителей стран-участниц в

Минске Сообщество получило институциональное оформление – были приняты основные документы, регламентирующие деятельность ЕврАзЭС, и созданы его руководящие органы. С этого времени начался отсчет второго этапа существования объединения стран «пятерки».

Главные цели создания ЕврАзЭС – эффективное продвижение процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства, координация действий государств-участников при интеграции в мировую экономику и международную торговую систему².

Следует отметить, что страны ЕврАзЭС отказались от принятой в Таможенном союзе практики принятия решений всеми его органами на основе консенсуса. Если Межгосударственный совет – высший орган Сообщества – принимает решения консенсусом, то в постоянно действующем рабочем органе – Интеграционном комитете – голоса распределяются в соответствии с экономическим «весом» стран-участниц. Решение принимается здесь большинством в 2/3 голосов, причем количество голосов каждой страны соответствует ее взносу в бюджет Сообщества: Россия имеет 40 голосов, Белоруссия и Казахстан – по 20, Киргизия и Таджикистан – по 10 голосов. Такой порядок способствует закреплению лидирующей роли России в Сообществе.

Реально ни одно решение в Интеграционном комитете не может быть принято без согласия России: если за принятие решения проголосовали четыре страны, но при этом оно не набрало 2/3 голосов, вопрос передается на рассмотрение Межгоссовета, где решение, как уже отмечалось, принимается на основе консенсуса.

Весной 2003 г. ООН зафиксировала статус Сообщества как международной организации, а в декабре того же года ЕврАзЭС был предоставлен статус наблюдателя в Генеральной ассамблее ООН. В мае 2002 г. статус наблюдателя при ЕврАзЭС получили Украина и Молдавия, а в мае 2003 г. – Армения.

В 2003 г. были приняты «Приоритетные направления развития ЕврАзЭС на 2003–2006 гг. и последующие годы», в соответствии с которыми основное внимание в развитии интеграционного сотрудничества должно было быть направлено на: формирование Таможенного союза; проведение согласованной экономической политики; взаимодействие в реальном секторе экономики; формирование и совместное развитие энергетического рынка; создание Транспортного союза и реализация транзитного потенциала ЕврАзЭС; взаимодействие в агропромышленном секторе; формирование общего рынка услуг; создание общего финансового рынка и развитие валютной интеграции; сотрудничество в социально-гуманитарной сфере и в области миграционной политики; расширение полномочий органов ЕврАзЭС³.

2. *ЕврАзЭС в вопросах и ответах.* – М., 2004. – С. 2.

3. *Панорама Содружества.* 2004. – № 1. – С. 21–25.

В октябре 2005 г. на встрече руководителей стран – участниц Организации Центральноазиатское сотрудничество (ОЦАС), объединяющей Казахстан, Киргизию, Россию, Таджикистан и Узбекистан, большинство которых одновременно входят в ЕврАзЭС, было заявлено о предстоящем объединении двух этих организаций, перед которыми стоят во многом аналогичные задачи (а фактически – о «растворении» ОЦАС в ЕврАзЭС). В результате состав Сообщества пополнится еще одним участником – Узбекистаном.

Таким образом, организационные и институциональные условия деятельности новой организации в основном созданы; определены главные задачи и направления деятельности ЕврАзЭС на предстоящие годы. Остается, однако, открытым ключевой вопрос: сможет ли ЕврАзЭС успешно решить стоящие перед ним задачи.

Современное состояние интеграционного взаимодействия в рамках ЕврАзЭС

За прошедшие пять лет после организационного оформления ЕврАзЭС в решении ключевых направлений интеграционного взаимодействия достигнут определенный прогресс: практически создана зона свободной торговли без изъятий и ограничений, устранены почти все ограничения на взаимные поставки товаров.

Продолжалась работа по унификации таможенных тарифов стран-участниц и формированию общего таможенного тарифа. К 2005 г. между странами Сообщества импортные тарифные ставки были унифицированы примерно на 62% товарных позиций⁴. С января 2005 г. в рамках ЕврАзЭС в полном объеме применяется единый принцип взимания косвенных налогов во взаимной торговле – по месту назначения.

Имеются в согласовании экономической политики, в том числе в координации позиций стран Сообщества в вопросе вступления в ВТО. В 2002 г. Россия, Белоруссия, Казахстан и Таджикистан договорились при согласовании позиций на переговорах о присоединении к ВТО взять за основу позицию России. Киргизия согласилась после достижения странами – партнерами по ЕврАзЭС договоренностей об условиях присоединения к ВТО инициировать процедуру изменения условий своего участия в этой организации.

Сделаны первые шаги по формированию имеющих определяющее значение для интеграции общего рынка транспортных услуг и единой транспортной системы, а также общего энергетического рынка ЕврАзЭС. Подписано и реализуется транспортное соглашение, позволяющее перевозчикам стран ЕврАзЭС бес-

4. Российская газета. 2005. 28 сентября.

препятственно осуществлять передвижение товаров по территории других государств Сообщества. Взаимодействие в рамках ЕврАзЭС способствовало синхронизации работы большинства энергосистем этих стран. Для развития взаимного сотрудничества в агропромышленном секторе важное значение имело принятие Межгосударственным советом ЕврАзЭС в марте 2005 г. Концепции агропромышленной политики Сообщества, призванной повысить эффективность использования продовольственного потенциала стран «пятерки»⁵.

Идет работа над созданием общих нефтегазового, зернового и валютного рынков ЕврАзЭС. Подготовлено, в частности, Соглашение об организации совместного рынка нефти и газа, в котором речь идет об унификации национальных режимов торговли этими товарами.

В июне 2004 г. подписано соглашение о сотрудничестве на рынках ценных бумаг, призванное содействовать формированию единого фондового рынка Сообщества. Подписанный тогда же Договор о статусе основ законодательства создает, по мнению многих официальных лиц и специалистов, прежде отсутствовавшие условия для формирования в рамках ЕврАзЭС наднационального законодательства прямого действия⁶.

В последние годы динамично развивались взаимные торгово-экономические связи стран ЕврАзЭС. Так, за период после начала формирования Таможенного союза взаимный товарооборот в рамках «пятерки» вырос более чем втрое – с 15,9 млрд. долл. в 1994 г. до 28,9 млрд. в 2000 г. и 53,9 млрд. долл. в 2004 г. С 2000 г. наблюдается непрерывный рост взаимного товарооборота (см. табл. 1), причем особенно ощутимым он стал в 2003–2004 гг.

Заметно увеличились масштабы взаимного инвестирования стран Сообщества: объем инвестиций хозяйствующих субъектов России, направленных в экономику стран-партнеров, возрос с 80,7 млн. долл. в 2000 г. до 368,0 млн. долл. в 2004 г. Многократно увеличился за указанный период и объем инвестиций в экономику России из других стран ЕврАзЭС: с 7,5 млн. до 799, 1 млн. долл.⁷. Взаимное инвестирование стран Сообщества осуществляется в различных организационных формах (прямое финансирование и кредитование инвестиционных проектов, создание совместных предприятий и финансово-промышленных групп, приобретение акций предприятий, участие в крупных международных проектах и др.). Однако масштабы взаимных инвестиций пока не соответствуют потребностям стран Сообщества; многосторонние совместные проекты только намечаются к реализации.

5. *Российская газета*. 2005. 25 марта.

6. *Российская газета*. 2004. 19 июня.

7. *Россия в цифрах*. 2003. *Официальное издание*. М., 2003. – С. 334; *Россия и страны Содружества Независимых Государств*. 2004. М., 2005. – С. 27–28.

Таблица 1

ВЗАИМНАЯ ТОРГОВЛЯ СТРАН ЕВРАЗЭС (МЛН. ДОЛЛ.)

Страны	1995	2000	2001	2002	2003	2004
Оборот						
Всего	21 494	28 852	29 508	29 543	37 831	53 881
<i>в том числе</i>						
Белоруссия	5300	9398	9455	9964	12 577	17 774
Казахстан	4556	4436	4887	4302	5652	8266
Киргизия	422	305	287	377	531	752
Россия	10 943	14 247	14 541	14 560	18 700	26 405
Таджикистан	273	466	338	340	371	684
Экспорт						
Всего	10 914	14 025	14 507	14 407	18 579	26 371
<i>в том числе</i>						
Белоруссия	2273	3736	4001	4022	4957	6600
Казахстан	2535	1900	1913	1664	2213	3215
Киргизия	185	109	113	128	175	249
Россия	5814	8011	8369	8497	11 172	16 237
Таджикистан	107	269	111	96	62	70
Импорт						
Всего	10 580	14 827	15 001	15 136	19 252	27 510
<i>в том числе</i>						
Белоруссия	3027	5662	5454	5942	7620	11 174
Казахстан	2021	2536	2974	2638	3439	5051
Киргизия	237	196	174	249	356	503
Россия	5129	6236	6172	6063	7528	10 168
Таджикистан	166	197	227	244	309	614

Источник: Содружество Независимых Государств в 2003 г. Статистический ежегодник. М., 2004. – С. 95: Страны Евразийского экономического сообщества. Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. Статистический сборник. М., 2005. – С. 59.

Получило определенное развитие взаимодействие национальных финансовых систем. Национальные банки и другие финансовые структуры стран ЕвразЭС (прежде всего России) усиливают проникновение на рынки банковских и страховых услуг, на фондовые рынки стран-партнеров. В ближайшее время предполагается начать поэтапное движение по пути валютной интегра-

ции, конечной целью которой может стать введение в перспективе единой валюты Сообщества.

В январе 2006 г. было подписано соглашение об учреждении Евразийского банка развития с уставным капиталом в 1,5 млрд. долл., в котором доля России составляет 1 млрд. долл., Казахстана – 0,5 млрд. долл. Одной из важнейших функций создаваемого банка станет финансирование крупных совместных проектов в странах ЕврАзЭС. В перспективе этот банк, как предполагается, сможет работать на всем постсоветском пространстве.

Вместе с тем приходится констатировать, что за годы существования ЕврАзЭС в развитии интеграционных процессов в рамках Сообщества были сделаны лишь первые шаги. Темпы формирования Таможенного союза замедлились. Таджикистан и Киргизия по уровню согласованности национальных таможенных тарифов значительно отстают от России, Белоруссии и Казахстана. Не удалось пока добиться серьезного прогресса в развитии интеграции в транспортной сфере; на железнодорожном транспорте тарифы на перевозки грузов стран-партнеров по-прежнему в 2–2,5 раза выше, чем на перевозки «своих» грузов⁸, что явно не вяжется с намерением стран «пятерки» создать Транспортный союз. С множеством проблем сталкивается формирование общего энергетического рынка (едва ли не серьезнейшей из них является формирование цен на энергоносители, поставляемые странами-экспортерами партнерам по Сообществу). В начальной стадии своего развития находится и интеграция в финансовой сфере.

В последнее время произошло ужесточение режима трансграничного движения между странами Сообщества. В соответствии с решением, принятым на заседании Межгосударственного совета ЕврАзЭС в Астане (март 2005 г.), границы стран – участниц ЕврАзЭС теперь можно пересекать только по предъявлении общегражданского заграничного паспорта, служебного и дипломатического паспорта, а также паспорта моряка. Это нововведение не касается российско-белорусской границы, которую по-прежнему можно пересекать с внутренним паспортом.

В целом в рамках «пятерки» интеграционный процесс приобрел волнообразный характер. Сначала принимаются основополагающие интеграционные решения, намечаются конкретные мероприятия и начинается их реализация; затем выполнение этих мероприятий начинает «пробуксовывать», а по некоторым направлениям происходит откат назад. После этого принимаются новые интеграционные документы, намечаются новые мероприятия (многие из которых по существу наследуются от прежних, так и не реализованных документов), затем снова следует «пробуксовка»⁹. Наиболее наглядно эта закономерность прояви-

8. Следует при этом отметить, что Белоруссия и Россия в июле 2002 г. унифицировали железнодорожные грузовые тарифы в рамках Союзного государства.

9. О причинах трудностей в развитии интеграции в ЕврАзЭС подробнее сказано ниже.

лась в ходе создания Таможенного союза при унификации таможенных пошлин. В результате Россия, Белоруссия и Казахстан в формировании ТС остались на уровне конца 90-х годов, а Киргизия и Таджикистан пока не стали реальными участниками этого союза.

Проблемы и трудности в развитии Сообщества

Причины трудностей в развитии сотрудничества в рамках ЕврАзЭС некоторые специалисты видят в отсутствии действенного механизма реализации принятых решений (под которым понимается прежде всего наличие наднациональных органов с широкими полномочиями). Иногда низкую эффективность принимаемых решений объясняют отсутствием политической воли у руководства стран-участниц, нежеланием поступиться частью недавно обретенного суверенитета, без чего невозможно формирование полноценного интеграционного союза. Думается, однако, что главные причины трудностей кроются все же в другом и носят они в основном объективный характер. Особое значение при этом имеют, на наш взгляд, следующие обстоятельства.

Во-первых, для ЕврАзЭС характерны огромные различия между странами по величине территории, численности населения и уровню развития экономики. На Россию – самого «большого» участника Сообщества – в 2004 г. приходилось 83,8% территории, 79,6% населения и 89,2% объема ВВП ЕврАзЭС, тогда как на Таджикистан – самого «маленького» участника – соответственно 0,8%, 3,8% и 0,3%. Экономический потенциал и емкость рынка России более чем в восемь раз превосходит суммарный потенциал остальных членов «пятерки».

ЕврАзЭС учредили как самые «богатые», так и самые «бедные» страны СНГ. Обобщающий показатель экономического развития – ВВП на душу населения по паритету покупательной способности национальной валюты – составил в 2002 г., по данным Всемирного банка, в России 7820 долл., в Казахстане – 5480, в Белоруссии – 5330, тогда как в Киргизии – всего 1520 долл. и в Таджикистане – 900 долл.

Огромные различия наблюдаются у стран-участниц и по отраслевой структуре экономики. У Таджикистана и Киргизии преобладают такие отрасли как сельское хозяйство, гидроэнергетика, горнодобывающая и металлургическая промышленность; в экономике Казахстана видное место занимают горнодобывающая и топливная промышленность, черная и цветная металлургия. В экономике Белоруссии преобладают отрасли, производящие продукцию с высокой степенью обработки, в частности, машиностроение, а также химия и нефтехимия. В российской экономике выделяются отрасли ТЭКа, но при этом представлены практически все отрасли промышленности и динамично развивающаяся сфера услуг. Государства ЕврАзЭС экономически дополняют друг друга в основном

на межотраслевом уровне, что неизбежно ограничивает масштабы взаимной торговли, затрудняет формирование конкурентной среды и единого таможенного пространства.

На пространстве ЕврАзЭС можно выделить два слабо связанных между собой субрегиона: экономически более развитый и относительно стабильный северный субрегион, включающий Россию, Белоруссию и северный Казахстан, и менее развитый, характеризующийся высокой этнической и политической напряженностью и геополитической нестабильностью южный субрегион, включающий Киргизию, Таджикистан и Южный Казахстан, а также Узбекистан. При этом экономические факторы интеграции играют важную роль в основном для России, Белоруссии и Казахстана (при том, что Белоруссия заинтересована в экономической интеграции с Россией и в гораздо меньшей степени – с центральноазиатскими странами ЕврАзЭС), тогда как для Киргизии и особенно Таджикистана участие в «пятерке» определяется во многом геополитическими мотивами и выступает в качестве своего рода «экономического дополнения» к участию в Организации Договора о коллективной безопасности. Геополитическими соображениями во многом вызвано и решение Узбекистана о присоединении к Сообществу.

Во-вторых, важной особенностью экономического пространства ЕврАзЭС является то, что почти все страны «пятерки» (кроме Белоруссии) в своих внешнеэкономических связях не ориентированы на партнеров по Сообществу. Если у Белоруссии (за счет экспорта в Россию) в 2004 г. на долю стран «пятерки» приходилось 48,0% общего объема экспорта, то у России – лишь 8,9%, у Таджикистана – 7,7, Казахстана – 16,0, Киргизии – 34,7%¹⁰. Низкая доля торговли с партнерами по «пятерке» в общем товарообороте ряда стран ЕврАзЭС во многом обусловлена большой географической протяженностью Сообщества (расстояние по железной дороге между Минском и Душанбе, например, составляет 5200 км), значительно увеличивающей прямые и косвенные транспортные издержки. Кроме того (что особенно важно), у предприятий стран ЕврАзЭС часто нет реальной заинтересованности в товарах партнеров, и это, в сочетании со слабостью «организационно-маркетингового» обеспечения взаимных экономических связей, серьезно тормозит сотрудничество.

Развитие взаимной торговли в Сообществе в решающей мере определяется торговлей России с двумя ее основными партнерами – Белоруссией и Казахстаном. Товарооборот в рамках любой другой пары стран многократно уступает

10. Рассчитано по: Страны Евразийского экономического сообщества: Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан. Статистический сборник. М., 2005. – С. 54.

российско-белорусскому и российско-казахстанскому обороту. Таким образом, в ЕврАзЭС *налицо ярко выраженная асимметричность торговых связей*. Более интенсивное развитие торговых связей между Россией и Белоруссией, Россией и Казахстаном обусловлено как фактором соседства и территориальной близости, так и относительно высоким уровнем развития их экономик, имеющих к тому же во многом взаимодополняющие структуры. В то же время между Киргизией и Таджикистаном, несмотря на их соседство, торгово-экономические связи не получили значительного развития ввиду относительной слабости и однотипной структуры экономики обеих стран.

В-третьих, развитию сотрудничества и интеграции в ЕврАзЭС серьезно препятствует также недостаточная заинтересованность отдельных стран в Сообществе как международной экономической организации. Так, для Белоруссии ЕврАзЭС пока не представляет значительного экономического интереса. Ее участие в Сообществе определяется прежде всего тем, что его членом, наряду с другими государствами, является главный экономический и стратегический партнер республики – Россия, а ЕврАзЭС нужно, как представляется, в основном для «подстраховки» интеграционных усилий в рамках создаваемого Союзного государства России и Белоруссии. Более 99% товарооборота Белоруссии со странами ЕврАзЭС приходится на Россию. Если объемы торговых связей с Россией стабильно растут, то с другими странами ЕврАзЭС их динамика неустойчива. Российско-белорусское экономическое сотрудничество, наиболее «продвинутое» в рамках Сообщества, фактически выпадает из общего массива отношений, регулируемых органами «пятерки».

Киргизия в сфере внешнеэкономических связей до недавнего времени проводила политику, во многом противоречащую интеграционным усилиям в рамках Сообщества. Вступление ее в ВТО не только затруднило формирование Таможенного союза, но и нанесло определенный экономический ущерб странам-партнерам: появилась возможность массового ввоза в регион ЕврАзЭС (прежде всего в Казахстан) дешевых товаров из третьих стран в ущерб национальному производству. Так, по данным казахстанских экспертов, в 1999–2000 гг. резко возрос импорт в Казахстан из Киргизии химической продукции и текстильных изделий, что было обусловлено не увеличением их производства в Киргизии, а массивным реэкспортом из третьих стран через ее территорию¹¹. Казахстан вынужден был принять временные защитные меры, что, в свою очередь, еще более осложнило создание Таможенного союза.

В-четвертых, интеграционное взаимодействие в ЕврАзЭС тормозится и организационными упущениями, в частности, отсутствием должной координа-

11. Вестник Содружества. 2002. – № 1. – С. 15.

ции, взаимоувязки мероприятий, затрагивающих различные аспекты и сферы сотрудничества. Отсутствует взаимоувязка между формированием Таможенного союза и другими направлениями интеграции (хотя в официальных документах она и декларируется)¹². Временные рамки реализации тех или иных мероприятий нередко устанавливаются без учета конкретных условий и фактических возможностей стран-участниц, что ведет к их невыполнению и, как следствие, дискредитирует саму идею интеграции. Вместе с тем, как отмечается в печати, системе принятия решений в ЕврАзЭС не хватает динамизма; вследствие «вязкого» обсуждения вопросов, стоящих в повестке дня официальных встреч, Сообщество снискало себе славу «медленной» организации. Формальный регламент обсуждения самого бесспорного вопроса в ЕврАзЭС – полтора года, а если споры есть, процесс принятия решения может значительно затянуться¹³.

Следует, однако, отметить, что в последнее время наметились определенные сдвиги в развитии «организационной составляющей» ЕврАзЭС. В сентябре 2005 г. на заседании Межгоссовета Сообщества было принято решение о создании Совета по экономической и финансовой политике в составе министров экономики и финансов стран-участниц, которому предполагается передать национальные полномочия. Главная цель создания Совета – согласование направлений макроэкономической политики и торгово-финансового взаимодействия стран Сообщества. В краткосрочной перспективе важнейшей задачей Совета станет скорейшая разработка единого таможенного тарифа ЕврАзЭС¹⁴.

Значение ЕврАзЭС для России

Несмотря на многочисленные проблемы, Сообщество является существенным фактором развития стран-участниц, укрепления их национальной безопасности и развития взаимовыгодного сотрудничества в экономике и других сферах общественной жизни. В связи с этим особо следует отметить, что, вопреки распространенному мнению, сотрудничество в рамках ЕврАзЭС имеет жизненно важное значение не только для экономически менее развитых стран, но и для России – крупнейшего государства и «станового хребта» Сообщества.

Россия в силу масштабов своей территории и экономики получает от деятельности ЕврАзЭС существенно меньше, чем другие страны-участницы. На долю государств Сообщества в 2004 г. приходилось лишь около 10% ее внешне-

12. Ясно, например, что без решения проблемы транспортных тарифов при взаимных перевозках, без создания эффективной системы взаиморасчетов преимущества Таможенного союза во многом утрачиваются.

13. Российская газета. 2005. 1 февраля.

14. Российская газета. 2005. 28 сентября, 24 ноября.

торгового оборота. Вместе с тем участие России в ЕврАзЭС важно в геополитическом плане для укрепления его позиций как самостоятельного субъекта международных отношений. Деятельность ЕврАзЭС способствует сохранению стратегической стабильности в Центральной Азии, в чем жизненно заинтересована Россия. Угрозы для региона представляют не только исламский радикализм и наркобизнес, но и значительный конфликтный потенциал, накопившийся в Центральной Азии. Геополитическое значение ЕврАзЭС для России возросло после событий 11 сентября 2001 г., размещения в Киргизии и Таджикистане военных контингентов США и НАТО, событий 2005 г. в Киргизии и Узбекистане.

Наряду с этим постепенно увеличивается и геоэкономическая значимость сотрудничества со странами Сообщества: она проявляется в экономическом росте стран-партнеров, повышении их привлекательности для российских инвесторов, прежде всего в сфере энергетики и металлургии. Создание международных энергетических систем на пространстве ЕврАзЭС с участием крупнейших российских компаний – «Газпрома», РАО «ЕЭС России», «ЛУКОЙла» – повышает капитализацию этих компаний и улучшает их глобальное позиционирование.

Либерализация взаимных экономических связей способствует активизации российского бизнеса в странах Сообщества и созданию транснациональных компаний. Экспансии российского капитала в государства ЕврАзЭС, однако, препятствует высокая доля участия государства в экономике Белоруссии и иностранных компаний, в ключевых отраслях экономики Казахстана, а также высокие политические риски и слабость экономики в Киргизии и Таджикистане¹⁵. Расширению притока российского капитала в последние две страны способствует достигнутая в 2003–2004 гг. договоренность о передаче России в собственность части акций предприятий, прежде всего в гидроэнергетике, в счет погашения их задолженности. Интерес РАО «ЕЭС России» к гидроэнергетике Киргизии и Таджикистана связан с тем, что электроэнергия в этих странах существенно дешевле, чем в России. Кроме того, для РФ участие в энергопроектах в Центральной Азии означает контроль за стоком крупнейших рек этого региона, что является инструментом не только экономического, но и геополитического влияния.

Большое значение для России имеет возможность транзитного использования коммуникаций Белоруссии и Казахстана. В дальнейшем транзитное значение Казахстана для РФ еще более возрастет благодаря созданию энергомоста между Киргизией – Таджикистаном и Россией, расширению импорта природного газа из Туркмении и Узбекистана, а также формированию транспортного коридора Европа – Россия – Казахстан – Китай.

15. «Тюльпановая» революция в Киргизии в марте 2005 г. усилила напряженность в стране и Центрально-Азиатском регионе в целом и, соответственно, увеличила политические риски для российских инвестиций.

Через территорию Белоруссии осуществляется около 70% российских поставок в страны Евросоюза¹⁶. По оценкам Международного газового союза, потребность европейских стран в газе к 2010 г. возрастет на 40–70%, между тем за счет внутренних ресурсов они могут покрыть свои потребности лишь на 70%. Это обстоятельство определяет заинтересованность Европы в увеличении поставок российского, а также центральноазиатского газа, что усиливает стратегическое значение газопровода «Ямал – Западная Европа», проходящего через Белоруссию.

Для России сегодня и особенно в будущем важно привлечение рабочей силы из стран Сообщества – прежде всего из Киргизии и Таджикистана. По некоторым оценкам, в России работают 300 тыс. граждан Киргизии и около 800 тыс. граждан Таджикистана¹⁷.

Однако неконтролируемый приток мигрантов вместе с тем создает напряженность на региональных рынках труда: через страны ЕврАзЭС идет нелегальное проникновение в Россию жителей стран дальнего зарубежья. Из региона Центральной Азии через российско-казахстанскую границу в РФ ввозится большое количество наркотиков¹⁸. Все это обостряет криминогенную ситуацию и вынуждает федеральные и региональные власти в России ужесточить контроль за трансграничным движением. Необходимость обеспечения безопасности южных рубежей сегодня в известной мере снижает экономическую и геополитическую эффективность участия России в ЕврАзЭС.

Значимость ЕврАзЭС для России возрастает также ввиду фактического провала попытки создания Единого экономического пространства (ЕЭП) Белоруссии, Казахстана, России и Украины из-за неконструктивной позиции последней (ради подключения которой к интеграционным процессам, собственно, и разрабатывался проект ЕЭП). Неудача данного проекта, очевидно, заставит Россию уделять больше внимания развитию интеграции в ЕврАзЭС, рассматриваемой в качестве важного фактора укрепления ее позиций в мировой экономике и политике.

Роль ЕврАзЭС в развитии экономического сотрудничества в Центрально-Азиатском регионе

Евразийское экономическое сообщество в перспективе может сыграть (и в определенных областях уже играет) заметную роль в развитии экономического

16. Вашанов В.А. *Россия – СНГ: экономические отношения*. М., 2002. – С. 218.

17. Вардомский Л.Б., Шурубович А.В., Ушакова Н.А. *Мотивация и цели участия стран в ЕврАзЭС*. – В сб. *Проблемы постсоветских стран*. Выпуск № 6. *Экономическое пространство ЕврАзЭС: факторы и пределы интеграции*. М., ИМЭПИ РАН. 2004. – С. 184, 190.

18. По некоторым данным, на российско-казахстанскую границу приходится 2/3 наркотиков, ввозимых в Россию.

взаимодействия в Центральном-Азиатском регионе. Этому, на наш взгляд, способствует то, что в деятельности ЕврАзЭС большее место, чем раньше, начинают занимать вопросы сотрудничества в отраслях, имеющих особое значение именно для данного региона (энергетика, транспорт, агропромышленный комплекс и др.). Если до недавнего времени основной акцент делался на формировании Таможенного союза, а о крупных совместных долгосрочных проектах в конкретных отраслях речи не шло, то в последнее время отраслевым аспектам сотрудничества уделяется значительное внимание.

Особое значения для стран южного субрегиона ЕврАзЭС имеет взаимодействие в *энергетической сфере* и прежде всего совместное освоение богатых энергоресурсов Киргизии и Таджикистана, которое должно способствовать не только решению проблем энергообеспечения партнеров по Сообществу, но и ускорению экономического развития этих двух беднейших стран ЕврАзЭС. Весной 2003 г. была принята программа освоения энергетических ресурсов Таджикистана и Киргизии, включавшая в себя строительство Сангтудинской ГЭС-1 в Таджикистане и ГЭС «Камбарата-2» в Киргизии, а также организацию переброски электроэнергии из этого региона в Россию через Казахстан и Узбекистан. Для России импорт дешевой таджикской и киргизской электроэнергии выгоден, поскольку она «разбавляет» цену на оптовом рынке электроэнергии сопредельных регионов РФ.

Строительство Сангтудинской ГЭС-1 в Таджикистане мощностью 670 мегаватт позволит значительно увеличить экспорт дешевой электроэнергии в Россию и Иран через Казахстан и Узбекистан; пуск ГЭС «Камбарата-2» в Киргизии мощностью 600 мегаватт обеспечит стабильные поставки электроэнергии в Россию, Казахстан, Узбекистан и (что особенно важно) в Китай, испытывающий острую потребность в импорте энергоресурсов. Кроме того, ввод указанных электростанций в эксплуатацию позволит улучшить снабжение водой сельскохозяйственных угодий центральноазиатских стран.

Судьба данного энергетического проекта будет, очевидно, во многом зависеть от возможностей его финансирования. По имеющимся оценкам, стоимость строительства Сангтудинской ГЭС-1 и ГЭС «Камбарата-2» составит около 600 млн. долл., найти которые, учитывая нехватку финансовых ресурсов у стран ЕврАзЭС, будет весьма затруднительно. Главным «внутренним» инвестором энергетических проектов в рамках ЕврАзЭС может быть только Россия.

Учитывая, что освоение гидроэнергетических ресурсов Таджикистана и Киргизии является по существу первым крупным совместным многосторонним проектом, инициированным ЕврАзЭС, его успех (или неуспех) будет иметь важное значение не только для решения данной конкретной задачи, но и для дальнейшей судьбы этой организации, став своего рода индикатором ее способности решать масштабные задачи по развитию реального сектора экономики – приоритетного направления интеграционного развития Сообщества.

Географическое положение стран ЕвразЭС, их последовательное соседство предполагают высокую долю транзитной составляющей в экономическом взаимодействии. Значительные транспортные издержки являются одним из основных факторов, сдерживающих взаимные торговые связи и связи стран-участниц с третьими странами.

Отсутствие единой тарифной политики ЕвразЭС наносит странам Сообщества немалый ущерб. Важным шагом в решении этой проблемы стало утверждение в январе 2004 г. Интеграционным комитетом ЕвразЭС Общих принципов формирования и применения железнодорожных тарифов на перевозки грузов между государствами-участниками, Соглашения о формировании Транспортного союза от 22 января 1998 г. и Порядка установления сквозных тарифных ставок на перевозки грузов по железным дорогам государств – членов Евразийского экономического сообщества. В ближайшее время предполагается расширить номенклатуру грузов, перевозимых между странами ЕвразЭС по железнодорожным сквозным тарифным ставкам, что позволит значительно удешевить их перевозки.

Неотъемлемыми элементами формирующегося единого транспортного пространства ЕвразЭС станут проходящие через территории нескольких стран Сообщества и создаваемые при участии третьих стран международные транспортные коридоры (МТК). Через страны ЕвразЭС в предстоящие годы пройдут несколько МТК, включая коридор Север – Юг, связывающий через Каспий Россию и многие другие страны с Ираном и государствами Южной Азии¹⁹, а также коридор Брест – Минск – Москва – Самара – Алматы – станция Дружба (на казахстанско-китайской границе). Цель МТК – повышение эффективности и качества перевозок, привлечение на национальные коммуникации транзитных грузов и расширение тем самым экспорта услуг. В марте 2005 г. было подписано Соглашение о формировании транспортных коридоров государств – участников ЕвразЭС, призванное включить страны Сообщества в международную транспортную сеть.

Наращивание транзитного потенциала ЕвразЭС позволит странам-участницам и прежде всего России заметно увеличить объем международных грузоперевозок через свою территорию и, соответственно, доходы от транзита. В настоящее же время их транзитные возможности используются крайне слабо²⁰.

19. По оценке экспертов, коридор Север – Юг в ближайшие 2–3 года начнет перевозить до 15 млн. т контейнерных грузов в год, а стоимость перевозки будет на 30% ниже, чем по другим транспортным коридорам.

20. Из общего объема грузопотока между Западной Европой и Восточной Азией, достигающего 460 млрд. долл. ежегодно, через Россию идет только 4 млрд. (Известия. 2004. 17 июня).

Несколько крупных совместных многосторонних проектов стран Сообщества намечено и в других отраслях. К ним относится прежде всего российско-казахстанско-киргизский проект по добыче урана на месторождении «Заречное» в Южном Казахстане (до 500 т в год, начиная с 2005 г.), который затем будет поступать на переработку на Карабалтинский горно-металлургический комбинат, простаивающий ныне из-за нехватки собственного сырья, а полученный продукт – направляться в Россию для нужд Министерства атомной промышленности²¹. Таким образом, замыкается производственный цикл на предприятиях топливно-энергетического комплекса стран ЕврАзЭС.

Возможные пути повышения эффективности деятельности ЕврАзЭС

Для того, чтобы Сообщество могло более эффективно решать стоящие перед ним задачи, необходимо, на наш взгляд, внести определенные коррективы в его деятельность с учетом реальных возможностей стран-участниц и проблем, выявившихся в последние годы в развитии взаимного сотрудничества.

1. В условиях, когда между государствами ЕврАзЭС сохраняются существенные различия по большинству социально-экономических параметров, не следует, очевидно, стремиться к скорейшему формированию Таможенного союза в составе всех стран Сообщества. Создание такого союза и переход к последующим этапам интеграции следует осуществлять постепенно, по мере создания соответствующих предпосылок и в тесной взаимоувязке с другими направлениями сотрудничества. В связи с этим представляется целесообразным разработать реальный, практически осуществимый график выполнения интеграционных мероприятий, исходящий из конкретных условий и возможностей стран-партнеров (в ныне действующем плане мероприятий по реализации Приоритетных направлений развития ЕврАзЭС на 2003–2006 и последующие годы они, на наш взгляд, недостаточно учтены). Следует концентрировать внимание не столько на строгом соблюдении намеченных сроков проведения тех или иных мероприятий, сколько на *непрерывности* интеграционного процесса, что, в конечном счете, внесет большой вклад в прогресс всего проекта ЕврАзЭС.

2. Учитывая огромные различия между северным и южным субрегионами ЕврАзЭС, следует, очевидно, *«узаконить»* разноскоростное движение этих субрегионов к Таможенному союзу и последующим этапам интеграции, отразив его в документах Сообщества. При этом едва ли целесообразно добиваться полной унификации таможенных тарифов, налогов, акцизов стран-партнеров,

21. *Panorama*. 2003. 3 октября.

которая, как представляется, нереальна в обозримом будущем. Большие расстояния, разделяющие страны ЕврАзЭС, и структура взаимного товарооборота позволяют, на наш взгляд, иметь до 15–20% изъятий из общего таможенного тарифа без особого ущерба для России и ее партнеров.

3. Настоятельной необходимостью является усиление «проектной составляющей» в деятельности Сообщества – прежде всего в таких ключевых отраслях, как энергетика, транспорт, металлургия, машиностроение. Реализация крупномасштабных совместных проектов имеет особое значение для центральноазиатских стран (прежде всего Киргизии и Таджикистана), испытывающих острую нехватку материальных и финансовых ресурсов.

4. Актуальной задачей сотрудничества в рамках Сообщества является обеспечение более полного и действенного включения в его деятельность южного субрегиона. При этом, однако, следует иметь в виду, что, как показывает опыт региональных межгосударственных образований, в результате либерализации взаимной торговли, унификации инвестиционного законодательства и создания нормативных равных условий для предпринимательской деятельности определенные преимущества получают страны с более конкурентоспособной и диверсифицированной экономикой. Капитал будет стремиться в те страны и регионы, где риски ниже, ожидаемая прибыль выше, где более образованная и квалифицированная рабочая сила, где лучше инфраструктурные условия и стабильнее политический режим. Это значит, что более развитый северный регион будет наращивать свои преимущества перед южным. В результате по мере продвижения по пути интеграции будут усиливаться (по крайней мере, на первоначальном этапе) социально-экономические контрасты в рамках Сообщества.

Решению этой проблемы могло бы способствовать создание в рамках ЕврАзЭС *специального структурного фонда или разработка специальной программы в целях поддержки южного субрегиона* путем финансирования отдельных проектов, создания новых рабочих мест, повышения квалификации рабочей силы, развития инфраструктуры и др. Такой фонд (или программа) мог бы формироваться за счет средств бюджетов стран-участниц (прежде всего России), взносов крупных корпоративных структур стран Сообщества, заинтересованных в развитии взаимного сотрудничества, а в более отдаленной перспективе – и за счет средств бюджета ЕврАзЭС, который, естественно, должен быть для этого существенно увеличен.

При разработке и реализации совместных мероприятий, направленных на поддержку южного субрегиона ЕврАзЭС, было бы полезно, как представляется, использовать (естественно с учетом современных реалий) опыт бывшего СЭВа, где была поставлена и в целом успешно решалась задача выравнивания уровней экономического развития относительно менее развитых государств-участников – Монголии, Кубы и Вьетнама – с уровнями других стран Совета.

5. С учетом того, что две страны ЕврАзЭС – Россия и Белоруссия – создают Союзное государство, в котором предусматривается более высокий уровень интеграции, чем в Сообществе в целом, важно обеспечить *взаимосвязку деятельности Союзного государства и ЕврАзЭС*, включая «состыковку» интеграционных проектов и программ обеих группировок, а также найти пути повышения заинтересованности Белоруссии в ЕврАзЭС, в том числе в реализации конкретных проектов Сообщества.

6. Вступление Узбекистана в ЕврАзЭС и объединение ЕврАзЭС и ОЦАС ставят перед Сообществом новые задачи, связанные с реальным включением Узбекистана в интеграционные процессы, а также с использованием организационных структур ОЦАС и накопленного в рамках этой организации позитивного опыта экономического взаимодействия в деятельности ЕврАзЭС. Расширение Сообщества, видимо, приведет к некоторой «потере темпа» в интеграционном процессе, связанной с необходимостью адаптации Узбекистана к условиям взаимодействия, существующим в «пятерке». В связи с этим очень важно (прежде всего для России), не пытаясь форсировать продвижение Узбекистана по пути интеграции с другими странами ЕврАзЭС, в то же время в максимально возможной степени использовать значительный потенциал этой страны для решения как чисто экономических, так и геополитических задач, стоящих перед Сообществом.

А.И.Кудряченко

ВАРИАНТЫ И ИЗМЕРЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

**Кудряченко Александр Иванович –
доктор исторических наук,
профессор, г. Киев.**

Отношения Украины с Российской Федерацией в период после распада Советского Союза привлекают внимание многих политиков, экспертов и исследователей. Они весьма значимы и для народов наших стран. Да это и неудивительно. Ведь по существу в эти годы многосторонних трансформационных процессов произошли глубокие сдвиги не только в позиционировании Киева и Москвы, но и в мировосприятии граждан.

Как известно, дипломатические отношения между Киевом и Москвой были установлены 14 февраля 1992 г. Это было время романтических грез и надежд руководства обоих государств на более успешное самостоятельное развитие в динамично меняющихся условиях. Украина изначально рассматривала отношения с Российской Федерацией как стратегически важное и приоритетное направление своей внешней политики. Так, в документе «Основные направления внешней политики Украины», одобренном Верховной Радой Украины 2 июля 1993 г., отмечалось, что наше государство, исходя из особенностей своего исторического развития, специфики геополитического и геоэкономического положения, считает доминантой двусторонних отношений с пограничными государствами украинско-российские отношения.

На формирование взаимоотношений двух крупнейших государств постсоветского пространства влияли разные факторы: одни из них сближали наши народы и страны, а другие – порождали разногласия и осложнения. Однако важно иметь в виду то обстоятельство, что изначально Россия и Украина были государствами различными по весу и влиянию в мировом сообществе, по своим геополитическим характеристикам, да и по стратегическим целям. Политические лидеры Украины стремились представить страну равной по значимости с Россией и абсолютно независимой, очень часто выдавая желаемое за действительное. Первые трудности экономического развития и государственного строительства, с которыми столкнулось руководство в Киеве, показали многие весь-

ма уязвимые места в этой позиции. Ко всему этому добавлялись и факторы иного порядка, прежде всего психологическая неадекватность восприятия Украины, ее политической независимости частью элиты и населения Российской Федерации. У многих граждан обоих государств вызывали раздражение и неприятие таможенный контроль и другие проблемы, связанные с пересечением границы, поддержанием родственных связей и т.п. Все это значительно усложняло процесс становления нормальных и взвешенных отношений.

Подчеркнем, что в первые годы постсоветского периода отношения с Россией были для Украины центральным вопросом и нерешенной проблемой национальной внешней политики. Большинство осложнений в двусторонних отношениях было обусловлено разными подходами к проблемам правопреемственности бывшего Советского Союза, в особенности относящихся к разделу его активов, имущества, Черноморского флота и судьбе ядерных арсеналов, доставшихся Украине от бывшего СССР. Согласно соглашению, подписанному 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате, Украина определялась одним из правопреемников СССР и не признавала особых прав кого бы то ни было на наследство последнего без достижения соответствующих договоренностей между всеми государствами – бывшими республиками Союза ССР.

Россия же, во внешней политике которой вскоре стали просматриваться великодержавные тенденции, все чаще выступала с позиции единого правопреемника бывшего СССР. Такой подход небезосновательно воспринимался в Украине как угроза национальным интересам.

Более того, если крах коммунистической идеологии и соответствующего ей социально-экономического строя первоначально снижал остроту восприятия русским национальным самосознанием значительных потерь, в том числе потери влияния на большом геополитическом пространстве, то с течением времени ситуация изменилась. Условия, которые сложились в России, стимулировали усиление ностальгических настроений у значительной части населения и великодержавных подходов у политической элиты.

Объективные условия становления государственности Украины были значительно более сложными чем российские. Это касалось как внешнеполитических факторов, так и внутрисоюзных проблем и экономического развития. Для многих крупных украинских предприятий и даже для целых секторов народнохозяйственного комплекса расчленение бывшего единого экономического пространства имело разрушительные последствия. Экономика Украины оказалась практически в полной зависимости от обеспечения топливно-энергетическими ресурсами, поставляемыми Россией и Туркменистаном.

Кроме того, существовали проблемы, доставшиеся в наследство от советской межнациональной политики, которые усложняли отношения двух стран. Их урегулирование в первые годы двусторонних отношений не состоялось потому,

что РФ не смогла полностью осознать факт образования суверенного Украинского государства. Многие россияне воспринимали Украину как составную часть большой державы, считая себя основной нацией панроссийского государства. Вместе с тем жители Москвы, Санкт-Петербурга осознавали, что у них больше общего с украинцами, чем с их соотечественниками, скажем, в Якутске, на Чукотке или в Хабаровске. Это осознание усиливалось и тем, что свыше 20% всего населения Украины являлись этническими русскими и свыше 5 млн. относились к русскоязычным национальным меньшинствам.

Долгое время в украинско-российских отношениях не существовало четких договоренностей о предоставлении Украине гарантий территориальной целостности и неприкосновенности границ. В частности во время встречи в верхах в январе 1993 г. российская сторона заявила лишь о признании украинских границ в рамках СНГ. Другими словами, в случае выхода Украины из Содружества возможными становились бы территориальные претензии со стороны России.

Существенным раздражающим фактором в отношениях Украины с Россией долгое время были проблемы, связанные с разделением Черноморского флота и определением условий и сроков базирования его российской части в Севастополе. Немало ревностных политиков из Москвы ставили под сомнение статус города Севастополя. Разные подходы и разное видение проблемы, путей ее решения предопределяли как территориальные претензии, так и столкновение военных интересов обеих стран.

Экономическая уязвимость, большая зависимость Украины от поступлений российских энергоносителей становилась для Киева крайне важным внешнеполитическим фактором. Действительно, одна из причин катастрофической ситуации, в которой оказалась Украина, состоит в том, что около 90% ее потребностей в энергоносителях удовлетворялось за счет импорта нефти и газа из РФ. При отсутствии возможностей диверсификации поставок Украина не была способна изменить положение, которое сложилось, наладить поставки из других стран. Это усиливало зависимость Киева от Москвы, поскольку Россия приобретала действенное средство не только для экономического, но и политического давления на Украину, ее руководство. Вместе с тем последнее постоянно отстаивало необходимость сотрудничества на принципах равноправия и взаимной выгоды и старалось убедить в этом лидеров РФ.

Разное видение, различные подходы отстаивали и отстаивают Россия и Украина относительно СНГ. Так, Содружество за первые годы существования подверглось определенной эволюции. Украина в соответствии с ее законодательством избегала участия в институционализации форм межгосударственного сотрудничества, которые могли способствовать преобразованию Содружества в надгосударственную структуру конфедеративного или федеративного характера.

При этом Украина возражала против предоставления СНГ статуса субъекта международного права.

Такой подход Киева к СНГ, вместе с расширением отношений с ЕС, усиливал опасения Москвы, для которой «ближнее зарубежье» могло стать «стратегическим рубежом» изоляции России. Продекларировав принцип политики нейтралитета, Украина использовала свой внеблоковый статус прежде всего для того, чтобы дистанцироваться от России и одновременно развивать более интенсивные отношения со странами Центральной и Западной Европы. Именно такая позиция Киева вызывала не только предостережения со стороны некоторых российских должностных лиц, но и открытые заявления о том, что Украина и Беларусь входят в сферу влияния России.

В 1995–1996 гг. стала ощутимой чрезмерная политизация двусторонних отношений. Это негативно влияло на украинско-российские отношения. Их климат и объем далеко не в полной мере отвечали интересам народов наших государств. На протяжении нескольких лет российской стороной, отдельными фракциями Государственной думы муссировался так называемый крымский вопрос, навязывалось русское видение вопроса о гражданстве. В договорно-правовом оформлении нуждалась общая государственная граница, решение вопроса о компенсации за вывезенное из Украины в РФ тактическое ядерное оружие и т.п.

Отношения Украины и России определялись двумя измерениями. Первое – это подходы к перспективам такого объединения, как СНГ. Второе – проблемы двустороннего сотрудничества. Сложность сотрудничества заключалась в том, что часть политической элиты России после распада Советского Союза ставила перед собой задачу использовать СНГ прежде всего как средство сохранения исключительного влияния Москвы на постсоветские страны, не признавая Украину (как и другие новые государства) равноправным партнером. С этой целью, начиная с 1992 г., Российской Федерацией осуществлялся ряд мероприятий, направленных на укрепление и расширение различных органов СНГ. Усилия Москвы в значительной мере направлялись на отстаивание статуса СНГ как самостоятельного субъекта международных отношений и обеспечение для содружества места коллективного члена ООН.

Следствием такой политики России относительно СНГ было создание в структуре Содружества около 70 уставных и отраслевых органов сотрудничества, а также 60 комитетов, комиссий и других структур, подписание в рамках СНГ около 900 многосторонних документов, большинство из которых не выполнялись. Вместе с тем Украина «не поступалась принципами» и возражала против международной субъектности СНГ, отстаивала основы межгосударственного сотрудничества и возможность создания объединений ряда стран – членов Содружества. К таким объединениям можно было отнести ГУУАМ.

Украинско-российские отношения конца XX – начала XXI в. можно охарактеризовать как одновременно осложненные и компромиссные. Это было обусловлено и объективными, и субъективными факторами. Последние связывались большей частью с политической внутренней конъюнктурой РФ, той или другой избирательной кампанией, стремлением отдельных лидеров возродить великую Россию и т.п. Так, например, в 1993 г. был реанимирован вопрос о статусе города Севастополя после соответствующего решения Верховного Совета Российской Федерации, которое Совет Безопасности ООН признал не имеющим силы; в конце 2003 г., также накануне думских выборов, обострились отношения из-за острова Тузла в Азовском море. В октябре 1996 г. Государственная дума приняла постановление «О прекращении разделения Черноморского флота»; в отдельные годы Россия устанавливала для Украины «особый режим торговли», были и другие примеры.

Внешняя политика Украины относительно Российской Федерации строилась на основе поиска решения имеющихся проблем, предотвращения попыток нарушить территориальную целостность Украины или ограничить ее суверенитет. Вместе с тем в своих действиях относительно Российской Федерации украинская сторона исходила из признания особой значимости российско-украинских отношений для экономической и социальной стабильности Украины, необходимости их деполитизации и перевода этих отношений в плоскость взаимопонимания и взаимной выгоды.

Однако несмотря на активные действия Украины по выработке взаимоприемлемых компромиссов, российская сторона нередко оспаривала договоренности, предъявляла новые требования, не всегда приемлемые для Украины. Пропагандировался так называемый пакетный подход к решению ключевых вопросов, например подписание Большого договора предполагалось только после окончательного деления ЧФ и т.п.

Украинские политики понимали, что решение всего комплекса проблем украинско-русских отношений возможно только с приездом президента РФ на Украину.

Важнейшими межгосударственными документами, определяющими качество и направления развития двусторонних отношений стали подписанные двумя президентами в Киеве в мае 1997 г. широкомасштабный политический Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией и Украинско-российская Декларация.

Договор снял многие проблемы и определил направления взаимодействия наших государств. В документе однозначно зафиксированы положения:

– о равноправном и безоговорочном признании друг друга как стратегических партнеров и о целесообразности межгосударственного сотрудничества в различных областях;

- о признании территориальной целостности Украины без обусловленности рамками СНГ и подтверждение легитимности и неизбежности существующей между Украиной и РФ границы;
- о невозможности использования силы одной стороной против другой, включая экономические и другие методы давления;
- о невмешательстве во внутренние дела друг друга, соблюдении прав человека;
- о добрососедстве и сотрудничестве сторон в интересах укрепления международного мира и безопасности;
- о невозможности заключения любых договоров с третьими странами, направленных против партнера, недопущении использования своей территории во вред безопасности другой стороны;
- о защите этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности национальных меньшинств;
- о содействии изучению украинского языка в РФ и русского языка на Украине, об обеспечении необходимых для этого кадров и условий;
- о согласованном разрешении непредвиденных спорных ситуаций и проблем и др.

Этот политический документ заложил не только нормативно-правовой фундамент для двусторонних отношений, но и стал основой для решения комплекса текущих проблем, блокировавших углубление украинско-российского сотрудничества и относящихся, в частности, к Черноморскому флоту и статусу Севастополя как военно-морской базы ЧФ; к договорно-правовому оформлению украинско-российской государственной границы; к нормализации украинско-российских торгово-экономических отношений и сотрудничеству в обеспечении функционирования национальных топливно-энергетических комплексов.

Договор обуславливал разработку комплекса мероприятий по либерализации экономического сотрудничества и снятию всяческих препятствий для свободного передвижения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

Согласно договоренностям разрешился один из важнейших вопросов – взаиморасчеты по внешнему долгу Украины перед РФ. Практически, Украине был списан внешний долг в счет оплаты за аренду Черноморским флотом России военно-морской базы в Севастополе.

Договор также был призван содействовать проведению согласованной финансовой, валютной, инвестиционной, налоговой, ценовой, торгово-экономической политики, созданию равных возможностей для субъектов хозяйствования, развитию прямых экономических и торговых отношений на всех уровнях.

В Украинско-российской Декларации очерчивались общие подходы к разрешению ряда вопросов политического, экономического и гуманитарного характера. В политической сфере указывалось на необходимость продолжения конст-

руктивного диалога на высшем уровне. В экономической сфере президенты договорились о недопустимости экономических санкций, предотвращении несогласованного проведения экономических реформ и об усилении унификации законодательства (отдельных законов), относящихся к внешнеэкономическому сотрудничеству. Отдельно обсуждались вопросы о гарантированном обеспечении поставок энергоносителей на Украину и о транзите товаров через территорию двух государств.

Сегодня следует указать, что путь к ратификации Договора о дружбе, партнерстве и сотрудничестве между нашими странами был долгим и нелегким. В украинском обществе с глубоким удовлетворением восприняли ратификацию в 1999 г. обеими палатами российского парламента так называемого Большого Договора. Украина увидела в этом решении подтверждение того факта, что ведущие российские политики стремятся придерживаться в отношениях между нашими государствами принципов взвешенности, дальновидности и политической мудрости. По нашему убеждению, именно благодаря ратификации Договора был осуществлен качественный прорыв в двусторонних отношениях наших государств. Тогда казалось, что Киеву и Москве удалось миновать кризисные точки, снять многочисленные политические и экономические барьеры, которые мешали плодотворному сотрудничеству.

Действительно, в результате нормализации взаимоотношений Украина и Россия создала и укрепила солидную договорную базу, насчитывающую около 300 двусторонних соглашений. Таким образом была сформирована политико-правовая база украинско-российских отношений, определяющая их как стратегические. Говоря о смысле и содержании этого понятия, следует иметь в виду высокий уровень политических отношений, глубину взаимопонимания и поддержки, соответствующую интенсивность культурных и торгово-экономических взаимоотношений.

В последующие годы все эти направления подвергались немалым испытаниям и проверке на прочность. В отношении экономического сотрудничества особые сложности возникли в период осеннего 1998 г. финансово-экономического кризиса в России, однако немало проблем возникало и позднее. Ход событий подтвердил, что не только Украина очевидным образом заинтересована в экономическом росте своего самого большого соседа, но и в России многие осознали потребность в устойчивом развитии украинской экономики. В украинско-российских отношениях отчетливо проявился сознательный и объективный выбор высокого уровня взаимоотношений, осознание их особой значимости для реализации соответствующих национальных интересов. Актуальность стратегического партнерства осознавалась руководством обеих стран.

Весьма плодотворными для стратегического партнерства можно считать 2002–2003 гг. На протяжении этих двух лет наблюдалась активизация диалога

президентов двух стран, расширились контакты представителей практически всех уровней власти – от президентских, парламентских до общественных организаций. По оценкам экспертов наблюдалось сближение финансовых структур, развитие результативного сотрудничества в области науки и образования. По словам Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации С.М. Миронова, между нашими странами установились особые отношения: только в эти годы президенты двух стран встречались около 20 раз, было подписано более 40 соглашений о сотрудничестве. В их числе были соглашения о создании филиалов российских вузов на территории Украины и украинских на территории России; о сотрудничестве в сфере молодежной политики; о сотрудничестве стран в области СМИ; два соглашения о сотрудничестве в области охраны здоровья и др.

Особенностью отношений стало и то, что по инициативе В. Путина Л. Кучму избрали Председателем Совета СНГ. Передачей Украине рычагов управления центральными структурами СНГ РФ, как и другие страны-участники, способствовала усилению позиций Украины на просторах Содружества. В связи с этим Россия ожидала определенной корректировки стратегического курса Украины, который был определен Киевом как европейский выбор.

Анализ последующей деятельности Украины в СНГ свидетельствует о том, что стратегические ориентиры Киев действительно несколько видоизменил. Это подтверждают решения Киева об участии в формировании единого экономического пространства (ЕЭП) Россией, Украиной, Беларусью и Казахстаном. Конечной целью ЕЭП, в соответствии с заявлением «четверки», должно было стать создание регионального интеграционного объединения. Наметились подвижки в урегулировании вопросов относительно государственной украинско-российской границы, РФ подтвердила согласие на передачу Украине объектов недвижимости бывшего СССР в семи странах. Был также подписан договор о режиме использования Азовского моря и Керченского пролива.

Подписание указанных документов, шаги навстречу, сделанные руководством обеих стран, продемонстрировали возможности поиска и нахождения приемлемых решений. К этому следует добавить и наметившиеся тенденции развития сотрудничества в военной и военно-технической сферах, в области транспортировки газа, товаров военного назначения и др. Тем самым был преодолен порог российско-украинского противостояния, созданы политико-правовые основы для ослабления конфронтации в межгосударственных отношениях. Это можно назвать большим успехом внешнеполитического курса наших государств.

Это становится особенно важным ввиду того, что Договор 1997 г. многими политиками и экспертами, особенно в РФ, подвергался жесточайшей критике, граничащей с полным неприятием его принципиальных положений. Наметив-

шиеся тенденции, добрая воля руководства обоих государств продемонстрировали, несмотря на имевшие место полярные оценки в отношении договорных обязательств 1997 и последующих лет, обоюдные выгоды и дивиденды. Практика сотрудничества этого периода наглядно демонстрирует широту спектра взаимодействия, реальные возможности плодотворного сотрудничества в политической, экономической, научно-технической и гуманитарной сферах.

События после президентских выборов на Украине 2004 г. демонстрируют совсем иные сюжеты в украинско-российских отношениях. За это время с новой силой заявили о себе некоторые старые нерешенные проблемы, к которым добавились и весьма существенные новые. Ранее российские политики прямо указывали, что конечной целью ЕЭП является создание валютного и таможенного союза, а украинская сторона все время отстаивала идею создания зоны свободной торговли. Нынешняя власть на Украине исходит из того, что одновременная интенсивная интеграция в евразийское и европейское пространство является невозможной. Геополитические ориентации и соответствующая поддержка кандидатов в президентской гонке 2004 г. на Украине, проблемы вокруг поставок газа и других энергоресурсов, а также повышение цен на российский газ, вопрос об арендной плате за пребывание в Севастополе флота РФ – все это подогревает страсти в двусторонних отношениях.

Конечно, украинско-российские отношения нельзя рассматривать изолированно, вне контекста глобализации и наращивания мирохозяйственных связей. Процессы глобализации и интеграции существенным образом влияют как на экономику, так и на выбор стратегического курса тех или иных государств. К этому добавляются объективные процессы расширения географических границ демократии. Не считаться с этими факторами, значит заведомо совершать ошибку, изначально становиться на ложный путь.

Исходя из объективных реальностей, более взвешенных оценок и подходов к двусторонним украинско-российским отношениям, считаю необходимым рассмотреть некоторые варианты и измерения сотрудничества Киева и Москвы. Во-первых, следует отметить, что спектр двусторонних отношений в его позитивном измерении может быть весьма широк – от народной дипломатии, взаимодействий и контактов граждан наших стран до реинтеграции, т.е. воссоздания некоего союза славянских государств. В негативном измерении он также широк – от охлаждения до агрессивно-конфронтационных отношений.

Сложность накопившихся и возможных будущих проблем требует особой политической мудрости во избежание негативного развития украинско-российских отношений. Позитивное же их развитие соответствует не только национальным интересам наших стран, но и интересам континента в целом.

Рассматривая двусторонние украинско-российские отношения в стратегическом измерении, вначале следует определить (с учетом реализуемых страте-

гий и приоритетов наших стран) их возможные варианты. Лишь взвесив все «за» и «против» того или иного варианта, можно определиться с приоритетной формой сотрудничества. В политических кругах обоих государств уже высказывались предположения о возможностях параллельного движения Киева и Москвы, скажем, в европейские структуры, ВТО и т.д. Однако в исторической перспективе это может оказаться мало конструктивным. Ведь историей отпущается слишком мало времени для реализации таких возможностей. При параллельном движении вполне вероятны снижение темпов перемен и невысокие их результаты.

Возможна стратегия прагматического партнерства. Ее суть сводилась бы к совместной деятельности в целях социально-экономической модернизации. Примеры подобного стратегического взаимодействия разновеликих держав имеют место. К примеру, США и Канада сотрудничают на равноправной основе и добиваются солидных результатов.

В нашем же случае нельзя говорить о единых устремлениях России и Украины. Каждая из них определила свои, индивидуальные приоритеты. Сегодня это уже устоявшийся факт. И поэтому общая стратегия маловероятна.

Стратегическое же сотрудничество между нашими странами и возможно, и необходимо. Ясно, что вариант реинтеграции ныне немыслим. Ущербны будут и половинчатые меры в духе привилегированного партнерства. Этот вариант себя уже исчерпал. По нашему убеждению, он заканчивается с установлением РФ мировых цен на энергоносители. Естественно, каждая сторона имеет право исходить из собственных национальных интересов. Собственно, даже в таком интеграционном объединении как ЕС Германия, Франция и Великобритания каждая по своему видит и отстаивает национальные подходы к животрепещущим вопросам.

Наиболее перспективными, с нашей точки зрения, могут быть два варианта или два синергетических уровня стратегического сотрудничества. Первый из них – селективное, частичное кооперирование в производственной сфере по отдельным сегментам, отраслям народно-хозяйственного комплекса. Это касается сотрудничества в наукоемких отраслях, в сферах, где совместимость и кооперация способны обернуться солидной прибылью, занятием передовых позиций в мирохозяйственной системе.

К этому может и должен примыкать второй вариант, курс на точечное партнерство в стратегически важных направлениях и проектах. К ним можно отнести производство отдельных видов самолетов, вооружений, проект «Морской старт» и другие проекты, которые уже опередили разработчиков из других стран. Реализация данных вариантов предоставляет нашим государствам большое поле для маневра, продолжения собственного курса, более оперативного решения стратегической задачи повышения эффективности всего народнохозяйственного комплекса.

К примеру, следует указать на то, что Норвегия и Швейцария, исходя из собственных национальных интересов, не стремятся войти в Евросоюз. Однако они весьма тесно сотрудничают в определяемых совместно с ЕС привлекательных сферах. Высокие стандарты экономического развития этих стран соизмеримы с общеевропейскими. Но свой суверенитет эти государства не хотят делить с наднациональными учреждениями Евросоюза. К этой практике сотрудничества следует подходить с прагматической точки зрения. Такой подход может быть весьма полезным и для наших стран.

Двустороннее украинско-российское сотрудничество в самые ближайшие годы может значительно укрепиться в целом ряде секторов, к которым относятся электроэнергетика, газовая, аэрокосмическая, научная, образовательная и другие области. Реализовываться должны четкие и конкретные программы экономического сотрудничества. Приоритетным направлением украинско-российских отношений является торгово-экономическое сотрудничество. Россия была и остается одним из главных торговых партнеров Украины. На РФ приходится почти пятая часть украинского экспорта и больше трети импорта. В свою очередь наше государство входит в первую пятерку внешнеторговых партнеров Российской Федерации.

К важным направлениям взаимоотношений наших стран можно отнести также создание конкурентоспособных транснациональных корпораций, совместных предприятий, ассоциаций в различных сферах, реализацию крупных совместных проектов в ракетно-космической области, авиа- и судостроении и т.п.

Украина весьма заинтересована в развитом и объемном экономическом сотрудничестве с Россией. Наши государства были и должны оставаться настоящими стратегическими партнерами. Это укрепит и Украину, и Российскую Федерацию как современные государства. К этому стремятся и миллионы граждан наших стран. В реализации их чаяний, стремлений к лучшей жизни и заключается смысл предложенных этих и дальнейших шагов сотрудничества двух наших государств и народов.

Литература

Бабурин С.Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. – М., 1997.

Безжинський З. Велика шахівниця. Америка: її провідна роль та геостратегічні імперативи. – Київ, 1999.

Білорус О.Г. Імперативи стратегії розвитку України в умовах глобалізації // Політична думка. – 2001. – № 4.

Гаджиев К.С. Геополитика. – М., 1998.

- Гальчинський А.С. Україна – на перехресті геополітичних інтересів. – Київ, 2002.
- Гумилев И.Б. Евразийская цивилизация. – М., 1993.
- Зиновьев А. Глобальное сверхобщество и Розсип. – М., 2000.
- Дугин А.Г. Основы геополитики. – М., 1997.
- Ильин И. Грядущей России. – М., 1993.
- Кудряченко А.І. Між двома полюсами. Деякі питання взаємовідносин України, Польщі, Росії і Німеччини // Політика і час. – К., 1993. – № 3.
- Kudryachenko A. Kształtowanie nowej Europy i niektóre problemy stosunków wzajemnych Ukrainy, Polski, Rosji i Niemiec. Polska i Ukraina w nowej Europie // Materiały polsko-ukraińskiej Konferencji naukowej. Warszawa, 16–17 Listopada 1992. – Warszawa: Instytut spraw międzynarodowych, 1993.
- Кудряченко А.І. Українсько-російські відносини: шлях до рівноправного партнерства // Нова політика. – Київ, 1998. – № 1.
- Кудряченко А.І. Геополітичне сходження України: проблеми, сучасний стан, перспективи // Проблеми і перспективи української. – Київ, 2001.
- Кудряченко А.І. Геополітичне сходження України // Президент. – 2002. – № 9.
- Кудряченко А.І. Європейська стратегія України в епоху глобалізації // Діалог цивілізацій: протиріччя глобалізації. – Київ, 2003.
- Кудряченко А.І., Рудич Ф.М., Храмов В.О. Геополітика. – Київ, 2004.
- Лисицин Є. Стратегічне партнерство – поняття сучасне // Віче. – 1999. – № 2.
- Литвин В.М. Зовнішня політика України: 1990 – 2000 // – Віче. – № 1.
- Мадіссон В.В., Шахов В.А. Сучасна українська геополітика. – Київ, 2003.
- Найтов Н.А. Геополитика. – М., 2002.
- Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства. Континент Евразия. – М., 1997.
- Україна в сучасному геополітичному просторі: теоретичний і прикладний аспекти / Рудич Ф.М., Балабанов Р.В., Кудряченко А.І. та ін. – Київ, 2002.
- Україна – Росія: пошук оптимальної моделі відносин. Київ, 19–20 квітня 2004 р. Матеріали міжнародної конференції. – Київ, 2004.
- Уткин А.И. Американская стратегия для XXI века. – М., 2000.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

В. С. Ем

ВРЕМЕН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ (О СЕРИИ КНИГ «КЛАССИКА РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИСТИКИ»)

Ем Владимир Саурсевич – кандидат юридических наук, доцент МГУ, заместитель председателя редколлегии серии «Классика российской цивилистики», председатель Совета директоров ООО «Издательство “Статут”».

Новые социально-экономические реалии начала 90-х годов прошлого века со всей очевидностью показали, что на многие практические вопросы советская юридическая наука ответов не дает. Сложилась ситуация, аналогичная той, которая имела место в России во второй половине XIX в. Поэтому сказанные в конце XIX в. слова известного дореволюционного ученого-цивилиста Габриэля Феликсовича Шершеневича (1863–1912) о том, что «масса новых практических деятелей, вступившая в жизнь при совершенно новых для России условиях, должна была поневоле искать советов и указаний в науке, потому что прошлая юрисдикция не оставила им в наследство руководящих начал, прецедентов...»¹, как нельзя точнее характеризуют состояние отечественной юридической науки и практики начала 90-х годов XX в.

Почерпнуть необходимую информацию в эти годы можно было лишь на страницах единственного официального учебника по гражданскому праву, который учитывал складывающиеся рыночные реалии².

Образовавшийся вакуум в специальной юридической литературе стал ощущаться очень остро. Его необходимо было заполнить: без этого были немислимы подготовка кадров юристов, становление новой судебной практики, да и развитие собственно юридической науки. Наиболее перспективной в этом плане нам показалась идея о переиздании трудов дореволюционных ученых-циви-

1. Шершеневич Г.Ф. *Наука гражданского права в России*. – М.: Статут, 2003. – С. 240.

2. *Гражданское право: Учебник / Под ред. Е.А. Суханова* – М.: БЕК, 1993. – Т. 1–2.

листов, составляющих величайшее научное наследие, преданное забвению в советское время. Как, однако, воплотить эту заманчивую идею в жизнь? Ведь речь шла о колоссальном объеме интеллектуальных, организационных и материальных ресурсов.

Несмотря на все сложности, выход был найден. В результате в 1994–1996 гг. издательство СПАРК выпустило в свет Учебники торгового и гражданского права Г.Ф. Шершеневича и Учебник по системе римского права В.М. Хвостова³. Трудно переоценить роль, которую сыграли эти книги в деле юридического образования и формирования современной судебной практики.

После первого успешного опыта мысль о переиздании наиболее значимых трудов ученых-цивилистов дореволюционного и советского периодов окончательно завладела автором этих строк. Ведь дореволюционная наука гражданского права, сформировавшаяся под сильным влиянием немецкой цивилистики, отличалась очень высоким уровнем. Для того чтобы достичь его современной российской науке потребуется еще немало усилий.

Своими планами я поделился с рядом научных центров и издательств. Однако никакой поддержки у них они не нашли. Никому не хотелось вытирать вьевшуюся пыль и паутину с бесценных трудов прошлого, рискуя при этом собственными финансами. А по прошествии времени стала очевидной и еще одна причина, почему идея не вызвала энтузиазма – 99 процентам выпускников советских юридических вузов труды российских дореволюционных ученых были попросту неизвестны.

Для реализации поставленной цели в 1997 г. мы вместе со своими учениками создали издательство «Статут», ныне известное и единственное издательство научной юридической литературы. Название серии «Классика российской цивилистики», ставшей его визитной карточкой, было утверждено кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Именно из членов кафедры была сформирована редколлегия серии. Ее возглавили заведующий кафедрой профессор Е.А. Суханов, а я стал его заместителем и генеральным менеджером проекта. С этого времени проблемы научного руководства подготовкой текстов к переизданию и не менее трудные проблемы финансирования этого некоммерческого проекта постоянно находятся в центре нашего внимания.

Первым произведением, выбранным для переиздания в серии стало «Русское гражданское право» Дмитрия Ивановича Мейера (1819–1856). Д.И. Мей-

3. См.: Шершеневич Г.Ф. Учебник торгового права (по изданию 1914 г.). – М.: СПАРК, 1994. Он же. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). – М.: СПАРК, 1995; Хвостов В.М. Система римского права. Учебник. – М.: СПАРК, 1996.

ер был основоположником российской цивилистики, автором первого курса лекций по русскому гражданскому праву, прочитанному студентам Императорского казанского университета. Именно работа над этой книгой показала, какие сложности ждут нас в будущем. С момента выхода в свет книга Д.И. Мейера переиздавалась с середины XIX в. и до начала XX в. более десяти раз! Но все эти издания – с неизменными изменениями и дополнениями – принадлежали перу не самого основоположника российской цивилистики, а его учеников и последователей, которые после кончины ученого по студенческим конспектам его лекций подготовили к изданию курс русского гражданского права. Издательству пришлось проделать огромную работу, чтобы устранить неизбежные в подобных случаях текстуальные расхождения и придать стройность структуре книги для облегчения ее восприятия читателем. Впоследствии с такими же трудностями пришлось нам столкнуться и при подготовке многих других книг.

В приложении к данной статье читатель может ознакомиться с полным списком выпущенных издательством книг. Остановимся на тех, которые заслуживают особого внимания. В 1998 г. в серии «Классика российской цивилистики» вышли «Избранные труды», принадлежащие перу одного из авторитетнейших специалистов в области зарубежного гражданского права – Михаила Ивановича Кулагина (1947–1990). Выбор работ М.И. Кулагина объяснялся не только научными и конъюнктурными соображениями. В его монографии «Государственно-монополистический капитализм и юридическое лицо» и курсе лекций «Предпринимательство и право: опыт Запада», помещенных в одной книге, поднимаются именно те вопросы предпринимательства, организации и функционирования корпораций, которые стали к тому времени исключительно актуальными для России. Добавим: не потеряли актуальности и сейчас.

Прошел всего лишь год с начала основания серии «Классика российской цивилистики» в 1997 г., как она превратилась из проекта кафедры гражданского права в общероссийский проект. Изменение статуса серии связано с выходом книги И.А. Покровского (1868–1920) «Основные проблемы гражданского права» со вступительной статьей доктора юридических наук, профессора А.Л. Маковского – научного руководителя Исследовательского центра частного права при Президенте РФ.

После этого общим правилом работы над книгами серии стало привлечение к написанию вступительных статей и подбору различных материалов специалистов из научных и учебных центров России, с которыми так или иначе были связаны судьбы авторов, чьи труды были отнесены к классическому наследию. Среди них представители Уральского филиала Исследовательского центра частного права (член-корреспондент РАН С.С. Алексеев), Уральской государственной юридической академии (Б.М. Гонгалов), кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета (А.А. Иванов, М.В. Кротов и др.),

кафедры гражданского права Томского государственного университета (Д.О. Тузов), отдела гражданского законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Е.А. Павлодский), Высшего арбитражного суда РФ (В.В. Витрянский, А.А. Маковская) и др.

Со временем серия «Классика российской цивилистики» превратилась из чисто юридического в общекультурный проект, что было отмечено и в печати⁴. Общекультурное значение серии видится в следующем: во-первых, книги серии дают целостную картину становления и развития науки гражданского права как части общей национальной культуры; во-вторых, доступное изложение основных проблем гражданского права, опосредующего самые разные, наиболее значимые сферы человеческого бытия значительно расширяет круг потенциальных читателей. Не случайно, что в качестве авторов вступительных статей привлекались историки (А.Д. Рудоквас, А.М. Лушников), педагоги (Е.Н. Ставинский), политологи (А.С. Карцов) и даже химики (Г.М. Зарубинский)⁵.

Начиная с 2000 г., когда был переиздан труд И.Т. Тарасова «Учение об акционерных компаниях», серия начинает привлекать внимание российских и зарубежных деловых кругов. С этого момента финансовую поддержку проекту стали оказывать различные фонды и компании: Российский фонд правовых реформ, компания «ANSOL LIMITED», компания «Консультант Плюс» и др.

За девять лет проделана огромная работа над серией, в свет вышло уже более пятидесяти книг. Все переизданные труды можно условно разделить на несколько групп.

Во-первых, это *труды ученых, представляющие собой систематизированное изложение курса гражданского права* – Д.М. Мейера, Е.В. Васьковского, В.И. Синайского, К.П. Победоносцева, Г.Ф. Шершеневича.

Во-вторых, это *труды, рассматривающие отдельные проблемы гражданского права*, в рамках монографических исследований – А.А. Пиленко, И.Т. Тарасова, А.В. Венедиктова и др. или же в небольших по объему статьях – Б.Б. Черепашина, А.А. Симолина, О.А. Красавчикова и др.

4. Об этом см. статью члена-корреспондента РАН Алексеева С.С. О серии «Классика российской цивилистики» // Законодательство. 2000. – № 6. – С. 79–91.

5. См. например, вступительную статью Лушниковой А.М., Лушниковой М.В.: Лев Семенович Таль. Жизнь и творчество (1867–1933) // Таль Л.С. Трудовой договор: Цивилистическое исследование. – М.: Статут, 2006. – С. 7–23; вступительную статью Зарубинского Г.М., Ставинского Е.Н. Александр Александрович Пиленко: Очерк жизни и деятельности // Пиленко А.А. Право изобретателя. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2005 – С. 25–62; Кривцов А.С. Предисловие // Кривцов А.С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и в современном гражданском праве. – М.: Статут, 2003. – С. 7–71.

В-третьих, это *труды, посвященные науке гражданского права в России (СССР) в целом*, ее наиболее спорным проблемам, основным этапам ее развития, научным школам и течениям, а также их представителям – Г.Ф. Шершеневичу, И.А. Покровскому, О.С. Иоффе, О.А. Красавчикову.

В-четвертых, это *специальные исследования, представляющие собой научно-квалифицированные комментарии дореволюционного законодательства* – «Законы гражданские...» в пяти книгах (составитель И.М. Тютрюмов) и книги К.А. Неволина.

Структура книг серии смоделирована по единому принципу. Как правило, книгу открывает очерк о жизни и деятельности ученого-цивилиста, после которого следует (в качестве продолжения или в виде отдельного очерка) статья о научной значимости и актуальности переиздаваемого труда, перенесенного в новый исторический контекст. Особую ценность представляют помещенные в книгах прижизненные рецензии, написанные современниками авторов. Они позволяют окунуться в атмосферу тех дней, когда впервые издавалось произведение, оцененное благодарными потомками как классическое.

Осознание сложности и значимости задач, связанных с выпуском серии «Классика российской цивилистики», требует новых подходов при выборе и поиске научного материала, поиске наследников и лиц, знавших ученых, составивших гордость российской науки гражданского права.

Большую часть этой работы осуществляет исполнительный секретарь редакционной коллегии – Т.Е. Комарова. Эта невидимая читателю работа включает обработку огромного количества литературных источников, освоение колоссального объема архивного материала.

Наша работа по переизданию трудов крупнейших цивилистов прошлого начала получать признание не только в России, но и за ее пределами. Особенно нас радует стремление наследников ученых переиздать труды своих отцов в этой серии. К примеру, своим выходом в свет произведение Василия Ивановича Синайского (1876–1949) «Русское гражданское право» обязано не только нашей инициативе, но и инициативе дочери В.И. Синайского – Наталии Васильевне Синайской⁶.

Произведение И.А.Базанова (1867–1943) «Происхождение современной ипотеки...» открывает обращение к читателю его внучки – Ольги Морель, с которой специально встретился в феврале 2004 г. в Риме Д.О. Тузов – автор вступительной статьи к трудам И.А. Базанова. Ольга Морель пишет, что «отец, как и я, как и дети мои, остались верны, каждый в своей области, светлomu

6. Материалы об этом см.: Синайский В.И. Русское гражданское право. – М., 2002. – С. 7–33.

примеру Ивана Александровича – ученого, глубоко понимавшего свой долг перед обществом и родиной»⁷.

В 2001 г. в книге, в которую вошли труды замечательного российского ученого, внесшего неоспоримый вклад в становление отечественной науки патентного права А.А. Пиленко (1873–1956) был помещен очерк о его жизни и деятельности, написанный мною совместно с Д.А. Ларионовым⁸. Очерк во многом опирался на данные, опубликованные в прежних статьях Г.М. Зарубинского и Е.Н. Ставинского. Логическим следствием знакомства издательства с указанными авторами явился наиболее полный на сегодняшний день очерк о жизни и деятельности А.А. Пиленко⁹.

При подготовке к переизданию трудов профессора Казанского университета Александра Александровича Симолина (1879–1919) нам, после упорных и длительных поисков, удалось выйти на его прямого потомка – внука Андрея Владимировича Симолина. Плодотворное сотрудничество с ним увенчалось выходом в свет двух биографических очерков об А.А. Симолине. Первый из них – «Чеховский профессор» – опубликован в журнале «Законодательство»¹⁰. Второй – «Сфера свободы» – помещен в книге А.А. Симолина «Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права», вышедшей в 2005 г. в серии «Классика российской цивилистики». Второй очерк основан на данных огромного числа литературных источников, сведений из архивов Российской Федерации – Главного архива Российской Федерации, Национального архива республики Татарстан, Государственного архива Омской области, Государственного архива Томской области¹¹.

Каждый переизданный в серии труд уникален, как и уникальны судьбы ученых, посвятивших себя науке гражданского права. Авторы биографических материалов, предваряющих книги, постарались максимально полно осветить жизненные пути ученых, которые мы предлагаем сегодня вниманию читателей.

7. Базанов И.А. *Происхождение современной ипотеки. Новейшие течения в вотчинном праве в связи с современным строем народного хозяйства.* – М., 2004. – С. 7.

8. Ем В.С., Ларионов Д.А. *Александр Александрович Пиленко (Биографический очерк) // Пиленко А.А. Право изобретателя.* – М., 2001. – С. 22–32.

9. Зарубинский Г.М., Ставинский Е.Н. *Александр Александрович Пиленко: очерк жизни и деятельности // Пиленко А.А. Право изобретателя. 2-е изд., испр. и доп.* – М., 2005. – С. 2–62.

10. Ем В.С., Комарова Т.Е., Симолин А.В. «Чеховский профессор» // *Законодательство.* 2004. – № 12. – С. 75–82.

11. Ем В.С., Комарова Т.Е., Симолин А.В. *Сфера свободы // Симолин А.А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права.* – М.: 2005. – С. 7–47.

Личность каждого из перечисленных ученых вызывает огромный, не слабеющий с годами интерес.

Судьбы авторов произведений, вошедших в серию, сложились по-разному. Если взять, например Л.А. Кассо (1865–1914) и К.П. Победоносцева (1827–1907), то, с одной стороны, – это выдающиеся ученые, чей вклад в цивилистику просто огромен, с другой – государственные деятели, оставившие о себе память как о реакционерах и «злых гениях», один – русского образования, другой – России в целом. С именем Л.А. Кассо ассоциировались гонения на университеты и политическая реакция в области народного просвещения¹². К.П. Победоносцеву же, по оценке историка А.А. Кизеветтера, удалось стать «центральной фигурой в правящих кругах эпохи контрреформ»: «Его личность, властная, боевая, воинствующая представляла собой тот узел, в котором сходились все нити государственной политики в царствование Александра III. На посту обер-прокурора Синода он хотел и сумел стать фактически главою правительства, твердо и цепко сжимающим в своей руке руль государственного корабля»¹³.

Многие представители интеллигенции, отвергающие революционный путь развития России, в 1917 г. оказались перед тяжким выбором: либо противостоять новой власти, либо сотрудничать с ней, переживая кровавое время в профессорском кабинете, либо затеряться на чужбине, покинув страну¹⁴. А.А. Симолин, например, предпочел первый путь, А.А. Пиленко¹⁵, И.А. Базанов – третий.

Таким образом, в серии «Классика российской цивилистики» в равной степени представлены и консерватор, носитель монархической идеи – К.П. Победоносцев, и представитель белого движения – А.А. Симолин, и убежденный коммунист – В.П. Грибанов (1921–1990). Но всех их объединила в этой серии принадлежность и верность одной науке – науке гражданского права, имеющей вневременную ценность. Благодаря этому времен связующая нить не оборвалась, а преемственность в гражданско-правовой науке сохранилась.

12. Например, именно в период пребывания Л.А. Кассо в должности министра народного просвещения широкое применение получило назначение профессоров, тогда как раньше практиковалось избрание их на должности.

13. Кизеветтер А.А. Победоносцев // На чужой стороне. – 1924. – № 4. – С. 258. Цит. по: Тимошина Е.В. «Я вижу путь и истину...» /// Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. – М., 2002. – С. 39.

14. Ем В.С., Комарова Т.Е., Симолин А.В. «Чеховский» профессор // Законодательство. 2004. – № 12. – С. 79. Подробнее см. статью тех же авторов «Сфера свободы» // Симолин А.А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М., 2005. – С. 7–47.

15. См. вступительную статью Зарубинского Г.М. и Ставинского Е.Н. Александр Александрович Пиленко: очерк жизни и деятельности // Пиленко А.А. Право изобретателя. 2-е изд., испр. и доп. – М., 2005. – С. 25–62.

В ближайших планах редакционной коллегии серии намечено переиздание трудов *В.А. Рясенцева, В.Б. Ельязшевича, Г.Ф. Дормидонтова, А.Л. Фрейтаг-Лоринговена, С.Н. Братуся* и др. Как видно, впереди еще очень много нового и интересного, а научный материал, накопленный поколениями, будет представлен нашими читателями по мере его подготовки.

В 2007 г. мы собираемся отметить юбилей – исполнится десять лет со дня основания серии книг «Классика российской цивилистики». Сегодня эти книги в твердом переплете синего цвета и серебристыми буквами на обложке можно найти на полках книжных магазинов, в высших учебных заведениях, в разных образовательных юридических центрах, в российских публичных и частных библиотеках, в кабинетах ученых, на полках книжных шкафов практикующих юристов, студентов, аспирантов юридических факультетов, а также лиц, интересующихся наукой гражданского права. Интерес к переиздаваемой юридической литературе по гражданскому праву, к большой нашей радости, постоянно растет. Дело, начатое еще в прошлом веке, таким образом было начато не зря¹⁶. И тысячу раз прав профессор А.Л. Маковский, который пишет, что «... о «Классике российской цивилистики» можно говорить как о явлении уникальном, не имеющем себе подобных ни в отечественной, ни в иностранной правовой литературе. ...Мы вдруг стали обладателями золотых россыпей, сокрытых временем и недобрыми охранителями, обрели труды людей, продолжавших писать науку гражданского права даже в самые мрачные годы»¹⁷.

Годы публикации серии – это годы профессионального роста издательства «Статут». Именно оно смогло обеспечить качественное оформление книг, выдержанное в лучших традициях отечественного книгоиздания: твердый переплет, строгий художественный стиль, хорошее полиграфическое исполнение¹⁸. Не случайно, что на книжной ярмарке в 2003 г. издательство «Статут», приняв участие в конкурсе, получило Диплом «... за лучшее художественное оформление книги Шершеневича Г.Ф. «Курс торгового права»». 14 февраля 2004 г. издательство «Статут» в номинации «юридические науки» было награждено национальной премией «Фемида» «... за большой вклад в развитие юридической мысли и правовой культуры, подготовку и издание серии книг «Классика российской цивилистики»».

16. Алексеев С.С. О серии «Классика российской цивилистики» // *Законодательство*. – 2000. – № 6. – С. 79–81; Слесарев В.Л., Яковлев В.Ф. Серия книг «Классика российской цивилистики» // *Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации*. – М., 2003 – № 8. – С. 35–140.

17. См. буклет о серии «Классика российской цивилистики». – С. 2.

18. Слесарев В.Л., Яковлев В.Ф. Серия книг «Классика российской цивилистики» // *Вестник Высшего Арбитражного суда РФ*. – 2003. – № 8. – С. 135–140.

Приложение

Список книг, выпущенных в 1997–2006 гг. издательством «Статут» в серии «Классика российской цивилистики»

1. *Базанов И.А.* Происхождение современной ипотеки. Новейшие течения в вотчинном праве в связи с современным строем народного хозяйства. – М., 2004. – 589 с.
2. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского права. – М., 2003. – 382 с.
3. *Венедиктов А.В.* Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. I. – М., 2004. – 463 с.
4. *Венедиктов А.В.* Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. II. – М., 2004. – 557 с.
5. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2000. – 411 с.
6. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Составил *И.М. Тютрюмов*. Книга первая. М., 2004. – 348 с.
7. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Составил *И.М. Тютрюмов*. Книга вторая. – М., 2004. – 603 с.
8. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Составил *И.М. Тютрюмов*. Книга третья. – М., 2004. – 571 с.
9. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Составил *И.М. Тютрюмов*. Книга четвертая. – М., 2004. – 635 с.
10. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Составил *И.М. Тютрюмов*. Книга пятая. – М., 2004. – 444 с.
11. *Иоффе О.С.* Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – М., 2000. – 777 с.
12. *Кассо Л.А.* Понятие о залоге в современном праве. М., 1999. – 284 с.
13. *Красавчиков О.А.* Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. – М., 2005. – 492 с.
14. *Красавчиков О.А.* Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. – М., 2005. – 494 с.
15. *Кривцов А.С.* Абстрактные и материальные обязательства в римском и в современном гражданском праве. – М., 2003. – 314 с.
16. *Кулагин М.И.* Избранные труды по акционерному и торговому праву. 2-е изд., испр. – М., 2004. – 363 с.
17. *Луц Л.А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. – 352 с. (изд. 2-е, испр. – М., 2004. – 350 с.).
18. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право (в 2 ч.). По испр. и доп. 8-му изд., 1902. Часть 1. – М., 1997. – 290 с.; Часть 2. М., 1997. – 455 с. (изд. 3-е, испр. – М., 2003. – 831 с.).

19. *Муромцев С.А.* Гражданское право Древнего Рима. – М., 2003. – 685 с.
20. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Часть первая: Введение и книга первая о союзах семейственных. – М., 2005. – 590 с.
21. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Часть вторая: Книга вторая об имуществах. Раздел первый об имуществах вообще и раздел второй о правах на вещи. – М., 2006. – 412 с.
22. *Нересов Н.О.* Избранные труды по представительству и ценным бумагам в гражданском праве. – М., 2000. – 286 с.
23. *Пассек Е.В.* Неимущественный интерес и непреодолимая сила в гражданском праве. – М., 2003. – 399 с.
24. *Петражицкий Л.И.* Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. – М., 2002. – 426 с.
25. *Пиленко А.А.* Право изобретателя. – М., 2001. – 688 с. (2-е изд., испр. и доп. – М., 2005. – 779 с.).
26. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Часть первая: Вотчинные права. – М., 2002. – 800 с.
27. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. М., 2003. – 639 с.
28. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. М., 2003. – 622 с.
29. Указатели и приложения к Курсу гражданского права К. Победоносцева. – М., 2004. – 234 с.
30. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права М.: Статут, 1998. – 353 с. (изд. 4-е, испр. – М., 2003. – 351 с.).
31. *Покровский И.А.* История римского права. – М., 2004. – 540 с.
32. Сборник статей по гражданскому и торговому праву. Памяти профессора Габриэля Феликсовича Шершеневича. – М., 2005. – 620 с.
33. *Серебровский В.И.* Избранные труды по наследственному и страховому праву. – М., 1997. – 567 с. (изд. 2-е, испр. – М., 2003. – 558 с.).
34. *Симолин А.А.* Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. – М., 2005. – 638 с.
35. *Синайский В.И.* Русское гражданское право. – М., 2002. – 638 с.
36. *Суворов Н.С.* Об юридических лицах по римскому праву. – М., 2000. – 299 с.
37. *Таль Л.С.* Трудовой договор: Цивилистическое исследование. – М., 2006. – 539 с.
38. *Тарасов И.Т.* Учение об акционерных компаниях. – М., 2000. – 666 с.
39. *Цитович П.П.* Труды по торговому и вексельному праву. В 2 т. Т. 1: Учебник торгового права; К вопросу о слиянии торгового права с гражданским. – М., 2005. – 460 с.
40. *Цитович П.П.* Труды по торговому и вексельному праву. В 2 т. Т. 2: Курс вексельного права. – М., 2005. – 346 с.

41. *Черепяхин Б.Б.* Труды по гражданскому праву. – М., 2001. – 479 с.
42. *Шершеневич Г.Ф.* Конкурсный процесс. – М., 2000. – 477 с.
43. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Т. I: Введение. Торговые деятели. – М., 2003. – 480 с.
44. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Т. II: Товар. Торговые сделки. – М., 2003. – 544 с.
45. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Т. III: Вексельное право. Морское право. – М., 2003. – 412 с.
46. *Шершеневич Г.Ф.* Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. – М., 2003. – 550 с.
47. *Шершеневич Г.Ф.* Наука гражданского права в России. – М., 2003. – 250 с.
48. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 1. – М., 2005 – 461 с.
49. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. Т. 2. – М., 2005. – 462 с.
50. *Энгельман И.Е.* О давности по русскому гражданскому праву: Историко-догматическое исследование. – М., 2003 – 511 с.

П. М. Шульгин

УДИВИТЕЛЬНАЯ КРАПИВНА: СЕГОДНЯ - СЕЛО, ЗАВТРА - МУЗЕЙНЫЙ ЦЕНТР¹

Шульгин Павел Матвеевич – кандидат экономических наук, заместитель директора Российского научно-исследовательского института культурного и народного наследия имени Д.С. Лихачева.

Село Крапивна, расположенное в Шекинском районе Тульской области, представляет собой удивительный для России феномен. Бывший уездный город, ставший в 1920-е годы сельским поселением, он и по сей день сохраняет дореволюционный облик: в Крапивне есть четыре церкви, более 50 зданий, представляющих архитектурный и исторический интерес, старые мощеные улицы и площади. В ней сохранилась регулярная планировка с главным собором и торговыми рядами на центральной площади, с уездными учебными заведениями, больницей, гостиницей «Лондон», лавками, купеческими домами, тюрьмой.

Крапивна полна очарования, в ней невольно чувствуется атмосфера старины, ведь на протяжении XX столетия здесь фактически не произошло каких-либо значительных перемен. Можно сказать, что Крапивна – это музей под открытым небом. Она может и должна быть сохранена как целостный объект культурного наследия.

История Крапивны хранит память о многих знаменитых людях, живших или работавших в этом городе. Наиболее тесно с Крапивной был связан род Толстых. Ясная Поляна, родовое гнездо Толстых, входила в Крапивенский уезд, сам Лев Николаевич Толстой бывал здесь много раз, работал в Крапивенском земстве.

Уже несколько лет в Крапивне ведется культурная работа силами музея-заповедника «Ясная Поляна». В селе создан и совершенствуется краеведческий музей, проводится активная работа с местными жителями, с крапивенскими

1. Статья продолжает обсуждение темы, начатой ранее в журнале (см.: «Россия и современный мир», № 3, 2005 г.).

школьниками, несколько лет устраивается «Фестиваль крапивы». Крапивна – небольшое поселение, в настоящее время в ней проживают менее 2 тыс. человек, поэтому решить задачу своеобразной музеефикации уездного города здесь легче, чем в каком-либо другом месте (как правило, численность населения бывших небольших уездных городов составляет в настоящее время 10–30 тыс. жителей).

Чрезвычайно важно, однако, чтобы стратегия развития Крапивны не сводилась лишь к реставрации старинных зданий и формированию музейных экспозиций и экскурсионного пространства. Без изменения условий жизни местных жителей, без перспектив развития занятости и трудоустройства молодежи осуществить поставленную задачу невозможно. Комплекс историко-культурного наследия – это особый и очень важный экономический ресурс региона, он должен стать основой для специализации, стимулом для подъема местной экономики и развития социальной инфраструктуры.

Крапивна до настоящего времени практически находится в своих исторических границах, сохраняет систему слобод и поддерживает пространственные связи с историческим и ландшафтным окружением. Особую прелесть ей придает выразительный рельеф и живописные уголки старинной застройки с купами больших деревьев и открывающимися дальними панорамами заречных территорий. Большую роль в судьбе Крапивны сыграло ее выгодное географическое положение на правом возвышенном берегу Плавы, близ впадения ее в Упу. Во второй половине XIX – начале XX в. город вел оживленную торговлю с соседними губерниями и уездами. Крапивна и Крапивенский уезд считались наиболее промышленно развитыми в Тульской губернии. В городе проводилось несколько ярмарок. Его население к началу XX в. достигло почти 7 тыс. жителей. В уезде работало 38 мелких предприятий, в числе которых два – ликероводочных, три – паточных, кожевенное производство, бумажная фабрика, сапожно-шпильчатая, фабрика деревянных изделий, многочисленные мельницы и маслобойни. В Крапивне и ее окрестностях развивалось производство строительных материалов (добыча природного камня и глины, гашение извести, производство кирпича и черепицы), гончарное дело (посуда, глиняные игрушки, гончарные труды для дымоходов). В городе делали телеги, работали бондарные, веревочно-канатные, шорные, кузнечные, шерстобитные и валяльные предприятия, производились продукты питания. В Крапивне было 25 питейных домов и ресторанов.

В настоящее время в Крапивне сохранилось около 60 архитектурных сооружений, которые с полным правом можно отнести к памятникам архитектуры. Среди них четыре культовых здания: Никольская церковь (конец XVIII – начало XIX в.), Троицкая приходская церковь (конец XVIII – начало XIX в.), Космодемьянская церковь (начало XIX в.), кладбищенская Всехсвятская церковь (начало XIX в.).

Общественные здания представлены торговыми рядами, административным зданием (первоначально дом предводителя дворянства), в котором помещались казначейство и жандармерия, зданием суда, земской управы, Английского клуба. Учебные заведения находились в домах, построенных в начале XIX в. (уездное училище для мальчиков и здание женской гимназии). В первой половине XIX в. были построены комплекс городской больницы и здание церковно-приходской школы. Сохранность исторической планировки города, его традиционной структуры, старинного облика позволяют ставить вопрос о сохранении всего исторического города как единого целого организма. В ближайшем окружении Тулы другого такого интересного поселения, как Крапивна, нет.

Для сохранения архитектурно-планировочного своеобразия Крапивны необходимо решить несколько задач:

- выявить все историко-архитектурные памятники исторической зоны, провести паспортизацию и подготовить документацию по их охране;
- осуществить первоочередные реставрационные работы, связанные с архитектурными памятниками;
- определить методы использования наиболее интересных зданий;
- привлечь к осуществлению проектов спонсоров и инвесторов.

Сейчас уже разработаны рекомендации по государственной охране более 60 объектов культурного наследия. Прежде всего это касается реставрационных работ и косметического ремонта исторического центра Крапивны. Преобразившийся старинный квартал сразу же привлек бы к себе внимание, стал бы местом посещения туристов, где можно устраивать праздники и фестивали.

Сейчас привлекательность Крапивны значительно снижена из-за однообразной и поблекшей покраски фасадов, нивелирующий выразительность постройки. Перекраска фасадов в соответствии с исторической эволюцией цветовых предпочтений может стать эффективным и недорогим средством выявления достоинств историко-архитектурного наследия. Можно также снабдить старинные постройки Крапивны двухъярусными адресными табличками на внешней стене. В таких случаях под табличной с нынешним адресом помещается другая – с дореволюционным названием. Можно использовать и еще один недорогой изобретательный прием: уличные фасады зданий дополнить крупными разнохарактерными вывесками в духе XIX столетия. В разработке эскизов таких вывесок важны цвет фона и шрифта, его гарнитура и общая компоновка.

К числу первоочередных проектов реставрации исторических зданий в Крапивне относятся:

- Дом с колоннами (основное музейное здание в Крапивне в ближайшей перспективе);
- Дворянское собрание (будущий учебный корпус и место главного собрания горожан);

- дом купца Прянчикова (будущая гостиница);
- трактир Филата Васильева «Лондон» (будущая элитная гостиница с рестораном);
- Всехсвятская церковь.

По каждому из предложенных объектов определены объемы видов реставрационных работ и их стоимость. Это позволит создать фонд исторического наследия, который уже в ближайшие годы сможет активно функционировать в музейных целях, в образовательных проектах и в качестве туристской инфраструктуры.

Не менее важной задачей является и формирование музейного пространства Крапивны, где в настоящее время уже действует историко-краеведческий музей. Его главной музейной темой, на наш взгляд, целесообразно сделать уездное земство. Для этого существуют многие предпосылки: Крапивна отражает именно облик уездного города конца XIX – начала XX в. – времени наиболее успешного развития земства. Здесь сохранились многие земские учреждения (управа, больница, учебные учреждения, почта, богадельня и др.). Задачей земств была организация местного самоуправления, стимулирование экономического и социального развития территории, что и по сей день звучит весьма актуально. Следует подчеркнуть, что деятельность Л.Н. Толстого в Крапивне тесно связана именно с его работой в земских органах.

1 января 1864 г. императором Александром II был подписан указ о губернских и уездных земских учреждениях. Введение выборного земского самоуправления явилось важным этапом в становлении гражданского общества в России. В ведении земства находились народное просвещение, здравоохранение, местные дороги и почта, продовольственное дело, ветеринария, сельское хозяйство, кустарная промышленность, благотворительность. Стараниями наиболее активной части общества земская идея сразу же шагнула дальше чисто муниципальной и воплотилась в представлениях о гражданской активности, общественном служении, просветительстве.

Лев Толстой как землевладелец Крапивенского и Чернского уездов имел право участвовать по земскому избирательному закону в выборах гласных депутатов по землевладельческой курии. Тульские уездные земские собрания начали свою деятельность в 1865 г., а уже в 1871 г. Толстой был избран гласным Крапивенского уездного земского собрания. В первые три года он входил в состав комиссии по изучению взаимоотношений между городским самоуправлением и земством. В 1874–1876 гг. Толстой избирается в члены Крапивенского училищного совета. С этим периодом связана его активная работа по созданию земских школ в Крапивенском уезде. В 1877–1879 гг. Лев Николаевич был избран секретарем Крапивенского уездного земского собрания, а также переизбран членом училищного совета, в результате деятельности которого количе-

ство земских школ в Крапивенском уезде увеличилось с 18 до 64. В сентябре 1874 г. Крапивенское земское собрание вынесло благодарность училищному совету и Л.Н. Толстому за проделанную работу. Особое внимание писатель уделял школам в селах близ Ясной Поляны – Телятинках, Ясенках, Груманте, Овсянниково: обеспечивал их материальное содержание, заботился о подготовке учителей, посещал занятия. В 1874 г. Л.Н. Толстой организовал работу недельных педагогических курсов в Ясной Поляне с целью повышения педагогических знаний учителей земских школ. Им также задумывались ежегодные педагогические курсы, продолжительностью шесть месяцев для 50 учителей. Практические занятия предполагалось проводить на базе Яснополянской земской школы, а размещать курсистов намеревались в усадьбе Толстого (второй этаж каменного флигеля – Дома Кузьминской).

Музея по истории земства пока нет нигде в России, и, говоря сегодня о местном самоуправлении, мы фактически забываем, что подобный опыт уже был накоплен историей страны, причем опыт достаточно успешный: земства в полной мере показали свои экономические возможности. «Музей уездного земства» на примере Крапивны сможет отразить эту страницу экономического и социального развития страны.

Главная экспозиция Музея будет посвящена общей истории земского самоуправления в России (она будет развернута в Доме с колоннами, в котором один этаж будет посвящен истории Крапивны, а второй – станет вводным в «Музей земства»). Одновременно с этим в нескольких местах Крапивны будут работать филиалы – отраслевые музеи, посвященные различным сторонам земской деятельности. Так, экспозиция, посвященная участию земства в народном здравоохранении, может быть развернута в одном из корпусов бывшей крапивенской земской больницы; экспозиция, связанная с земской школой, – в бывшем школьном здании и т.д.

Формирование экспозиции «Музея земства» можно рассмотреть на примере музея истории почты, а местом размещения «Музея земства» может стать современное здание почты, где историческая экспозиция будет соседствовать с работой современных почтовых служб. В дореволюционной Крапивне существовала земская почта и выпускались достаточно редкие и интересные земские марки, что может найти свое отражение в исторической экспозиции, рассказывающей об этой странице земского развития. Здесь могут быть размещены стенды с иллюстрациями почтовых марок крапивенской почты, сведениями по истории их выпуска, особенностями почтового применения. Здесь также можно представить старинные открытки, увеличенные фотографии, показывающие дореволюционный облик города, старые письма, почтовые карточки со штемпелями Крапивны, а также другие материалы об истории земских почт. Такой проект легко осуществить, и он не будет слишком затратным. Важно учесть при

этом, что его финансирование может быть осуществлено не только за счет местных средств или средств музея, но и с активным привлечением бюджета Министерства связи. Эффективность проекта обеспечивается продажей различного рода почтовой продукции с символикой города – конвертов, открыток, погашенных специальным штемпелем. Этот объект может стать одним из наиболее привлекательных мест для посетителей.

Подобным образом хорошо показать роль земств и в развитии сельского хозяйства (совместно с сельскохозяйственным предприятием можно создать своеобразный «опытный участок или центр развития земских инициатив»). Очень интересные и необычные экспозиции могут быть посвящены земской статистике, издательской деятельности, пожарному делу, кустарным промыслам и пр. В других экспозициях можно рассказать о жизни и быте представителей различных сословий: дворянства, купечества, интеллигенции, крестьянства. В Крапивне находятся интересные образцы жилых дворянских и купеческих домов. Для нее характерен, в частности, тип скромной купеческой усадьбы с комплексом складских помещений. Типичный пример купеческого дома с хозяйственными постройками – дом Чиждова на бывшей улице Нижней. Здесь же может быть воссоздан и жилой дом интеллигенции – дом врачей Остроумовых. На Нижней улице расположена и небольшая дворянская усадьба – дом Игнатьева, где в гостях неоднократно бывал Л.Н. Толстой. В каждом из этих домов может быть создана своя специализированная экспозиция.

Крапивинский музей земства имеет возможности активного сотрудничества с краеведческим музеем в Алексине, который собирает материалы о своем известном земляке – князе Георгии Евгеньевиче Львове, активном деятеле земского движения, председателе Тульской губернской земской управы, председателе Всероссийского земского союза, главе Временного правительства России. Такое сотрудничество придает еще больший вес музейной тематике в Тульской области.

Будущий музей целесообразно создавать совместно с отраслевыми российскими министерствами. Они могут не только подготовить информационные материалы, но и передать интересные экспонаты, рассматривающие роль земств в развитии различных отраслей в дореволюционный период.

Важно отметить, что организация музейного дела в данном случае – это не затратный проект. Музейные объекты Крапивны и района являются ее органичной хозяйственной структурой. Связь с производственной историей, нацеленность на решение современных социально-культурных проблем, активное участие в хозяйственной жизни поселения служит приоритетным направлением в перспективном развитии Крапивны.

Со временем «Музей истории земств» может стать не только интересным музейным учреждением, но и информационно-учебным центром, полигоном воз-

рождения хозяйственных и социальных традиций на базе истории земства – поучительного и полезного в современных условиях опыта. Музей крайне необходим в современных условиях при взятом курсе на укрепление муниципальной власти, четком делегировании федеральных, региональных и местных полномочий.

Представляется целесообразным также создать в Крапивне межобластной центр подготовки специалистов в сфере муниципального управления. Его организационное курирование может обеспечить аппарат полномочного представителя Президента Российской Федерации по Центральному федеральному округу, который будет информировать общественность о последних административных установках и новых управленческих решениях в муниципальной сфере. Научное руководство подготовкой специалистов может быть возложено на одно из ведущих высших учебных заведений Тулы, имеющее кафедру муниципального управления, либо на ученый совет, состоящий из нескольких кафедр ряда ВУЗов. Необходимость организации таких курсов несомненна, их проведение на базе низового муниципального центра и одновременно музейного комплекса немаловажно повысит их эффективность и создаст совершенно нестандартный фон для обучения.

Таким образом, в Крапивне создается еще одно направление развития обучающей деятельности – это обучение специалистов в сфере организации туристского обслуживания. Историческое единство Крапивны и Ясной Поляны и их совместное музейное развитие создаст потребность в постоянной подготовке кадров экскурсоводов, организаторов туризма, работников туристских служб. Подобные курсы целесообразно организовать именно на базе Крапивны. Здесь можно читать лекции, осваивать методический материал, проводить практические занятия по организации экспозиций и различного рода маршрутов как по городу-музею, так и по другим соседним историческим местам.

На первом этапе подготовка работников туристской сферы, скорее всего, будет осуществляться в форме кратковременных курсов, например перед началом активного летнего туристского сезона. В дальнейшем возможен переход от курсов к постоянному обучающему центру, выпускники которого овладеют навыками по обслуживанию туристов в небольшом историческом городе. На этой базе появляется возможность создать в Крапивне учебное заведение – Университет муниципального самоуправления и развития сферы туризма. Созданный здесь учебный комплекс будет выполнять функции студенческого городка (по типу небольших учебных центров – кампусов США). Музей и учебный центр во многом определяют будущее Крапивны, создадут ей необходимую специализацию, позволят предотвратить отток населения, увеличат занятость местной молодежи.

Крапивна имеет также достаточный потенциал для развития туристской сферы. Она занимает очень выгодное положение по отношению к ряду других

исторических населенных пунктов запада Тульской области. Через Крапивну можно проложить маршрут к Одоеву (также бывший уездный центр с историческими памятниками, очень красивым природным окружением; с участками бывших Тульских засек – оборонительных природных рубежей русского средневекового государства) и Белёву (бывший уездный город, очень интересный архитектурными памятниками и мемориальными объектами). Через Белёв можно выйти на Калужскую область, на Козельск с Оптиной пустыней и далее – на Шамординский женский монастырь. Все эти места очень тесно связаны с жизнью Л.Н. Толстого и с мотивами его творчества. Дорога на юг ведет к городу Плавску (ранее большое село Сергиевское) и далее на бывший уездный город Чернь, музей-заповедник И.С. Тургенева «Спасское-Лутовиново», исторический Мценск в Орловской области и его окрестности с архитектурными памятниками и литературными мемориальными местами, связанными с именами Н.С. Лескова и А.А. Фета.

Крапивна является естественным туристским центром этого исторического и во многом литературного региона. Здесь целесообразно формировать гостиничную базу для размещения туристов. Туристская стратегия развития Тульской области придаст ей весьма значительный потенциал. Крапивна может привлекать туристов на несколько дней, обеспечивая этим более высокий уровень доходов, по сравнению с прибылью, получаемой только от экскурсионной деятельности. Организовать гостиницы в Крапивне можно в доме Пряничкова и в элитной туристской гостинице «Лондон».

Задачи по сохранению и использованию историко-культурного наследия Крапивны вряд ли могут быть реализованы без улучшения условий жизни местного населения. Современные музейные, образовательные и туристские центры не должны соседствовать с ветхими строениями, лишенными самых элементарных удобств. Перспективное развитие города должно включать мероприятия по проведению водопровода, канализации и газификации жилого фонда исторического поселения. Без этого все преобразования будут рассматриваться местными жителями как чуждые, как стремление создать хорошую жизнь для туристов и экскурсантов за их счет.

Начавшиеся преобразования в судьбе Крапивны осуществляет в основном музей-заповедник «Ясная Поляна». Его деятельность в Крапивне обогащает музейфицированное толстовское пространство Тульской области, выходя за пределы собственно усадьбы Л.Н. Толстого. Вместе с тем реализовать предложенную программу только средствами музея-заповедника «Ясная Поляна» практически невозможно. Работа по ней может стать первым крупным шагом в рамках подписанного Яснополянского соглашения (от 29.6.2004) о сотрудничестве в социально-экономическом развитии Тульской области между представителями власти, бизнеса и культуры. По этому соглашению стороны могут взять на себя следующие функции:

1. Музей-заповедник «Ясная Поляна» будет обеспечивать разработку программы реставрации исторического поселения, формировать «Музей истории земства» и осуществлять работы по музеефикации отдельных объектов, а также туристическую, экскурсионную и образовательную программы.

2. Аппарат полномочного представителя президента РФ в Центральном федеральном округе может оказать действенную помощь в создании «Музея истории земства». Он может привлечь к этой работе представителей федеральных министерств и ведомств, тематические филиалы которых появятся в Крапивне. Создавая свой филиал (экспозицию, посвященную земской больнице, школе, почте, пожарной части, сберкассе и пр.), ведомства могут ярко показать историческое становление своей отрасли и одновременно помочь создать уникальный для истории России музей. Аппарат полномочного представителя может выступить организатором курсов муниципального самоуправления.

3. Администрация Тульской области, администрация Щекинского района совместно с группой химических компаний «Щекиназот» могут взять на себя решение материальных проблем. Прежде всего речь идет о средствах на консервацию и реставрацию архитектурных памятников и на переселение семей из занимаемых ими исторических зданий, намеченных под музейные цели.

4. Проблема финансирования реставрационных работ может быть решена и с помощью частных инвестиций. Это могут быть как благотворительные пожертвования, так и прямые вложения на устройство гостиниц, торговых лавок и пр. Помощь может поступить и от уроженцев Крапивны, работающих сейчас в различных экономических структурах.

Концепция музейного развития Крапивны, направленная на активное содействие муниципальному самоуправлению, предполагает участие местных структур (больницы, школы, малого бизнеса) и местного населения в программе развития поселения, находящегося сейчас в депрессивном состоянии. Именно эти направления поддерживаются многими международными фондами, различными программами Европейского сообщества, они могут привлечь также и перспективные гранты.

Координацию действий мог бы взять на себя попечительский совет, который целесообразно сформировать на базе музея-заповедника «Ясная Поляна» с привлечением представителей Яснополянского соглашения и активных членов Крапивненского землячества.

Предварительные расчеты подтверждают достаточно высокую социальную и экономическую эффективность намеченных планов. Они связаны не только с развитием культуры и образовательной программой, но и с сохранением исторического наследия, среды исторического поселения, улучшением ситуации на рынке занятости, развитием социальной инфраструктуры, повышением уровня жизни населения. Общая занятость в музейной и туристской сфере, в экономи-

ческой и социальной инфраструктуре превысит 300 человек. Это позволит сделать Крапивну экономически развитым населенным пунктом, реальным и активным центром местного самоуправления.

В будущем необходимо также поставить еще одну важную задачу: вернуть Крапивне статус города. Лишенная его в середине 20-х годов «в связи с отсутствием промышленности и пролетарского элемента», Крапивна несомненно остается городским поселением, как по архитектурному, так и по градостроительному признаку. В Российской Федерации немало небольших городов, имеющих численность около 2–3 тыс. человек (города в Калининградской, Калужской, Тульской областях и др.). Многие из упраздненных городских поселений в дальнейшем опять стали городами. Думается, что историческая несправедливость, допущенная в отношении Крапивны, должна быть исправлена.

Е.А.Лащенко

«РУССКИЙ МИР» В АРМЕНИИ

Лащенко Ева Амановна – аспирантка
второго года обучения ИНИОН РАН.

По разным оценкам русскоязычное сообщество насчитывает до 25 млн. человек, большая часть которых проживает на постсоветском пространстве. К сожалению, четкое определение таких понятий, как «русский мир» и «российский соотечественник» до сих пор отсутствует. Даже Федеральный Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. не дает ясного ответа на вопрос, кто же относится к «российским соотечественникам». Согласно Закону, в эту категорию лиц входят: граждане России, постоянно проживающие за рубежом; лица, состоявшие в гражданстве СССР; выходцы из Российского государства, Российской Республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации; потомки соотечественников¹. Такое определение «российского соотечественника за рубежом» весьма расплывчато и нуждается в дальнейшей доработке, почему Закон в настоящее время все еще находится в Государственной думе.

Наиболее четко высказался по этому поводу Президент России В.В. Путин, выступая на Конгрессе соотечественников 11 октября 2001 г. Он, в частности, заявил, что к «русскому миру» относятся «десятки миллионов людей, говорящих, думающих ... чувствующих по-русски. Это вопрос “личного выбора” человека»². Руководствуясь данным подходом, можно выделить три основных критерия, характеризующих «русский мир» и объединяющих его в единое целое, – это этническая принадлежность, язык и культура. Носителями «русского мира», таким образом, выступают этнические русские, проживающие за рубежом, и представители других национальностей, не представляющих себя вне русского

1. Федеральный Закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. (с изменениями от 31 мая 2002 г.) // http://www.medialaw.ru/russian_laws/txt/44.htm

2. В.В. Путин Президент Российской Федерации // Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. 11–12 октября 2001 г. Москва. Итоговые материалы. – М.: Дрофа, 2001. – С. 4.

языка и культуры. Именно они должны стать социальной базой внешней политики России в отношении соотечественников за рубежом, так как поддержание «русского мира» предполагает сохранение и развитие русского этноса и информационно-культурного пласта – русского языка и культуры

В текущем 2006 г., объявленном Годом России в Армении было бы весьма своевременно обратить внимание на эти проблемы в армянском обществе. Учитывая постепенно увеличивающийся разрыв между Россией и Арменией и ослабление прежних связей, необходим комплексный анализ социально-экономического положения русских в республике для разработки конкретных мер по сохранению и развитию русского мира в Армении.

С момента обретения Арменией независимости на положение русского этноса повлияли два фактора, которые обусловили массовый отъезд русских: принятие закона «О языке» в 1993 г. и общее неблагоприятное социально-экономическое положение в республике³. Если в 1989 г. в Армении проживали 51 тыс. русских, то согласно последней переписи населения в 2001 г. в республике насчитывается лишь 14 660 этнических русских, что составляет 0,46% населения страны. Это вторая по численности группа национального меньшинства в республике после езидов (40 620 человек)⁴. Русская община состоит из двух групп: мигрантов советского времени и старожильского населения – молокан, которые проживают на территории республики более 150 лет. Согласно данным последней переписи населения республики в 2001 г., 70% русских проживают в городах. Сельское население представлено в основном молоканами и насчитывает примерно 4,5–5 тыс. человек. Основная часть их проживает в Ереване и Лорийском марзе (села Фиолетово и Лермонтово)⁵.

Русские в Армении сохранили высокий образовательный уровень. В 1989 г. на 1 тыс. человек приходилось 394 специалиста с высшим, неполным высшим и средним специальным образованием, в то время как у представителей титульной нации эта группа составляла 279 человек⁶. В 2001 г. 20% русских имели ученую степень, высшее, неполное высшее и среднее специальное образование, у армян этот показатель равен 31%⁷. Массовая миграция русских, преимуще-

3. Закон республики Армения «О языке» 17 апреля 1993 г. // www.parliament.am

4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. по Армянской ССР. Госкомстат Республики Армения. Ереван, 1989. – С. 99 и Результаты переписи населения РА 2001 г. (показатели Республики Армения). Национальная статистическая служба РА. – Ереван, 2003. – С. 360.

5. Там же. – С. 360.

6. И. Долженко. Социальный статус русских Армении. (По материалам переписи населения 1989 г.). Научные труды. Выпуск V. Изд.: Гитутюн НАН РА. – Гюмри, 2002. – С. 82.

7. Результаты переписи населения РА 2001 г. (показатели Республики Армения). Национальная статистическая служба РА – Ереван, 2003. – С. 364.

ственно городского населения несколько снизила численность этой категории лиц, зато возросла численность сельского населения.

В переписи населения Армении 2001 г. не содержатся данные о социально-трудовой и профессиональной структуре русского населения. Указано лишь, что 51% этого населения составляют сельские жители, которые ориентированы на физический труд и заняты земледелием. Они живут тем, что могут вырастить и продать на городских рынках, однако в последнее время из-за внутриэкономических проблем в Армении сбыть продукцию становится все сложнее. Не раз предпринимались попытки договориться с руководством российских военных частей о закупке сельхозпродукции (картофеля, капусты, свеклы и др.), но каких-либо конкретных результатов достигнуто не было.

Будущее этнических русских определяется общей сложной демографической ситуацией в республике. К 2025 г. ожидается сокращение населения в Армении на 12,7%. Исключение составляют лишь старожилы-сектанты, которые придерживаются традиционных взглядов на семью: 5–6 детей в молоканской семье считается нормой⁸. Однако и здесь можно наблюдать неблагоприятные процессы, связанные со стремлением молокан выехать из Армении в Россию, Южную Америку (Аргентину), Австралию, где существуют молоканские поселения. Стремление это вызвано прежде всего отсутствием работы в городе (большинство молокан в городе работают на стройках, водителями большегрузных автомобилей, электриками). Следует отметить, что качество их труда и работоспособность очень высоки, однако в последнее время серьезную конкуренцию молоканам составляют армяне, которым работодатели отдают предпочтение.

Мониторинг миграции русских в Армении не ведется. По данным Управления миграции и беженцев при Правительстве Республики Армения, ежемесячное отрицательное миграционное сальдо составляет примерно 7,5 тыс. человек. До 80% мигрантов уезжают в Россию, преимущественно в Москву, Санкт-Петербург, Краснодарский и Ставропольский края, Ростовскую область и в другие регионы, где компактно проживают армяне⁹.

Социально-экономическое положение русского населения остается довольно сложным. По просьбе Посольства России Министерство труда и социального развития Армении составило список граждан Армении русской национальности, остро нуждающихся в материальной помощи. К числу бедных были отнесены 2902 человека¹⁰.

8. И. Долженко. *Современное молоканство Армении: структура церковной организации. Научные труды. Выпуск VII. Изд.: Гитутюн НАН РА. – Гюмри. – 2004. – С. 88.*

9. По данным Управления миграции и беженцев при правительстве Республики Армения // <http://www.dmr.am.rdmr/iravijak/2003.htm>

10. По материалам Посольства России в Армении.

По данным Нацстатслужбы в 2003 г. численность бедного населения в Армении составила 42,9%, из них 7,4% – это крайне бедное население. К бедному населению были отнесены люди, которые получали доход ниже 22 долл. в месяц. Социальные программы госбюджета Армении в 2005 г. нацелены на снижение численности бедных до 38%. Наглядно иллюстрируют уровень жизни населения Армении такие показатели, как базовая пенсия, которая с 1 апреля 2005 г. составила около 7 долл., пособие по безработице – 16,6 долл. и ряд других. По оценкам Представительства по делам миграции МВД России в Армении, реальное число безработных в республике гораздо больше официально зарегистрированного уровня безработицы в 9,8%.

Социальную базу «русского мира», помимо этнических русских, проживающих в Армении, составляет также та часть армянского общества, которая проявляет интерес к русской культуре, изучает и преподаёт язык в общеобразовательных и высших учебных заведениях республики. Именно учебные заведения служат сохранению и распространению русского языка и культуры в армянском обществе.

По данным Минобразования и науки Армении, в настоящее время в республике действует 49 школ с «русскими классами», из них только в одной школе – «Славянской» – обучение ведётся на русском языке. Учёт численности учеников, обучающихся на русском языке, не ведётся, но по приблизительным данным она составляет примерно 9–10 тыс. учащихся¹¹. Проблема наполняемости классов с русским языком обучения решается за счёт мигрантов, граждан России, которые возвращаются на родину.

В «русских классах» имеют право учиться только дети граждан России или этнические русские. Вернувшиеся из России армяне после пяти лет обучения могут завершить его на русском языке. Детям младшего школьного возраста предоставляется два года для адаптации к новым условиям, затем они идут в классы с армянским языком обучения. Такой подход согласуется с положениями Закона Республики Армения «О государственном языке» от 1993 г.¹².

Ситуация с высшими учебными заведениями в Армении сложнее. В настоящее время действует только один вуз, где преподавание ведётся на русском языке – это Российско-Армянский университет (РАУ), в нём учатся 1889 человек. В других вузах Армении, например в Ереванском государственном университете, педагогическом институте им. Х. Абовяна, лингвистическом институте им. Брюсова, а также в университетах, которые находятся в городах Гаваре,

11. Армения. Из доклада Министерства иностранных дел Российской Федерации «Русский язык в мире». Москва, 2003 г. // www.in.mid.ru

12. Закон республики Армения «О языке» 17 апреля 1993 г. // www.parliament.am

Гюмри и Ванадзоре, русский язык преподается как специальность. По данным Минобразования и науки Армении, эту специальность выбрали около 1 тыс. человек. Конкурс при поступлении составляет 5–6 человек на место, что свидетельствует о престижности профессии¹³.

Проблема трудоустройства для выпускников университета – специалистов по русскому языку и литературе, как впрочем и для выпускников по другим специальностям, стоит в стране очень остро. Не менее серьезная проблема заключается в «старении» кадров – специалистов по русскому языку, которые работают в системе высшего образования Армении.

Новая национальная политика, направленная на укрепление и распространение, прежде всего, армянского языка, ведет к постепенному свертыванию русскоязычного пространства в Армении и ослаблению позиции русского языка в республике.

Проблемами российских соотечественников в республике занимаются пять общественных организаций. Наиболее крупной из них является ОО «Россия», созданная в 1993 г. По данным на 20 апреля 2005 г. она объединяет примерно 3453 тыс. человек. Официальные направления ее деятельности включают:

- прогнозирование процессов, происходящих во всех сферах жизни и деятельности российских соотечественников;
- программы социальной и благотворительной помощи, правовой защиты и медицинского обслуживания русского населения;
- культурно-просветительную работу (концерты, фестивали, конкурсы, выставки), имеющую целью сохранение и восстановление очагов русского образования и русской культуры, методическую помощь учителям русских классов общеобразовательных школ;
- предотвращение миграции соотечественников и развитие инициативы молодежи в различных сферах, поддержку социально незащищенных слоев русского населения, ветеранов и инвалидов войны, детей;
- расширение деятельности филиалов в регионах республики.

Значительное внимание ОО «Россия» уделяет вопросам образования на русском языке и работе с детьми. Огромным достижением «России» является создание школы «Славянской» – единственного в Армении негосударственного учебного заведения с русским языком обучения. На базе школы проводится основная масса культурно-просветительских мероприятий для российских соотечественников. Однако отсутствие собственного помещения и проблемы с отоплением в зимнее время года препятствуют нормальному образовательному процессу и снижают уровень подготовки школьников.

13. По данным Министерства образования Республики Армения на 2005 г.

ОО «Россия» имеет 12 общинных ячеек в Ереване и девять филиалов в других городах Армении (Гюмри, Ванадзор, Севан, Гавар, Эчмиадзин, Дилижан, Иджеван, Алаверди, Барамян). Работа ведется также еще в шести городах и поселках страны.

Второй по численности общественной организацией является «Славянский дом», который действует с 1997 г., объединяет около 1250 человек и имеет филиал в Раздане. «Славянский дом» объединяет три общины: русскую, украинскую и белорусскую. Уставные цели организации – это сохранение и пропаганда русской культуры и языка, а также укрепление связей двух христианских культур – армянской и славянской.

Благотворительность – одно из основных направлений работы этой организации, ведь 75% ее членов составляют пенсионеры, малоимущие, одинокие люди, средний возраст которых за 70 лет. Исходя из этого встает вопрос о перспективах развития «Славянского дома» и целесообразности его поддержки с российской стороны.

Кроме вышеуказанных организаций, действует также Фонд помощи и содействия российским соотечественникам Республики Армения, основанный в 1995 г. Под опекой Фонда находятся жители русских сел Фиолетово и Лермонтово. К основным задачам Фонда относятся:

- материальная, юридическая и другая помощь этническим русским в целях сокращения их исхода из Армении;
- создание рабочих мест и трудоустройство россиян, создание предприятий по переработке сельхозпродукции в местах компактного проживания соотечественников;
- защита гражданских, экономических, социальных и культурных прав российских соотечественников в Армении.

Менее значимые организации – это ОО «Россияне» и Международный центр русской культуры «Гармония», каждая из которых насчитывает не более 200–300 человек. Эти организации проводят культурно-информационные мероприятия и оказывают гуманитарную помощь.

В октябре 2004 г. в Министерстве юстиции Армении была зарегистрирована молодежная организация РАМЕ (Российско-армянское молодежное единство). Ее задача – пропаганда и сохранение русского языка и установление связей с российскими молодежными организациями.

Деятельность всех общественных организаций российских соотечественников включает мероприятия гуманитарного характера. Большая часть из них финансируется Посольством России в Армении. Все общественные организации имеют гуманитарную направленность и существуют только благодаря личной инициативе их руководителей и материальной помощи посольства. Основная задача российской стороны в отношении перечисленных организаций заключается в объединении их в одну мощную структуру.

В долгосрочной перспективе в республике может остаться небольшая группа этнических русских. Российская сторона должна оказать содействие в организации конкретных производств, например в сбыте сельскохозяйственной продукции с привлечением действующих в республике российских предприятий и фирм. Кроме того, поселения компактного проживания русских требуют улучшения социальной инфраструктуры: налаживания коммунального хозяйства, оснащения и, возможно, строительства новых школ, больниц и других объектов социального значения.

Продвижению русского языка и культуры в Армении способствовало бы поддержание «русских классов» и учебных заведений с русским языком обучения. Их необходимо обеспечить учебной и методической литературой, компьютерной техникой. Впереди много работы по организации олимпиад, конференций, научных стажировок для преподавателей и т.д.

Следовало бы полнее использовать потенциал общественных организаций российских соотечественников, оптимизировать их деятельность, наладить выпуск газеты российских соотечественников.

Эффективную помощь этническим русским и информационно-пропагандистскую работу по развитию положительного имиджа России в Армении могут планомерно осуществлять российские представительства МИДа, МВД, Росзарубежцентра, воинских частей и юридические лица Армении, чей производственный цикл связан с Россией.

В. Мазур

ТОЛСТОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ГАННОВЕРА

Валентина Мазур – член Толстовского общества Ганновера.

Толстовское общество Ганновера, отметившее уже свой десятилетний юбилей, было создано в 1994 г. Татьяной Чепурной, удивительным человеком, направившем свою энергию на поддержание русскоязычной культуры за рубежом. Рожденная после войны в Германии, она провела свое детство в рядах русского скаутского движения, поддерживаемого широко известным в мире Толстовским фондом, который так много сделал для русских эмигрантов, волею судеб оказавшихся оторванными от своей Родины. Воспоминания детства, прошедшего в атмосфере русской духовности, православных традиций, побудили Чепурную создать общество, также получившее имя великого русского писателя. Она установила контакт с Толстовской библиотекой в Мюнхене, находящейся под патронажем Толстовского фонда, заручилась согласием использовать учреждаемой ею организацией имя Толстого и в 1994 г. зарегистрировала Толстовское общество.

Справедливости ради надо сказать, что создать любое общество в Германии сравнительно легко, а вот сделать так, чтобы оно активно работало, пользовалось популярностью и большим авторитетом не только в эмигрантской среде, но и у коренного населения, чтобы число его членов выросло от десятка до шестисот человек, нужно приложить немалые усилия.

В отличие от ряда других русскоязычных объединений за рубежом, которые быстро распались, остались существовать лишь на бумаге или переродились в коммерческие структуры, Толстовское общество Ганновера обрело свое лицо и признание – во многом благодаря тому, что стремилось сочетать задачи сохранения русской культуры и освоения нашими бывшими соотечественниками культуры немецкой. Общество не замыкается в узких ностальгических рамках землячества, а активно живет, исповедуя принцип – владея двумя культурами мы становимся богаче.

Общество организует поездки по городам Германии и уже познакомило своих членов с уникальными архитектурными памятниками и богатыми музеями Берлина, Бремена, Любека, Брауншвейга, Гослара, Нюрнберга, Мюнхе-

на, Вюрцбурга, Веймара, Дрездена, Кёльна и других городов. Устраиваются творческие встречи с известными писателями и поэтами, среди которых назовем Фазиля Искандера, Владимира Войнича, Игоря Губермана, Дину Рубину, Виктора Соснору. Общество инициировало презентацию немецкого издания книги Татьяны Толстой «Кысь».

В литературно-музыкальной гостиной общества в разное время побывали пианист Амир Тебенихин, народный артист России Сергей Юрский, композитор и исполнитель Сергей Колмановской и другие деятели культуры. Большой популярностью пользуются организуемые обществом вернисажи, на которых выставляются не только профессиональные художники, но и любители (причем многие из них впервые взяли за кисть только в эмиграции, в достаточно солидном возрасте).

Для эмигрантов важно ощущение своей принадлежности к особой культурной группе – к русскоязычной диаспоре со всеми ее традициями и ценностями, важен бесперебойный поток социокультурной информации из привычных (по прежней жизни) источников. Такой информацией постоянно снабжает людей читальный зал Толстовского общества, где всегда можно познакомиться с российской и местной русскоязычной периодикой. Общество ежегодно выписывает пользующиеся неизменной популярностью журналы – «Новый мир», «Вокруг света», «Зарубежный роман», «Иностранная литература», «Зарубежные записки», несколько российских газет.

Среди регулярных мероприятий Толстовского общества есть и кино клуб, ежемесячно проводящий свои заседания с ретроспективными показами классики мирового кино, демонстрацией новинок российского и немецкого кинематографа. В рамках этих мероприятий в настоящее время осуществляется подготовка нового проекта – кинофестиваля любительского неигрового кино, который планируется сделать ежегодным и в котором могут принять участие как русскоязычные, так и немецкоговорящие режиссеры-любители.

Особого внимания заслуживает лекционная деятельность Толстовского общества. Благодаря интересной тематике и высокому профессионализму лекторов, на лекциях всегда аншлаг. Отметим циклы лекций, посвященных М.Шагалу, А.Блоку, М.Цветаевой. Первый цикл был прочитан членом общества, большим поклонником творчества художника, пастором Гюнетором Роймшюсселем; второй и третий – историком и искусствоведом Марией Плетинской. Инициативная группа членов общества приступила к осуществлению нового гуманитарного проекта – организации цикла лекций, посвященных истории российско-немецких отношений, взаимовлиянию двух великих культур. Акцент в рамках проекта будет сделан на восстановление забытых страниц этой истории.

У общества немало и других планов. К сожалению, осуществление многих из них тормозится по самой банальной причине – из-за отсутствия средств.

Никаких дотаций от государства общество не получает. Очень редко и с большими трудностями удается получить мизерные средства от города на осуществление какого-либо конкретного проекта. Члены общества не платят ни вступительных, ни ежегодных взносов – это принципиальная позиция председателя Т.Чепурной. Фактически весь бюджет общества основан на доходах от продажи билетов на организуемые им публичные мероприятия, о которых речь шла выше. Сотрудники общества не получают заработной платы, они существуют на пособия по безработице и маленькие гонорары от тех же мероприятий. Связь с Толстовским фондом существует на дружественной основе и, в основном, заключается в обмене культурной информацией, никакой материальной поддержки от фонда общество не получает. Неоднократные обращения за спонсорской помощью к российским и немецким коммерческим структурам остались без ответа. И все же, вопреки финансовым трудностям, Толстовское общество Ганновера живет и работает, принося пользу своей причастностью к двум культурам, ощущая, что оно нужно и русским, и немцам.

Бек У., Лау К.

**ВТОРАЯ МОДЕРНОСТЬ
КАК ПРЕДМЕТ ИЗУЧЕНИЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И
ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
«МЕТА-ИЗМЕНЕНИЯ»
СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА**

Beck U., Lau C.

Second modernity as a research agenda: Theoretical and empirical explorations in the «meta-change» of modern society // *British j. of sociology.* - L., 2005. - Vol. 56, № 4. - P. 525-557.

В современных обществах происходят радикальные изменения, констатируют Ульрих Бек (Мюнхенский университет, Мюнхен, Германия) и Кристофер Лау (Аугсбургский университет, Аугсбург, Германия). Они меняют социальную, экономическую и политическую жизнь, но не так существенно, чтобы можно было говорить о переходе от модерна к постмодерну. Все западные общества еще являются обществами модерна. Не произошло отказа от базовых институтов модерна, к которым, например, можно отнести национальное государство и нуклеарную семью. Имеет место их трансформация, позволяющая утверждать, что произошел переход от первой модерна к второй.

Термин «первая» модернность авторы статьи употребляют для описания модерна, характерной для нацио-

нальных государств, в которых общество и социальные отношения организованы по территориальному принципу. Специфический национальный образ жизни, полная занятость и эксплуатация природных ресурсов на своей территории были типичны для первой модерна. Сейчас имеют место глобализация, индивидуализация, гендерная революция, неполная занятость и глобальные риски. Политическое отличие второй модерна состоит в том, что общество должно одновременно реагировать на все эти вызовы.

Анализ показывает, что названные проблемы являются следствиями не поражения, а победы первой промышленной модернизации в национальных государствах. Именно это имеется в виду, когда говорят о «рефлексивной модернизации»: радикальная модернизация трансформирует социальные институты нежелательным и неожиданным образом. Употребляя язык системной теории можно сказать, что непредвиденные последствия функциональной дифференциации не могут больше контролироваться дальнейшей функциональной дифференциацией. Надежда на возможность контролировать развитие общества оказалась неосуществимой.

Переход ко второй модерна означает, что закончился этап развития промышленных национальных государств в Европе и Северной Америке, который продолжался с середины XIX в. до 1960-х годов. На этом этапе модернизации существовали такие институты, как национальное государство, конвейерное производство, нуклеарная семья, система производственных от-

ношений, социальное государство и высокоразвитая наука. В основе этой институциональной структуры лежала логика порядка и действия, стремящаяся к достижению четко поставленных целей. Эта логика проводила четкие границы между категориями человеческих существ, вещей и действий, а также устанавливала различия между способами деятельности и образом жизни. Стало очевидно, что эта логика недостаточно рациональна и эффективна.

Логика первой модерности действовала в соответствии с принципом «то или иное»: мы или они, организация или рынок, семья или ее отсутствие, работа или отдых, война или мир. В эпоху рефлексивной модерности на смену этому принципу пришел другой – совмещения противоположных вещей: знания и его отсутствия, природы и общества, организации и рынка, войны и мира. Границы между категориями стерлись, стало непонятно, что делать. Например, нет ясности относительно причин изменения климата, является ли это следствием действий людей, или они имеют природное происхождение. То, что было ясным и очевидным, оказалось сомнительным и неопределенным.

С социологической точки зрения, характерная особенность современных обществ состоит в том, как рационализация жизненного мира взаимодействует с функциональной дифференциацией социальных подсистем. В процессе модернизации большое значение приобретают: критическое отношение к традициям; эгалитарные формы солидарности; роль экспертных оценок при формировании образа жизни. Авторы статьи подробно рассматривают эмпирические следствия этих принци-

пов рефлексивности, эгалитаризма и субъективизма.

Программа эмпирических исследований рефлексивной модернизации начала осуществляться с 1999 г. Немецким исследовательским обществом. В 16 исследовательских проектах анализировались: а) знание, наука и технология; б) индивиды, жизненные ситуации, жизненные стили и работа; в) экономика, политика и история. Результаты подтвердили предполагаемые изменения. Например, выяснилось, что устранение границ между научным и ненаучным знанием привело к кризису науки, превратившейся в источник неопределенности и двусмысленности. Это означает, что соответствующие институты принимают прагматические решения, используя политические процедуры и нормативные критерии.

Вторая группа исследований, посвященных труду, социальным группам и индивидам, выявила переменчивый характер социальной жизни. У людей исчезла стабильная, нормальная жизнь, устойчивая семья. Границы исчезают, социальные группы перемешиваются. Индивиды создают новые типы семейных связей и часто меняют сферы занятости.

Исследования экономики, политики и истории продемонстрировали формирование транснациональных политических режимов. При этом значение и мера ответственности национальных государств резко уменьшились, изменилась структура национальных конфликтов. Стало очевидным, что общество второй модерности нельзя описывать с помощью понятий и категорий национального государства. Для этого необходимо выработать терми-

ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

нологию «методологического космополитизма». Для экономики второй модерна характерны следующие особенности: гибкая организация труда, распространение временных трудовых коллективов; изменения в моделях рациональности; тесная взаимосвязь между глобализацией, индивидуализацией и информатизацией; распространение культурного неолиберализма.

Старые социальные институты с трудом приспособляются к новой ситуации всеобщей неопределенности и двусмысленности. Они испытывают трудности при анализе проблем и принятии решений. Авторы статьи отмечают, что люди и институты часто реагируют на происходящие изменения, исходя из старой логики «то или другое». Подобный подход демонстрируют США в своей глобальной политике силового принуждения к миру. Авторы статьи призывают отказаться от силовой политики, реформировать ООН и международное право. Также следует учитывать, что трансформируется сам проект модерна, содержащий в себе конфликтующие идеи и ценности.

Отказ от логики первой модерна должен происходить в ходе дискурса, в котором необходимо заново пересмотреть представления обо всех социальных институтах. Главная черта современной ситуации состоит в признании необходимости принимать решения. Однако эти решения должны приниматься, исходя из новых принципов и процедур исследования второй модерна.

Различия между первой и второй модерностью авторы статьи проводят, используя разницу между базовыми

принципами и базовыми институтами. Вторая модерность содержит некоторые базовые принципы первой модерна. Одним из них является принцип, согласно которому решения необходимо принимать, исходя из рациональных доводов. Эти принципы – динамический элемент модернизации. Под базовыми институтами имеются в виду институциональные ответы на фундаментальные императивы базовых принципов в конкретных исторических условиях. Каждый ответ ассоциируется с конкретной фазой модерна. Например, следует проводить различие между базовым принципом государственности и базовым институтом национального государства, подверженного изменениям. Следует ожидать, что продолжение модернизации будет гарантироваться сохранением ее базовых принципов, а следствием рефлексивной модерна станет существенная трансформация базовых институтов.

Одна из причин уменьшения значения национальных государств – появление новых глобальных технологий и производств. Связанные с ними риски порождают такие проблемы, которые можно решить только усилиями многих государств. Продолжение развития промышленности вызывает эрозию традиционных семейных ценностей, делает трудовые отношения и социальные связи более гибкими и непостоянными.

Институциональный порядок первой модерна характеризовался совокупностью демаркаций, стандартных форм и дистинкций. Существовало разграничение между различными формами рациональности, сферами действия и категориями, которые делали возможным социальное поведение людей в

конкретных условиях. То, что выходило за пределы установленных границ и не вписывалось в рамки нормативной модели, игнорировалось и не признавалось. Поэтому социальное одобрение альтернативных образов жизни и типов социального действия является важным свидетельством перехода ко второй модерности.

Ключевая проблема теории рефлексивной модернизации состоит в том, как описать новую структурную логику. Эмпирические исследования показали, что новые базовые институты не появляются в «чистом» виде, а сосуществуют со старыми институтами. Новые элементы вызревают в старых формах, а устаревшие институты наполняются новым содержанием. Успешность рефлексивной модернизации зависит от того, сможет ли она решить институциональные проблемы, возникшие из-за стирания границ. Авторы статьи рассматривают разные рефлексивные способы преодоления неопределенности и двусмысленности.

Рефлексивная модернизация должна быть не просто суммой действий индивидов, а предложить проект трансформации всего современного общества. То, что классическая социология считала случайными и временными проявлениями кризиса и аномии, теория рефлексивной модернизации описывает как системный кризис, как следствие победы модернизации. Социальная структура и институциональные границы, возникшие в ходе первой модернизации, воспринимались

социологами как естественные и «нормальные». Все, что выходило за их рамки, описывалось как нечто девиантное и маргинальное. Теория рефлексивной модернизации отрицает противопоставление социальной «нормы» и «девиантности».

Утратив заданные «легитимные» границы, институты оказались в кризисной ситуации. Этот кризис можно преодолеть двумя способами: восстановить старые границы или с помощью рефлексивных процедур справиться с неопределенностью и двусмысленностью. Примером может служить изменение соотношения между национальным и международным. Граница между первым и вторым утратила смысл. Поэтому необходимо отказаться от «методологического национализма», согласно которому социальные отношения, выходящие за пределы национальных границ, игнорируются. В современном мире растет число национальных диаспор, людей, проживающих вне своей родной страны. Их часто рассматривают как национальные меньшинства, которые необходимо интегрировать и сделать такими же, как и остальные граждане. Авторы статьи отвергают такой подход. Не согласны они с тем, что западная («американская») модель общественного развития должна считаться единственно верной. Они призывают считать представителей разных культур и национальностей, живущих в одном государстве, равноправными гражданами, не подлежащими унификации и стандартизации.

П.Н. Фомичев

Arts W., Halman L.

**НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ
В ЕВРОПЕ СЕГОДНЯ: ЧТО
ЧУВСТВУЮТ И ДУМАЮТ ЛЮДИ**

Arts W., Halman L.

**National identity in Europe today:
What people feel and like //
Intern. j. of Sociology. - Armonk,
2005-2006. - Vol. 35, № 4. -
P. 69-93.**

В статье профессоров Вила Артса и Лойка Халмана (Университет Тилбурга) предлагается социально-психологический взгляд на проблемы индивидуальной и коллективной идентичности в современной Европе, освещаются проблемы нации, национализма и патриотизма, которые вновь оказались в центре внимания в эпоху глобализации и интеграции европейского сообщества.

Если для 1980-х годов было характерно представление о национализме как отжившей свое идее и акцентировалось политическое превосходство наднациональных органов, таких как Евросоюз, НАТО, ООН и др., то современная ситуация заставляет вновь вспомнить о национализме, патриотизме и национальной идентичности. Исторические обстоятельства возвращения национализма связаны с коллапсом коммунистического режима в Восточной Европе, воссоединением Германии, Маастрихтским договором.

Объединение Европы во многом способствует утрате национальной идентичности, возникновению панъевропейского экономического, политического и культурного сообщества. Но политическая практика нередко порождает конфликт общеевропейского и национального, хотя нельзя не отметить, что большая часть населения не испытывает трудностей с идентичностью – они считают себя полноценными членами как Европейского союза, так и своей нации.

Панъевропейская идентичность также имеет свои особенности: с одной стороны, на официальном уровне провозглашается девиз «единство в разнообразии», с другой – на практике это многообразие целенаправленно ограничивается. Например, Турция или Россия не являются приемлемыми кандидатами для вступления в Евросоюз. Более того, экстремистски настроенные европейские националисты называют всех не-европейцев варварами. По их мнению, варвары стоят не только у ворот Европы, они уже вторглись в нее, европейцев в целом заботит возрастающая культурная и этническая гетерогенность европейского сообщества, потоки мигрантов. Заботит их также стирание границ между европейскими государствами, которое в перспективе может привести к потере значимых культурных различий и национальной идентичности, а в долгосрочном прогнозе, можно ожидать утраты национальной идентичности в мировом масштабе.

Высказывания политиков и общественных деятелей по вопросу наций и национализма, как правило, носят характер теоретических спекуляций, це-

лю которых является воздействие на общественное мнение. Этот факт сам по себе заставляет задуматься о проблеме и предложить подлинно научный подход к ее рассмотрению.

Национализм, патриотизм и национальная идентичность – относительно современные явления. Они являются побочными продуктами построения государства современного типа. Авторы статьи понимают национализм как политический принцип, который предполагает совпадение политической и национальной общности. Нацию, ссылаясь на Халлера, они определяют как общность людей, которые разделяют чувство не только социального и экономического, но и политического единения и принимают активное участие в политической жизни своего государства. При таком рассмотрении как нация может существовать без государства, так и государство может объединять несколько наций. Отсюда появляется идея национального государства, в котором государство и нация совпадают. Но национальное государство может возникнуть только при очень специфических исторических условиях, и, согласно современным данным, только 10% государств на настоящий момент можно считать национальными

Национализм тесно связан с национальной идентичностью, которую можно определить как «самовосприятие» популяции, которая обладает общим опытом или разделяет более широкие культурные характеристики (обычаи, язык или религию). Идентичность создает социальные границы, разделяющие группы. В национальном государстве эти границы совпадают с государственными.

Свое исследование национальной идентичности авторы основывают на социально-психологической теории социальной идентичности. «Условия применимости этой теории таковы: во-первых, сопоставимость нации с внешней группой (out-group), во-вторых, эмоциональный компонент» (с. 74). Социальная идентичность всегда задействует и внешнюю группу и внутреннюю (in-group). Это означает, что она является комбинацией аффективных и когнитивных аспектов. Национальная идентичность вносит свой вклад в социальную идентичность индивида. Он может быть положительным или отрицательным, в зависимости от ценностных предпочтений в обществе (например, национальной гордости).

Национальная идентичность имеет несколько измерений, в зависимости от контекста она может предстать как патриотизм или национализм.

Вышеописанные теоретические основания авторы применяют к исследованию проблемы национальной и квазинациональной идентичности в Европе. Свое исследование они базируют на данных социологических опросов в странах Европейского союза. На вопрос, к какой общности они причисляют себя в первую очередь, около 50% респондентов ответили «свой город» или иное малое локальное образование. Около трети ответили «к своей стране», и только немногим больше 3% в первую очередь относят себя к Европе. Опросы показали, что собственный регион и страна воспринимаются, по большей части, как синонимы. В зависимости от обширных культурных и политических изменений, охватывающих отдельные регионы, меняются и

представления о собственной принадлежности населения. Так, например, в странах Балтии после распада СССР идентификация себя со страной резко выросла, то же самое наблюдается в Болгарии, Румынии, Словении. Статистические данные также позволяют сделать вывод, что вступление страны в Евросоюз не влияет на национальную идентичность ее граждан, результаты опросов до и после вступления в Евросоюз совпадают.

Немаловажно отметить, что идентичность связана скорее не с географической принадлежностью, а с отношением к конкретным людям и социальным группам. Так, жители европейских государств больше связывают себя со всем остальным человечеством, чем с европейцами, и гораздо в большей степени им близки жители их родных мест. Сильная национальная идентичность характерна для восточноевропейских государств: Болгарии, Литвы, Словакии, Словении, Румынии, исключение составляют Греция и Португалия.

Согласно статистике, чем позднее страна вступила в Евросоюз, тем больше плюсов в построении единой Европы видят ее жители. Это видно из данных по Венгрии, Болгарии и Румынии, где большая часть респондентов негативно ответили на вопрос о том, боятся ли они построения единой Европы, а результаты аналогичного опроса в Великобритании и Люксембурге противоположны.

Большинство европейцев не имеют ничего против образования реального европейского сообщества, но евроидентичность все равно останется квазиидентичностью.

Национализм в Европе проявляет себя в негативном отношении к этническим и религиозным меньшинствам, иммигрантам, в расовых предрассудках. Причем, в большинстве стран к иммигрантам относятся хуже, чем к представителям других рас.

Ксенофобия не является определяющей для Европы, но этноцентризм безусловно имеет место. Например, большинство европейцев убеждены, что при приеме на работу национальная принадлежность должна иметь значение. Только в процветающих странах с высоким уровнем жизни и низким уровнем безработицы респонденты редко высказывают подобное мнение.

Обширные статистические данные, приводимые авторами, показывают, что есть очевидная прямая зависимость между патриотизмом, этноцентризмом, ксенофобией и национальной идентичностью.

Подводя итог, авторы подчеркивают, что идентичность европейцев довольно противоречива, ситуативна и пластична. Европейская идентичность остается квазиидентичностью, но тем не менее большинство респондентов довольны тем, что их страны входят в Евросоюз. Более того, можно сказать, что идея Шарля де Голля о создании «государства Европа» остается актуальной для современного европейского сообщества.

К.Д. Муратова

Берноу Т., Уорд К.

**ПРОСТОДУШНЫЙ ЗА ГРАНИЦЕЙ,
ИЛИ КАРМАННЫЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ПСИХОЛОГИИ
ТУРИЗМА**

Berno T., Ward C.

**Innocence abroad: Pocket guide
to psychological research on
tourism // Amer. psychologist. -
Wash., 2005. - Vol. 60, N 6. -
P. 593-600.**

Статья Т. Берноу (факультет туризма и гостиничного бизнеса Южно-Тихоокеанского университета, Фиджи) и К. Уорд (Центр прикладных кросс-культурных исследований Викторианского университета, Веллингтон, Новая Зеландия) содержит обзор новейшей литературы по социальным и психологическим проблемам международного туризма.

Как специфический социальный феномен туризм стал объектом междисциплинарного и мультидисциплинарного анализа относительно недавно – в 70-е годы прошлого столетия. С конца 80-х годов интерес к туризму начали проявлять и психологи, однако, до сих пор собственно психологическое измерение этого явления подлежит исследованию преимущественно в рамках социальной психологии и психологии окружающей среды (обсуждаются такие темы, как мотивация и социально-психологический статус туриста, контакты «гость-хозяин», влияние но-

вых средовых условий на поведение индивида и т.п.). Между тем существует обширный пласт психологической литературы иного рода, который, как считают авторы, может быть весьма полезен для психологии туризма как новой субдисциплины: речь идет о теоретических и прикладных исследованиях аккультурации.

Аккультурация, пишут Берноу и Уорд, это процесс и результат изменений (социальных, когнитивных, поведенческих, аффективных), возникающих как следствие длительного контакта разных культур. Пионерами изучения аккультурации, преимущественно на макроуровне «межкультурных контактов», были представители сравнительной и культурной антропологии (30-е годы XX в.). Сегодня накоплен достаточный эмпирический материал, который иллюстрирует межкультурные (по большей части вынужденные) контакты «face-to-face» на уровне отдельных индивидов (беженцев, иммигрантов, вынужденных переселенцев). Настало время применить наработки кросс-культурных аналитиков к феномену международного туризма, который «предоставляет наиболее общезначимые условия для межкультурных контактов лицом-к-лицу в международном контексте» (с. 593).

Союз «психологии аккультурации» и социальной практики международного туризма будет полезен обоим участникам диалога. Для психологов туризм, рассмотренный в терминах процесса аккультурации, – это дверь в огромную естественную лабораторию кросс-культурного общения, предоставляющую богатейшие возможности для развития, апробации и проверки пси-

хологических теорий разного уровня. Для практиков индустрии туризма выводы и рекомендации исследователей – это рецепт совершенствования организации и инфраструктуры туристического и гостиничного бизнеса, разработки оптимальных условий адаптации инокультурных индивидов к среде «принимающей стороны». Именно такую – двойную – цель преследует выпуск «карманного путеводителя», который знакомит заинтересованные стороны с теоретическими азами аккультурации и способствует пониманию того, что туризм – это «нечто большее, чем солнце, воздух и вода» (с. 594).

Анализ теоретических моделей аккультурации предваряется в статье краткой социально-психологической характеристикой туриста как специфического субъекта межкультурных контактов. В отличие от других социальных групп, вступающих в чужую для них культурную среду под давлением внешних обстоятельств (беженцев, переселенцев, иммигрантов), турист посещает незнакомую страну по своему выбору и желанию. Его пребывание в новой социокультурной среде кратковременно, поэтому для него всякий межкультурный контакт – это приключение и зрелище. Общение туриста с «культурными аборигенами» непринужденно, но поверхностно; для принимающей стороны он – просто очередной гость, для туриста соприкосновение с носителями туземной культуры – это погружение в экзотику. Поэтому отношения «гостей» и «хозяев» бывают обычно радушными, дружелюбными, но несколько отстраненными. Турист – это, как правило, выходец из благопо-

лучной развитой страны, он имеет стабильный доход и экономическую независимость. Кроме того, турист обладает относительной свободой передвижения (хотя его культурные маршруты обычно ограничиваются шаблонным списком достопримечательностей, рекомендованных в путеводителе) и изменения планов. Его контакты с новой культурной средой опосредованы услугами гида, переводчика и слаженной машиной туристического сервиса. Таким образом, резюмируют свои наблюдения Берноу и Уорд, «туристы занимают уникальную нишу в среде носителей той или иной культуры: они обладают правом на межкультурную дистанцию и одновременно – возможностью наблюдать и изучать принимающее их общество» (с. 594).

В популярной литературе, посвященной туризму, до сих пор распространено понятие «культурный шок», под которым подразумевается совокупность негативных эмоциональных реакций и состояний (фрустрация, тревога, беспокорство, гнев, дезориентация), угрожающих кросс-культурному путешественнику, который «лишился привычных культурных кодов» (с. 595). Эти переживания путешественника подпадают под модель «стресса и адаптации», в рамках которой негативные эмоциональные последствия перемены культурной среды рассматриваются как «один из случаев приспособления к жизненным переменам» (а отнюдь не как клиническое или тем более психопатологическое явление).

С точки зрения психологов, смена культурной среды, чреватая нежелательными аффективными состояниями, «активизирует адаптивные ресурсы

индивида и требует ответных поведенческих реакций» (с. 595). Другими словами, туризм – это не только «развлечения – приключения», но и серьезный опыт психосоциальной адаптации и аккультурации в условиях утраты привычных жизненных ориентиров. В современной психологической литературе описаны такие стрессогенные факторы включения (хотя бы и кратковременного) в инокультурную среду, как непривычная пища, иные представления о гигиене и интимной стороне жизни, темпы социальной и частной жизни, степень ее публичности, жизненные стандарты, этикет, юмор, развлечения и досуг. Особое внимание, пишут Берноу и Уорд, следует уделить такой теме (которая пока только намечена в работах профессиональных исследователей), как расхождение «априорных» ожиданий субъектов межкультурных контактов и их реального опыта погружения в иную культурную среду.

К факторам, снижающим негативное влияние «культурных расхождений», обычно относят степень социальной поддержки, доступной туристу. Это инструментальная поддержка принимающей стороны (т.е. организация и инфраструктура индустрии туризма) и эмоциональная поддержка внутри туристической группы (или просто группы соотечественников либо людей близкой культуры). Белым пятном в литературе, посвященной эмоциональному измерению туризма как типа социокультурного опыта, остается тема воздействия межкультурного общения на психологическое и эмоциональное здоровье «культурных аборигенов», или принимающей стороны.

В исследовании поведенческих и интерактивных аспектов межкультурной коммуникации, главное внимание уделяется «процессам приобретения людьми навыков, релевантных данной культуре, необходимых для выживания в условиях незнакомой среды и для эффективного социокультурного взаимодействия в ней» (с. 596). Культурно-специфические навыки, необходимые для успешного кросс-культурного общения, предполагают определенный уровень социальной компетентности и практические знания (как пользоваться местным транспортом, как делать покупки и т.п.). Применительно к явлению международного туризма культурное научение (как аспект аккультурации и адаптации) требует пересмотра программ профессиональной подготовки гостиничного персонала, гидов и прочих представителей принимающей стороны, а также совершенствования справочно-информационных пособий для туристов, которые помогут лучше ориентироваться в социальных и бытовых инокультурных условиях.

Как свидетельствуют немногочисленные пока работы профессиональных психологов, участники межкультурного диалога в сфере туризма поддерживают устойчивые стереотипы восприятия друг друга: туристы – шумные, богатые, плохо воспитанные, равнодушные ко всему, кроме собственного удовольствия; хозяева – бедные, зависимые, забытые, вынужденные угождать. По мнению ряда исследователей, существует однозначная связь между степенью развития индустрии туризма в той или иной стране и позитивным/негативным образом «гостей» в глазах принимающего их сообщества. В развитых стра-

нах туризм и туристов воспринимают со знаком + и легко мирятся с издержками межкультурного общения; межкультурные контакты здесь не рассматриваются как потенциальная угроза национальному культурному суверенитету. В странах третьего мира туризм часто считают неизбежным злом, которое ущемляет чувство собственного достоинства «аборигенов», снижает их культурную самооценку, подрывает устойчивость традиционной культуры, наносит урон национальным ценностям. Развитие психологического осмысления международного туризма в терминах процесса идентификации авторы связывают с применением к этому феномену таких категорий и механизмов, как

социальное сравнение, формирование и функционирование стереотипов межгруппового (межкультурного) восприятия, становление позитивного образа партнера по культурному диалогу.

В заключение Берноу и Уорд подчеркивают, что международный туризм является актуальной, но почти не исследованной темой магистральной психологической науки; с этой точки зрения целесообразным представляется формирование особой психологической субдисциплины, главным направлением которой в ближайшие годы должен стать анализ туризма как специфического социально-психологического опыта в контексте масштабных кросс-культурных контактов.

Е.В. Якимова